

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

9

Выпуск (903)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

9

Issue (903)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 9 (903)

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 9 (903)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Il'inichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmolina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Конструирование фреймовых структур посредством перевода (на примере передачи китайских реалий на русский язык) ВАН ТИН.....	9
Отражение воздействующей функции китайских переводов в метатексте переводчика ГО Ц.	16
Когнитивные аспекты репрезентации зоонимов во фразеологии германских языков: от стереотипов к национально-культурным концептам (на материале немецкого и английского языков) ГУСЕВА А. Е., КОРЧАГИНА Е. П.	22
Компрессия синтаксических структур немецкого научного текста КАЗАНЦЕВА Ю. М.	30
Цифровой инструментарий автоматизированной обработки текста и речи в условиях перехода на свободные операционные системы семейства Linux КАМЕНСКИЙ М. В.	38
Кластерный подход к описанию молодежного сленга в интернет-коммуникации КАРТАВЦЕВА Ю. В., ХАЧМАФОВА З. Р.	45
Дельта Бёрроуза как инструмент решения проблемы несходства гимнографических коллекций (на материале немецкоязычных католических песнопений) КОРЫШЕВ М. В.	53
Дискурсивная репрезентация коммеморативного события (на материале английского языка) МУРАШОВА Е. П.	62
Особенности концептуализации исторической памяти в документальном фильме как поликодовом тексте САЛОМАХИН А. Ю.	71
Меметизация реальности как попытка деконфликтологизации: лингвокультурологический взгляд на деконструкцию серийного мема САПУНОВА О. В., ДЕНИСОВА Г. В.	79
Положительная степень сравнения как средство выражения категории компаративности (на материале текстов немецких и австрийских СМИ) УГРИНОВИЧ А. Н.	90
Семантика в мифопоэтической парадигме: опыт исследования лексической семантики ЦВЕТАЕВА Е. Н.	98

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Озеро (der See) и пруд (der Weiher) в поэзии высокого бидермейера ЗЕЙФЕРТ Е. И.	105
Рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо: имагопоэтический аспект КАРПОВА А. В., СЕМИНА И. А.	113
Феномен зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы» ЧЕРНОВА Ю. В., СЕМИНА И. А.	124
О языке «Книги песен» Петрарки в контексте русских переводов последних лет ЯКУШКИНА Т. В.	132

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Соответствие городской скульптуры запросам общества и культурному коду Москвы КРЮКОВА О. С., ПЛЕСКАЧЕВСКАЯ А. П.	140
Креолизованный текст в изобразительном искусстве: опыт структурного анализа СЕВОСТЬЯНОВ Д. А.	147

LINGUISTICS

Constructing Frame Structures by Means of Translation: Chinese Realia Transfer into Russian WANG TING	9
Reflecting the Impact Function of Chinese Translations in the Translator's Paratext GUO J.	16
Cognitive Aspects of Zoonym Representation in the Phraseology of Germanic Languages: From Stereotypes to National-Cultural Concepts (based on German and English languages) GUSEVA A. E., KORCHAGINA E. P.	22
Compression of Syntactic Structures of German Scientific Texts KASANZEVA JU. M.	30
Digital Toolkit for Natural Language Processing in the Linux Free Operating System Family KAMENSKY M. V.	38
Cluster Approach to the Description of Youth Slang in Internet Communication KARTAVTSEVA YU. V., KHACHMAFOVA Z. R.	45
Burrows's Delta Measure as a Tool Resolving the Hymnographic Discrepancy Issue Between Collections (based on German Catholic hymnals) KORYSHEV M. V.	53
Discursive Representation of the Commemorative Event (an analysis of English-language texts) MURASHOVA E. P.	62
Conceptualization Features of Historical Memory in Documentary Film as Polycode Text SALOMAKHIN A. YU.	71
Memetization of Reality as a Means of its Deconflicting: a Linguistic and Cultural View on the Deconstruction of a Serial Meme SAPUNOVA O. V., DENISSOVA G. V.	79
Positive Degree as a Means of Expressing the Category of Comparativity (based on the texts of the German and Austrian media) UGRINOVICH A. N.	90
Semantics Within the Mythopoetic Paradigm: Studying Lexical Semantics TSVETAeva E. N.	98

LITERARY STUDIES

The Lake (der See) and the Pond (der Weiher) in High Biedermeier Poetry SEIFERT E. I.	105
Reception of L. N. Tolstoy's Work in the Artistic-aesthetic System of H. Bordeaux: the Imagopoetic Aspect KARPOVA A. V., SEMINA I. A.	113
The Phenomenon of Mirroring in Edogawa Rampo's Short Story "The Twins" CHERNOVA I. V., SEMINA I. A.	124
On the Language of Petrarch's <i>Canzoniere</i> in the Context of Recent Russian Translations YAKUSHKINA T. V.	132

CULTUROLOGY

Compliance of Urban Sculpture with the Demands of Society and the Cultural Code of Moscow KRYUKOVA O. S., PLESKACHEVSKAYA A. P.	140
Creolized Text in Fine Art: the Experience of Structural Analysis SEVOSTYANOV D. A.	147

Конструирование фреймовых структур посредством перевода (на примере передачи китайских реалий на русский язык)

Ван Тин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
wangting.64@qq.com

Аннотация. В статье рассматривается механизм конструирования фреймов на основе первой передачи китайских реалий на русский язык в XVIII веке в процессе перевода. Основное внимание уделено когнитивному и творческому аспекту перевода, расширяющему границы читательского понимания. В качестве материала используются переводческие соответствия в книге А. Л. Леонтьева «Уведомление о чае и о шелке». Новизна работы заключается во взгляде на лексические соответствия в переводе с точки зрения фреймовой семантики. Методология исследования основана на теории фреймов и концепции информационного запаса переводческих соответствий. Полученные результаты показывают, что сочетание транслитерации, калькирования, аналогии и описания формирует фреймовую структуру, обеспечивая наиболее полную передачу культурно-специфичных понятий.

Ключевые слова: фрейм, переводческие соответствия, когнитивные аспекты перевода, культурно-специфичные наименования, фреймовые структуры

Для цитирования: Ван Тин. Конструирование фреймовых структур посредством перевода (на примере передачи китайских реалий на русский язык) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 9–15.

Original article

Constructing Frame Structures by Means of Translation: Chinese Realia Transfer into Russian

Wang Ting

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
wangting.64@qq.com

Abstract. The article considers the mechanism of frame construction in the process of translation based on the first transfer of Chinese realities into Russian in the 18th century. The main attention is paid to the cognitive and creative aspect of translation that expands the boundaries of understanding. Translation correspondences in A. L. Leontiev's book "Notice of Tea and Silk" are used as material. The novelty of the work lies in looking at lexical correspondences in translation from the point of view of frame semantics. The research methodology is based on frame theory and the concept of information stock of translation correspondences. The results show that the combination of transliteration, calquing, analogy and description forms a frame structure, providing the most complete transfer of culturally specific concepts.

Keywords: frame, translation correspondences, cognitive translation studies, culturally specific names, frame structures

For citation: Wang Ting. (2025). Frame structures construction by means of translation (on the example of Chinese realia transfer into Russian). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие фрейма активно используется в когнитивной лингвистике, фреймовой семантике, лингводидактике. Изначально термин «фрейм» был предложен американским социологом Г. Бейтсоном для изучения поведения животных. Позже он был использован при изучении языка американским лингвистом Ч. Филлмором. В науке о переводе понятие фрейма пока не применялось для исследования когнитивного потенциала различных способов перевода. Понятие фрейма оставляет пространство для дальнейших исследований в области переводоведения. Ранее отсутствовало последовательное обоснование применения фреймовой модели к анализу передачи культурных особенностей в переводе.

Фреймовая концепция может быть распространена в область переводоведения и актуализирована при исследовании когнитивных механизмов, обеспечивающих передачу культурно-специфичной информации. Для этого есть ряд оснований в различных подходах к пониманию природы фрейма.

В 1970-х годах XX века М. Минский предложил термин «фрейм» для описания структуры знаний, которая используется при восприятии пространственных сцен¹. Он выделял четыре разновидности фреймов: ситуационные, классификационные, словообразовательные и сочетаемостные. Исследователь акцентировал их значимость в структурировании информации и когнитивных процессах. В его модели фрейм представляет собой двухуровневую систему, объединяющую ментальные представления о мире с языковыми средствами их выражения [Минский, 1979].

Ч. Филлмор выделяет несколько терминов для обозначения концептуальных явлений, связанных с фреймами. Он предлагает различать сцену как совокупность опытных данных из реального мира, схему как концептуальную систему для категоризации объектов и действий; фрейм, как языковую структуру для описания категорий; и модель как индивидуальное представление человека о мире. Модель текста, как считает Филлмор, представляет собой совокупность схем, созданных интерпретатором на основе фреймов текста. Эта модель, по мнению исследователя, формирует сложные сцены [Филлмор, 1983].

Фреймовая теория является одной из ключевых основ когнитивной лингвистики, позволяющей

систематизировать знания о языке и его функционировании. Е. Г. Беляевская предлагает детализированную типологию фреймов, показывая, что они представляют собой не только структуры передачи информации, но и инструменты формирования языковых систем. По ее научному убеждению, фреймы могут быть разделены на ситуационные, классификационные и объектные, причем их взаимодействие создает основу для когнитивного моделирования речи [Беляевская, 2018]. Опираясь на теорию Ч. Филлмора, Е. Г. Беляевская объясняет, как происходит формирование фреймовой структуры в сознании людей. Процесс и структурирования информации человеком проходит несколько этапов. Сначала фиксируется зрительный образ объекта (сцена), затем формируется его концептуальное представление в системе знаний человека (схема). Далее определяются языковые средства для передачи информации об объекте (фрейм) [Беляевская, 2013]. Восприятие фрейма получателем формирует его индивидуальную модель понимания передаваемой информации. Совокупность таких моделей, основанных на одном тексте, составляет модель текста. Структуры восприятия текста в совокупности образуют его множественную модель. Она позволяет читателю или слушателю воссоздать схемы объектов, использованные автором, и восстановить визуальные образы (сцены). (Речь идет о сценах, которые представлялись автору во время создания текста.) Таким образом, по мнению Е. Г. Беляевской, фрейм представляет собой «структурированное знание о фрагменте действительности, содержащее концептуальное основание фрейма и все языковые средства, необходимые для вербализации информации о соответствующем блоке знаний в процессе коммуникации» [Беляевская, 2013, с. 43].

Если исходить из аксиомы, что перевод – это трансфер знания, такое понимание фрейма вполне может быть распространено на переводческие соответствия понятий, существующих в языке оригинала, понятиям, которые были ранее неизвестными в языке перевода. Последние представляют собой новую информацию, новое знание для получателей переводного текста. Языковые единицы, выбранные переводчиком для их передачи, структурируют это знание, формируют его концептуальную основу. Таким образом, в сознании реципиента перевода возникает определенная когнитивная схема. Иными словами, если фрейм являет собой определенным образом организованное знание, то подбор переводческих соответствий в их совокупности составляет механизм передачи этого знания коммуникантам, которые пользуются другим языком.

¹Под сценами в данном случае понимаются не художественные или театральные постановки, а любые конфигурации объектов в пространстве и их взаимоотношения, т. е. речь идет об описании окружающей среды (реальной или смоделированной), а не о видах искусства.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать, как переводческие соответствия становятся инструментом для конструирования новых знаний. В рамках настоящего исследования предполагается изучение выбранных переводчиком языковых единиц на предмет сообщаемого ими запаса информации, описанного Р. К. Миньяром-Белоручевым в его теории информативности текста [Миньяр-Белоручев, 1980].

В качестве материала для статьи были выбраны лексические соответствия в переводе А. Л. Леонтьева «Уведомление о чае и о шелке» с китайского языка, изданном в 1775 году и предоставившем русским читателям XVIII века новую для них информацию о традиционных для Китая элементах национальной культуры.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЕ А. Л. ЛЕОНТЬЕВА

Обращение к первым русским переводам с китайского языка в особой степени конструктивно для нашей работы. Эти переводы наиболее показательны в отношении нового, ранее неизвестного в России, знания о том, как китайцы выращивают и производят чай, ткнут шелковую ткань и т. д. Русский переводчик XVIII века не имел готовых, или устойчивых, соответствий для культурно-специфичных китайских наименований (реалий) и должен был выстраивать особую стратегию передачи новой для русского получателя информации. В этом отношении история перевода предлагает исследователю наглядные примеры взаимодействия одной культуры с другой, которое неизбежно требовало конструирования знания о незнакомых русскоязычному читателю фрагментах китайской культуры.

А. Л. Леонтьев – русский синолог XVIII века. Он является одним из основоположников российского китаеведения. В 1775 году Императорская академия наук в Санкт-Петербурге опубликовала перевод А. Л. Леонтьева «Уведомление о чае и о шелке», взятый из китайской книги «Вань боу Кюань» в империи Цин, т. е. «Полное описание сокровищ Земли». Книга «Вань боу Кюань», призванная быть «полезной для широкой публики», содержит информацию о спорте, литературе, играх, оздоровительных практиках, медицине, гаданиях и других аспектах повседневной жизни китайцев [прив. по: 沈伟, 2024]. В книге «Уведомление о чае и о шелке» дается первое описание возделывания культур, в то время почти незнакомых в России, а также китайской чайной церемонии, культуры производства шелка. В книгу включены стихи, написанные в соответствии с картинками из оригинальных текстов

(в стихах воссоздаются сельскохозяйственные процессы при возделывании хлеба), и целый ряд оздоровительных практик, выбранных из врачебной книги «Бэньцао ганму». Перевод А. Л. Леонтьева знакомил русского читателя XVIII века с неотъемлемыми составляющими китайской национальной культуры, о которых получатель перевода не знал почти ничего. Поэтому перед переводчиком вставала задача доведения до сведения читателя наиболее полной информации о китайских культурно-специфичных понятиях. Эта информация требовалась, для того чтобы сформировать у читателя представление о том, откуда берется чай, шелк и что означают иные китайские реалии.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЕ ФРЕЙМА

Во всей книге А. Л. Леонтьев передал 22 культурно-специфичных наименования, и использовал различные способы перевода, включающие как устойчивые, так и окказиональные соответствия (транслитерацию, калькирование, аналог, лексические замены и описание). Их распределение по группам и частотность использования показаны в таблице 1.

Таблица 1

ВИДЫ СООТВЕТСТВИЙ И ИХ ЧАСТОТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Виды соответствий	Частотность
Устойчивое соответствие	2
Транслитерация	17
Калькирование	1
Аналог	10
Лексические замены	2
Описание	8

Согласно приводимым данным, в распоряжении А. Л. Леонтьева было всего одно устойчивое соответствие между культурно-специфичным наименованием в языке оригинала и его реализацией (эквивалентом) в русском переводе. Все остальные являются окказиональными, т. е. переводчик сам создавал их для конкретного контекста с целью сообщения новой, неизвестной в русском языке информации. Мы видим, что чаще всего он использовал для этого транслитерацию и соответствия-аналоги. Далее по частотности следует описательный перевод.

В процессе интерпретации культурно-специфичных наименований переводчик комбинирует несколько способов перевода (табл. 2), выбирает для незнакомого ранее понятия различные

окказиональные соответствия, которые в совокупности были призваны раскрыть содержание каждой китайской реалии. Следуя теории Р. К. Миньяра-Белоручева, А. А. Леонтьев связывает с этими соответствиями различную степень информационного запаса [Миньяр-Белоручев, 1980]. Таким образом, он структурирует передаваемую информацию и формирует фрейм.

Таблица 2

КОМБИНАЦИИ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА
И ИХ ЧАСТОТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Комбинации способов перевода	Частотность	Степень информационного запаса
Калькирование + аналог	1	2
Транслитерация + описание + лексические замены	2	4
Транслитерация + аналог	4	2
Устойчивое соответствие + описание	1	4
Транслитерация + описание + аналог	3	3
Транслитерация + описание	2	2

Приведенные данные показывают, что чаще всего русский синолог XVIII века комбинирует транслитерацию с соответствием-аналогом, что, вероятно, позволяет ему кратко и емко передать основное содержание незнакомой реалии: транслитерация показывает иноязычную принадлежность наименования, а аналог узнаваемо напоминает об известном понятии. Однако степень информационного запаса такого перевода невысока, так как здесь «происходит как бы распределение обозначаемых не по классам предметов, явлений, а по родам» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 55]. Добавление соответствия-описания к этой комбинации повышает информационный запас до третьей степени, или добавляет видовую отнесенность. Такой способ перевода А. Л. Леонтьев также применял достаточно часто. Более высокая (четвертая) степень информационного запаса встречается реже, когда «наличие некоторого объема систематизированных сведений о денотате» [там же, с. 56] обеспечивается за счет использования переводчиком развернутого описания.

Проиллюстрируем сказанное на примерах.

У китайцев в лексиконе описано *чаевое дерево* подобным с виду ольхе (Леонтьев, 1775)¹.

¹Здесь и далее приводится по изданию: Леонтьев А. Л. Уведомление о чае и о шелке. Из китайской книги Вань боу Кюань называемой / Перевел секретарь Леонтиев. Санкт-петербург: Императорская Академия наук, 1775.

Сначала А. Л. Леонтьев перевел китайское наименование 茶树 как «чайное дерево» с помощью калькирования. В китайском языке 茶 обозначает существительное «чай», также прилагательное «чайный». 树 соответствует существительному дерево. В этом предложении 茶 выступает в роли прилагательного, определяющего существительное 树, поэтому его можно перевести как чаевое дерево. На этом этапе сформирована первая степень информационного запаса, означающая соответственность с общей областью знания. Затем синолог подобрал аналог в русском языке – ольха, что дает читателям более конкретное представление о внешнем виде чайного дерева. В это же время формируется вторая степень информационного запаса. Значит, аналог со своим информационным запасом становится в центре создаваемого представления как опора. Соответственно, расширяется концептуальная основа этого фрейма, чтобы актуализировать ассоциации² в сознании читателя. Например, на чайном дереве есть такие же листья, как на ольхе, и китайцы собирают листья с чайного дерева, кладут их в котел, где они запекают их, сушат и изготавливают чай. То есть переводчик начинает создавать этот фрейм как некий кадр в ментальном представлении читателя.

Настоящая пора снимать оные за пять дней до наступления времени названного *Гу юй* (а), и продолжать только десять ночей, ради того, что самое лучшее к сему время, ночь чистая, когда нет облаков, туману и росы.

(а) По российскому Календарю небесной знак ☊ тельца, которой обыкновенно бывает в Апреле месяце, и начинается около 10 числа. Гу юй, две Китайские литеры значат хлебный дождь (Леонтьев, 1775, с. 1).

А. Л. Леонтьев сначала использует транслитерацию названия (Гу Юй), чтобы сохранить оригинальное звучание китайского термина 谷雨. Передача звучания названия «ГуЮй» без объяснения его смысла и семантики не дает читателю достаточной информации о его значении. А после добавления описания «По российскому календарю небесный знак ☊ тельца, который обычно бывает в апреле, и начинается около 10 числа» формируется культурная привязка китайского исчисления времени к русскому контексту. Она позволяет соотнести китайский термин с западным астрологическим календарем, создавая для русскоязычного читателя точку соприкосновения с зодиакальным астрологическим календарем в привычной ему модели.

²Под ассоциациями понимаются ментальные связи, возникающие у читателя между выбранным аналогом и уже знакомыми ему представлениями.

Кроме того, соответствие «хлебный дождь», использованное А. Л. Леонтьевым, также усиливает ассоциации с сезонными изменениями. Это расширяет концептуальную базу совокупности понятий о сезонных изменениях и аграрных процессов, связывая термин с феноменом сезонных дождей, влияющих на урожай. Эти фрагменты в совокупности конструируют фрейм, связывая «Гу Юй» не только с временным периодом, но и с определенными сельскохозяйственными процессами. Русскоязычному читателю становится понятно, что речь идет о ключевом моменте сбора урожая, зависящем от погодных условий. Переводчик применяет комбинацию транслитерации, описания и лексической замены, которая составляет 4-ю степень информационного запаса. Она помогает читателю не просто распознать иностранный термин, но встроить его в понятную концептуальную схему, активируя ассоциации с погодными явлениями и сельскохозяйственной деятельностью.

Когда черви созрели и начали для свивания гнезд мест искать, в то время состукивать их в *цюи* (ж); цюи становить на высоком плоском месте, где нет сырости и зною.

(ж) Цюи: большие плетеные клетки, в коих черви гнезды вьют, бывают на подобие скрынков круглых или четвероугольных (Леонтьев, 1775).

Когда русский читатель впервые сталкивается с транслитерированным словом *цюи*, он не может понять, что это на самом деле. Оно не обладает для него никаким информационным запасом. Поэтому переводчик добавил словосочетание «большие плетеные клетки» и объяснил его в сноске, чтобы понятие «цюи» содержало больше информационного запаса. Итак, читатели получают первое представление о том, что цюи – это специальное приспособление для шелководства. Благодаря сравнению со скринками, формируется визуальный образ. Затем описание вводит контекст использования: цюи – это не просто контейнер, а функциональный инструмент, необходимый для правильного созревания коконов. Теперь это культурно-специфичное наименование обладает 3-й степенью информационного запаса, т. е. можно понять роль объекта в технологическом процессе, а не просто его форму. Используя транслитерацию, лексические замены и описание, А. Л. Леонтьев создает фрейм, с помощью которого читатели получают информацию о строении, функции и биологической роли объекта, что делает фрейм более многослойным. В памяти читателей формируется более подробное представление о «цюи» (его материале, форме и назначении в шелководстве). Это позволяют

читателям воссоздавать схемы объектов действительности, использованные переводчиком.

Спускай (**) *ляньдзы* скорее, сама тут не вертись

(**) Занавески плетеные из тонкого тростника, вешают на дверях и окнах (Леонтьев, 1775).

Здесь А. Л. Леонтьев транслитерировал 帘子 как ляньдзы. Однако на данном этапе читателю неизвестны его функции и культурная значимость. Затем он добавил аналог и описание в сноске, которые помогают читателям встроить объект в знакомую бытовую обстановку. При построении фрейма русский синолог использовал уже существующее в русской культуре наименование «занавески», объединил его с новым признаком – материалом тростника. Итак, информационный запас вokkaциональном соответствии увеличился до 3-й степени – читатели не просто узнают слово, но и воспринимают концептуальную основу нового предмета «ляньдзы».

В результате анализа фреймовых структур мы видим, что передача исторических и культурно-специфических наименований включает не просто трансформацию языковых единиц в переводе, но и активное формирование концептуальных основ понимания историко-культурного контекста и смысловых коннотаций, заложенных в переводимых наименованиях. Использование различных способов перевода, таких как транслитерация, калькирование, аналогия и описание, позволяет не только передавать информацию, но и конструировать новые когнитивные модели у получателя. Чрезвычайная значимость данного процесса заключается в создании устойчивых структур, способствующих адекватному восприятию и интерпретации переведенного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для передачи реалий китайской культуры А. Л. Леонтьев использовал множественные соответствия. Он почти везде предлагал транслитерацию, а дальше сопровождал ее аналогом, калькой и описанием в различных комбинациях, потому что каждое из этих соответствий обладает разным информационным запасом. Транслитерация не может дать больше первой степени информационного запаса, либо вообще его не сообщает, но указывает на принадлежность к иной культуре. А аналог, калька, лексические замены уже способны дать вторую или третью степени информационного запаса. Описание может расширить содержание до третьей и четвертой степеней информационного запаса. И соответственно, комбинации этих соответствий в совокупности создают информационную

структуру, подобную фрейму. В центре этой структуры находится концептуальное основание, представленное в виде аналога, кальки, лексических замен. Все они употребительны, потому что они обладают наибольшим экспланаторным потенциалом и передают понятие. А транслитерация и описание дополняют понятие уточняющими признаками, которые вызывают ассоциации с некой сценой и, таким образом, формируют схему представления о конкретном объекте. В итоге переводчик создает фрейм в сознании получателя.

Интерпретация фрейма, реализованного в тексте получателем информации, формирует у него модель представления об объекте, включающую сцену, схему и языковые средства выражения.

Анализ переводческих соответствий показывает, что механизм формирования фреймовых структур посредством перевода позволяет не просто передавать информацию, но и моделировать когнитивное восприятие историко-культурных реалий у получателя. Применение различных способов перевода – от транслитерации и калькирования до аналогов и описаний – способствует созданию комплексных концептуальных структур, обеспечивающих адекватное понимание культурно-специфических понятий. В итоге подход к анализу переводческого процесса в параметрах теории фреймов способствует более глубокому пониманию процесса перевода и открывает перспективы для дальнейших исследований в области когнитивного переводоведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979.
2. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. С. 74–122. (Вып. XII. Прикладная лингвистика).
3. Беляевская Е. Г. Типология фреймов в конструировании языковой системы и дискурса // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 346–349.
4. Беляевская Е. Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. Вып. 3. С. 41–48.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980.
6. 沈伟. 清代生活日用类书《增补万宝全书》探析[J]. 古籍整理研究学刊. 2024. (4): 67–74 = Шэнь Вэй. Анализ книги «Дополнительный Ваньбаоцюань», посвященной повседневной жизни династии Цин // Журнал по сбору и изучению древних книг. 2024. Вып. 4. С. 67–74.

REFERENCES

1. Minsky, M. A. (1975). *Freimi dlya predstavleniya znanii* = Framework for Representing Knowledge. Moscow: Energiya. (In Russ.)
2. Fillmor, Ch. (1983). *Osnovnie problemi leksicheskoi semantiki* = Basic problems of lexical semantics. New in foreign linguistics, 7, 74–122. (In Russ.)
3. Belyaevskaya, E. G. (2018). Frame typology in language and discourse construal. *Cognitive studies of language*, 34, 346–349. (In Russ.)
4. Belyaevskaya, E. G. (2013). Conceptual metaphor as a source of stylistic devices in discourse. *Issues of cognitive linguistics*, 3, 41–48. (In Russ.)
5. Minyar-Beloruchev, R. K. (1980). *Obshchaya teoriya perevoda i ustnyy perevod* = General theory of translation and interpreting. Moscow: Voenizdat Publ. (In Russ.)
6. 伟. 清代生活日用类书《增补万宝全书》探析[J]. 古籍整理研究学刊, 2024, (4): 67–74 = Shen Wei (2024). An Analysis of the Qing Dynasty Daily Life Class Book “Supplementing the Wanbao Quanshu”. *Journal of Ancient Books Collation and Studies*, 4, 67–74. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ван Тин

аспирант

кафедры общего и сравнительного языкознания

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wang Ting

PhD student

Department of General and Comparative Linguistics

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.08.2025	
принята к публикации	17.09.2025	

Научная статья
УДК [811.161.1=811.581]:81'25

Отражение воздействующей функции китайских переводов в метатексте переводчика

Го Цзинхань

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Хулуьбэрский институт, Хулуьбэр, Китай
1026645976@qq.com*

Аннотация. В статье рассматриваются способы реализации воздействующей функции китайских переводов с русского языка в предисловиях и послесловиях к ним. Методом лингвопрагматического анализа переводческих метатекстов определяются основные темы и языковые средства, благодаря которым реализуется функция воздействия понимания и восприятия исходного текста на читателя. В качестве материала были изучены девять китайских метатекстов к переводам русских сочинений по философии и литературоведению. Результаты исследования указывают на одну тенденцию, присущую авторам китайских переводческих метатекстов. В них прослеживается ярко выраженное авторское стремление повлиять на восприятие текста читателем. Данный рецептивный показатель свидетельствует о том, что в китайской культуре назначение перевода понимается иначе, нежели в европейской.

Ключевые слова: воздействующая функция, перевод, русский язык, китайский язык, метатекст переводчика, предисловие и послесловие, сочинения по философии и литературоведению

Для цитирования: Го Цзинхань. Отражение воздействующей функции китайских переводов в метатексте переводчика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 16–21.

Original article

Reflecting the Impact Function of Chinese Translations in the Translator's Paratext

Guo Jinghan

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Hulunbeier Institute, Hulunbeier, China
1026645976@qq.com*

Abstract. The article deals with the ways of realizing the impact function of Chinese translations from Russian in prefaces and afterwords. By means of linguopragmatic analysis of translated paratexts the main themes and linguistic means that realise the function of influencing the reader are identified. Nine Chinese paratexts to the translations of Russian works on philosophy and literary studies were taken as research material. The results indicate that Chinese translation paratexts are characterized by a pronounced desire to influence the reader's perception of the text, which indicates a different understanding of the purpose of translation in Chinese culture from that in Europe.

Keywords: impact function, translation, Russian, Chinese, translator's paratext, preface and afterword, essays in philosophy and literary studies

For citation: Guo, Jinghan. (2025). Reflecting the influential function of Chinese translations in the translator's metatext. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 16–21. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Явление метатекста может рассматриваться в двух ракурсах: как отдельный жанр в рамках художественного или научного стилей и как феномен переводческой деятельности в контексте межкультурной и межязыковой коммуникации. «Метатекст в его общелингвистическом значении является разновидностью текста, выполняющего в процессе коммуникации определенную функцию комментирования и пояснения основного текста» [Пластинина, 2017, с. 46]. Понятие метатекста было впервые введено А. Поповичем в теории «Aspects of Metatext» 1976 года». Оно обозначает самые разные виды обработки художественных текстов, включая авторское произведение, читательское прочтение, комментарии критика и переводчика. Н. А. Пластинина пишет: «Переводчик, профессиональный билингв, владеющий речевыми и культурными нормами нескольких культур и способный преобразовать текст одной языковой культуры в другую таким образом, что смысл оригинала оказывается соразмерным и гармоничным смыслу перевода» [Пластинина, 2017, с. 73]. Переводчик конструирует интерпретацию авторского текста с помощью метатекстов, так как метатекст способен раскрыть культурный контекст, в котором создавался оригинальный текст, прояснить стратегию перевода и передать намерение автора удовлетворить определенные потребности целевой аудитории. Из сказанного следует, что переводческий метатекст отражает, в первую очередь, переводческую интерпретацию оригинала. Она, в свою очередь, зависит от культуры, к которой принадлежит язык перевода.

Д. И. Остапенко выявляет 16 основных тем европейских предисловий к художественным переводам и делит их на четыре блока [Остапенко, 2014]. Мы также выделили 16 основных тем в китайских предисловиях к художественным переводам и разделили их на пять блоков: четыре из них соответствует структуре английских и русских предисловий (информация об авторе, информация об исходном тексте, информация о тексте перевода и информация об издании), а пятый – тематический – блок побуждает читателя к правильному восприятию перевода. Он характерен только для китайских предисловий [Го, 2024]. В китайских предисловиях к художественным переводам этот тематический блок обычно сокращен до указания прагматической ориентации текста перевода, однако сам факт его наличия показателен. Он свидетельствует о том, что назначение перевода в Китае понимается

иначе, нежели в Европе. Если в Европе перевод, прежде всего, информативен, то в Китае он несет также аксиологическую нагрузку. Он служит развитию китайских читателей и обогащению культуры страны.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить способы реализации воздействующей функции китайских нехудожественных переводов с русского языка. Эта функция отражена в предисловиях и послесловиях к ним. Объектом изучения являются языковые средства, использованные переводчиком в метатексте для достижения определенного восприятия перевода китайским читателем. Предметом – прагматический аспект подобных средств воздействия. В качестве материала были изучены девять китайских метатекстов (предисловий и послесловий общим объемом 59694 знака) к переводам русских сочинений по философии и литературоведению за период с 1960-х годов по начало XXI века.

В 1960-е годы, когда Китай находился на этапе социалистического культурного строительства, литературно-художественное творчество стремилось опираться на зарубежный опыт. В 1980-е годы на волне реформ и открытости Китай активно впитывал зарубежные идеологические и культурные достижения. В 90-е годы XX века – начале XXI века, когда в Китае постепенно создавалась социалистическая рыночная экономика, бурно развивалась культурная индустрия, рос читательский спрос на литературу, что повлекло за собой публикации многих китайских переводов русских текстов. Избранные нами авторы – и, следовательно, произведения! – этого периода несут в себе уникальные художественные ценности и содержат глубокий идеологический контекст. На протяжении анализируемого периода эти константы переводных текстов удовлетворяло читательский спрос на серьезную литературу в Китае, а также способствовало совершенствованию китайской литературной теории и эстетическому развитию китайских читателей.

ТЕМАТИКА ПРЕДИСЛОВИЙ И ПОСЛЕСЛОВИЙ К КИТАЙСКИМ ПЕРЕВОДАМ РУССКИХ НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Все девять переводческих метатекстов посвящены русским литературно-критическим и философским произведениям. На основе анализа каждого метатекста мы выделили следующие темы, которые мы расположили в порядке убывания их частотности.

Таблица 1
ЧАСТОТНОСТЬ ТЕМ В КИТАЙСКИХ МЕТАТЕКСТАХ

Тема	Количество метатекстов, освещающих тему
Краткая биография автора исходного текста	7
Описание издания, на котором основан перевод, изложение цели повторного перевода произведения и описание исключений из оригинального текста в переводе	5
Краткое изложение основного содержания произведения, воссоздание его исторического фона и художественных особенностей	5
Идеологические убеждения автора и причины их формирования	4
Всесторонняя оценка и анализ литературных трудов	4
Причины смены названия в переводе	1
Возможность осуществления перевода и выражение благодарности	1
Пояснение выбранной переводчиком стратегии и отдельных решений, комментариев возникших в процессе перевода трудностей	1

Очевидно, что наиболее распространенной темой этих метатекстов является краткая биография автора исходного текста, так как все переводчики уделили внимание этой теме. Мы видим, что в китайских предисловиях часто используются фразы «出生在... 家庭» (родился в ... семье); «接受... 教育» (получил... образование); «成长与... 思想的影响下» (вырасти под влиянием... идей); «经历了... 历史事件» (переживая... исторические события) и другие фразы, раскрывающие эту тему. Например, в предисловии к «Свету невечернему» переводчик пишет:

布尔加科夫自幼接受过系统的东正教教育 [王志耕, 李春青, 1999, с. 1]. – с ранних лет Булгаков получил систематическое православное образование¹.

В метатексте к книге «О литературе» А. И. Герцена говорится:

他就是在十二月党人思想的教育下长大的...这是一个在俄国社会产生巨大变化的时代 [辛未艾, 1962, с. 3] – ...он вырос под влиянием идеологии декабристов, <...> пережил большие перемены в русском обществе.

¹Зд. и далее перевод наш. – Го Ц.

А в послесловии к труду А. Н. Толстого «О литературе» переводчик отмечает, что:

十月革命后托尔斯泰才在高尔基的启发和帮助下逐渐认清了现实 [程代熙, 1980, с. 305]. – Толстой находился под влиянием Горького и с помощью последнего после Октябрьской революции постепенно осознал (новую) реальность.

В китайском этническом самосознании семья, образование и опыт являются решающими, более того краеугольными, факторами, влияющими на развитие мышления, поэтому китайские переводчики часто помогают читателям понять историю становления творческого мышления автора, эпоху и почву, в которой создавалось произведение, показать среду, в которой рос автор, его образование и жизненный опыт. Тем самым они обозначают определенные идеи как данность, направляя последующее восприятие перевода китайским читателем.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА КАК МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ ПЕРЕВОДА

Краткое изложение основного содержания произведения, его исторического фона и художественных особенностей также является одной из наиболее распространенных тем в девяти метатекстах. На примере этой темы рассмотрим, какое влияние на получателя перевода оказывают китайские переводчики. В метатексте к «Свету невечернему» переводчик использует такие фразы, как «力图建立一种新型的世界观, 构筑一座坚实的神学理论大厦» [王志耕 李春青, 1999, с. 4] (стремление к созданию нового типа мировоззрения и построению теологической теории), желая этим раскрыть цель и основное содержание произведения и дать читателям возможность понять творческий замысел и основную идею произведения. В предисловии к «Философским письмам» переводчик кратко пересказывает содержание произведения, состоящего из восьми писем:

在第一封信中, 作者要弄清“我们的国家”的历史及其在世界所处的位置...第二至第五封信探讨的都是宗教的意义和力量...第六、七封信中, 作者对欧洲历史进行了考察...第八封信具有总结意味 [刘文飞, 1999, с. 3]. – В первом письме автор стремится понять историю «нашей страны» и ее место в мире... Во втором-пятом письмах исследуется значение и сила религии... В шестом и седьмом письмах автор изучает европейскую историю... Восьмое письмо представляет собой резюме.

Использование слов 弄清 (*стремится понять*), 研究 (*исследовать*), 考察 (*изучать*) показывает читателю, что это не просто письма или дневниковые записи, но напряженная работа мысли П. Я. Чаадаева над осмыслением исторического пути России. В послесловии к «Избранным сочинениям» Н. Г. Чернышевского переводчик указывает, что работа «Эстетическое отношение искусства к действительности»:

对当时的以黑格尔体系为核心的流行美学观点的一次挑战 [辛未艾, 1998, с. 845]. – ...Рождает популярный взгляд на эстетику, основанный на гегелевской системе.

批判了流行的唯心论的美学体系 · 同时提出了立脚在唯物论的美学体系 [辛未艾, 1998, с. 846]. – ...Критикует популярную идеалистическую систему эстетики, предлагает систему эстетики, основанную на материализме.

Использование таких глаголов, как 挑战 (*вызвать*; *родить*), 批判 (*критиковать*) и 提出 (*предлагать*) направляет мысль китайского читателя к материалистическому восприятию эстетики, как это видел Н. Г. Чернышевский. Итак, китайские переводчики ни в коей мере не ограничиваются простым пересказом иноязычных произведений. Они предлагают читателю руководство по интерпретации переводного текста, не полагаясь на фоновые знания получателя информации и не рассчитывая исключительно на самостоятельный поиск, который в принципе способен вести читатель, «путешествуя» по страницам книги, переведенной с русского.

Тема описания идеологических взглядов автора и причин их формирования встречается примерно в половине рассматриваемых метатекстов. В издании «О литературе» А. И. Герцена переводчик прибегает к описанию эволюции мысли автора оригинала:

他超过黑格尔而跟着费尔巴哈走向了唯物主义, 他主张...把理论与实践结合起来,..., 在社会政治方面必须推翻沙皇制度 · 认为未来是属于社会主义的, ..., 赫尔岑终于逐步克服了他的怀疑、悲观和动摇, 转到了革命民主主义者的立场 [辛未艾, 1962, с. 5–7]. – ...Философски автор от Гегеля пришел к материализму вслед за Фейербахом, выступал за соединение теории с практикой <...> в общественно-политическом плане ненавидел царский режим и крепостное право, поддерживал социализм <...> в конце периода Герцен преодолел скептицизм и пессимизм и обратился к революционному демократизму.

Выражая свое мнение, переводчик часто употребляет слова 从...到... (*от ... к*), 痛恨 (*ненависть*), 支持 (*поддерживать*), 转向 (*обратиться*) и т. д., чтобы расставить ценностные ориентиры для читателя и на примере русского писателя и общественного деятеля показать, к чему следует стремиться.

Тема всесторонней оценки и анализа литературных трудов в основном встречается в метатекстах к литературно-критическим произведениям. Например, в своей оценке «Раздумий о литературе и искусстве» Ч. Айматова переводчик отмечает, что:

作品不仅对我国少数民族作家, 就是对汉族作家也有着明显的现实意义, 事实上他的作品已对我国各民族作家产生了积极的影响。笔者确信, 每个在民族地区工作和生活的同志, 都可以从本书里得到不少的启迪 [陈学讯, 1987, с. 260]. – ...Книга также имеет практическое значение для писателей из этнических меньшинств и ханьцев в Китае, и фактически его работа оказала положительное влияние на писателей всех этнических групп в Китае.

Переводчик выражает уверенность в том, что каждый китаец, работающий и живущий в этнических районах, сможет почерпнуть из этой книги много полезного. В послесловии к книге «О литературе» Н. А. Добролюбова переводчик цитирует множество оценок известных критиков и делает вывод, что:

马克思、恩格斯也很器重车尔尼雪夫斯基和杜勃罗留波夫的才智» [辛未艾, 1984, с. 488]. – ...Добролюбова и Чернышевского высоко ценили Ленин, Маркс и Энгельс.

Так, с помощью сторонних профессиональных суждений переводчик придает вес и значение сочинению русского литературного критика в глазах китайского читателя, который с неизменным уважением относится к основателям и классикам марксизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа девяти предисловий и послесловий к китайским переводам русских нехудожественных произведений логично и естественно заключить, что создатели метатекстов посредством разных тем направляют восприятие получателя перевода, предлагая ему готовую интерпретацию замысла исходного текста. В противовес европейскому пониманию назначения перевода, которое состоит в расширении познаний получателя, китайские переводчики считают своим долгом способствовать правильному пониманию читателями на целевом языке оригинального текста, т. е. достижению его адекватного идейного и идеологического восприятия. Таким образом, переводческая деятельность в рамках китайской культуры ориентирована на заданное прагматическое воздействие в интересах развития государства и общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пластинина Н. А. Лингвокультурные механизмы порождения метатекста (на материале переводческих предисловий / послесловий к художественному тексту): дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2017.
2. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014.
3. Го Ц. Культурная обусловленность композиционной структуры предисловий к китайским переводам русской литературы // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 2 (69). С. 76–80.
4. 王志耕, 李春青. 俄罗斯思想文库亘古不灭之光—观察与思辨[M]. 云南人民出版社. 1999. = Ван Чжигэн, Ли Чуньцин. Русская мысль. Невечерний Свет – наблюдения и критика. Юньнаньское народное издательство, 1999.
5. 刘文飞. 箴言集[M]. 云南人民出版社. 1999 = Лю Вэньфэй. Философские письма. Юньнаньское народное издательство, 1999.
6. 陈学讯. 对文学与艺术的思考[M]. 新疆大学出版社. 1987. = Чэн Сюэсюнь. Раздумья о литературе и искусстве. Издательство Синьцзянского университета, 1987.
7. 辛未艾. 赫尔岑论文学[M]. 上海文艺出版社. 1962. = Синь Вэйай. О литературе Герцена. Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 1962.
8. 程代熙. 论文学[M]. 人民文学出版社. 1980. = Чэн Дайси. О литературе. Народная литература, 1980.
9. 辛未艾. 文学论文选[M]. 上海译文出版社. 1984. = Синь Вэйай. О литературе. Шанхай: Шанхайское переводческое издательство, 1984.
10. 辛未艾. 车尔尼雪夫斯基论文选[M]. 上海译文出版社. 1998. = Синь Вэйай. Избранные сочинения Чернышевского. Шанхай: Шанхайское переводческое издательство, 1998.
11. 满涛, 辛未艾. 别林斯基文学论文选[M]. 上海译文出版社. 1999. = Мань Тао, Синь Вэйай. Избранные сочинения Белинского. Шанхай: Шанхайское переводческое издательство, 1999.

REFERENCES

1. Plastinina, N. A. (2017). Lingvokuliturnyye mekhanizmy porozhdeniya metatekst (na materialy perevodcheskikh predislovii/posleslovii k khudozhestvinnomu tekstu) = Linguocultural mechanisms of metatext generation (on the material of translated prefaces / postwords to a fiction text): PhD thesis in Philology. Nizhnevartovsk. (In Russ.)
2. Ostapenko, D. I. (2014). Funkcionalinaja i strukturalnaja kharakteristika metateksta (na materialy perevodcheskikh predislovii i primechanii) = Functional and structural characteristics of metatext (on the material of translation prefaces and notes): PhD thesis in Philology. Voronezh. (In Russ.)
3. Guo, J. (2024). Compositional structure of prefaces to Chinese translations of Russian literature: cultural perspective. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2(69), 76–80. (In Russ.)
4. 王志耕, 李春青. 俄罗斯思想文库亘古不灭之光—观察与思辨[M]. 云南人民出版社. 1999. = Wang, Zhigeng, Li, Chunqing. (1999). Russian thought Nevechernyi Svet. Observations and criticism. Yunnan People's Publishing House. (In Chinese)
5. 刘文飞. 箴言集[M]. 云南人民出版社. 1999 = Liu, Wenfei (1999). Philosophical Letters. Yunnan People's Publishing House. (In Chinese)
6. 陈学讯. 对文学与艺术的思考[M]. 新疆大学出版社. 1987. = Chen, Xuexun (1987). Reflections on Literature and Art. Xinjiang University Press. (In Chinese)
7. 辛未艾. 赫尔岑论文学[M]. 上海文艺出版社. 1962. = Xin, Wei'ai (1962). On the Literature of Herzen. Shanghai Publishing House of Literature and Art. (In Chinese)
8. 程代熙. 论文学[M]. 人民文学出版社. 1980. = Cheng, Daixi (1980). On Literature. People's Literature Publishing House. (In Chinese)
9. 辛未艾. 文学论文选[M]. 上海译文出版社. 1984. = Xin, Wei'ai (1984). On Literature. Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese)
10. 辛未艾. 车尔尼雪夫斯基论文选[M]. 上海译文出版社. 1998. = Xin Wei'ai (1998). Selected Works of Chernyshevsky. Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese)
11. 满涛 · 辛未艾. 别林斯基文学论文选[M]. 上海译文出版社. 1999. = Man, Tao, Xin, Wei'ai (1999). Selected Works of Belinsky. Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Го Цзинхань

аспирант

кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

преподаватель кафедры русского языка Хулуьньбэрского института КНР

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guo Jinghan

PhD student

Department of General and Comparative Linguistics at Moscow State Linguistic University

Lecturer at Hulunbeier Institute of the People's Republic of China

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.07.2025
18.08.2025
17.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Когнитивные аспекты репрезентации зоонимов во фразеологии германских языков: от стереотипов к национально-культурным концептам (на материале немецкого и английского языков)

А. Е. Гусева¹, Е. П. Корчагина²

^{1,2}Государственный университет просвещения, Россия, Москва

¹angst51@rambler.ru

²K.korchagina2000@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования состоит в выявлении когнитивных особенностей (моделей) фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в германской фразеологии (на материале немецкого и английского языков). Материал исследования включает в себя фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, заимствованные из немецкого (205 единиц) и английского (207 единиц) языков. Данные структурированы с использованием методов когнитивного и сравнительного анализа, а также описательного метода и метода семантического анализа. Результаты исследования определяются проведением сравнительно-сопоставительного анализа уникальных культурных характеристик 205 фразеологических единиц с компонентом-зоонимом немецкого языка и 207 фразеологических единиц английского языка, выявлении их интегральных и дифференцирующих признаков.

Ключевые слова: фразеологизмы с компонентом-зоонимом, концептуальные модели лингвокультуры, стереотипы, социокультурный аспект, английский язык, немецкий язык

Для цитирования: Гусева А. Е., Корчагина Е. П. Когнитивные аспекты репрезентации зоонимов во фразеологии германских языков (на материале немецкого и английского языков): от стереотипов к национально-культурным концептам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 22–29.

Original article

Cognitive Aspects of Zoonym Representation in the Phraseology of Germanic Languages: From Stereotypes to National-Cultural Concepts (Based on German and English Languages)

Alla E. Guseva¹, Ekaterina P. Korchagina²

^{1,2}Federal State University of Education, Russia, Moscow

¹angst51@rambler.ru

²K.korchagina2000@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to identify the cognitive features (models) of phraseological units with a zoonym component in Germanic phraseology (based on data from German and English), as well as to determine the process of transitioning from stereotypes to national-cultural concepts through the comparison of phraseological units and their associated cultural concepts in the examined languages. The research material includes phraseological units with a zoonym component from German (205 units) and English (207 units). The data were analyzed using cognitive and comparative analysis methods, as well as descriptive and semantic analysis techniques. The results of the study consist in the conducting a comparative analysis of the unique cultural characteristics of 205 phraseological units with a zoonymic component in the German language and 207 phraseological units in the English language. The study identifies their integral and differentiating features based on stereotypes, applying a cognitive approach to language.

Keywords: phraseological units with a zoonym component, conceptual models of linguistic culture, stereotypes, sociocultural aspects, English, German

For citation: Guseva, A. E., Korchagina, E. P. (2025). Cognitive Aspects of Zoonym Representation in the Phraseology of Germanic Languages: From Stereotypes to National-Cultural Concepts (based on German and English languages). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(903), 22–29. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Фразеология является важной частью языковой системы, в которой отражаются культурные, исторические и когнитивные особенности народа. Среди разнообразных фразеологизмов особое место занимают зоонимы – названия животных. На их основе часто создаются яркие образные выражения. Исследование зоонимов во фразеологии позволяет не только углубиться в лингвистическую природу устойчивых выражений, но также выявить культурные и когнитивные особенности носителей языка.

Актуальность исследования определяется возрастающим вниманием современного лингвистического сообщества к изучению когнитивных и культурных аспектов фразеологии, а также к представлению зоонимов в языковой картине мира. Актуальность темы исследования подтверждается рядом авторитетных источников. Так, В. В. Виноградов заложил основы анализа зоонимов во фразеологии. Он впервые последовательно рассмотрел семантические и культурные функции зоонимов в системе устойчивых выражений. Таким образом, В. В. Виноградов создал научный фундамент современных когнитивных исследований фразеологизмов [Виноградов, 1977]. Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что метафора – не просто стилистический прием, а ключевой механизм мышления и категоризации опыта. Так, зоонимы зиждутся на принципе концептуальной метафоры и одновременно являются собой один из ее видов [Лакофф, Джонсон, 2008]. Л. О. Чернейко и В. Н. Телия разработали теоретическую базу когнитивного подхода к исследованию семантики языковых знаков, в частности, они показали, что национально-культурная специфика фразеологических единиц (далее ФЕ) раскрывается через анализ их концептуального основания [Чернейко, 2018; Телия, 1996].

Таким образом, в существующих исследованиях подчеркивается значимость изучения когнитивных аспектов зоонимов и их роли в появлении национально-культурных концептов. Однако не рассматривается их репрезентация в немецком, английском и других языках, чем и объясняется востребованность данного исследования.

Существует явный пробел в изучении специфики национально-культурных концептов, которые

формируются посредством фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках.

Германские языки, включая немецкий и английский, обладают богатым фразеологическим фондом, в котором зоонимы играют ключевую роль. ФЕ с компонентами-зоонимами нередко отражают общие стереотипы восприятия животных, присущие разным культурам, а также специфические национально-культурные концепты, характерные для определенного языкового сообщества. Например, насекомое «Пчела» ассоциируется с усердием и трудолюбием как в немецком, так и в английском языках, но такие животные, как «Ворон» или «Свинья», могут приобретать уникальные оттенки значения, обусловленные историческим и социальным контекстом. А он, в свою очередь, неотделим от национального бытия.

Когнитивные аспекты фразеологии требуют рассмотрения языковых стереотипов и ментальных образов, формирующихся вокруг тех или иных зоонимов. Эти стереотипы являются не только отражением наблюдений за поведением животных, но и результатом их интерпретации через призму культурных традиций, фольклора, религиозных убеждений и повседневного опыта. Национально-культурные концепты, в свою очередь, представляют собой сложные ментальные структуры, в которых сочетаются универсальные и уникальные черты восприятия животных.

Материалом для анализа выступили фразеологические, толковые, переводные, лингвострановедческие словари¹.

Сбор и изучение ФЕ с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках, проведение сравнительного анализа их этнокультурной специфики, наконец, выявление различительных признаков означенных лингвокультур – всё это в совокупности составляет круг задач исследования. В центре внимания авторов данной работы – сопоставление ФЕ и связанных с ними культурных концептов в исследуемых языках.

Новизна исследования заключается в том, что впервые:

¹Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 22.12.2024); Duden, Band 11: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Mannheim u.a., 2000.

- проведен комплексный сравнительно-сопоставительный когнитивный анализ 205 немецких и 207 английских ФЕ с компонентом-зоонимом;
- выявлены интегральные и дифференциальные признаки зоонимических ФЕ двух языков через национально-культурные концепты и стереотипы;
- установлены связи между когнитивными процессами категоризации и метафоризации и их отражением в зоонимической фразеологии германских языков на материале двух лингвокультур одновременно;
- систематизирован обширный эмпирический материал с пояснением культурных оттенков значений.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения его результатов при обучении иностранным языкам. Данное исследование, прежде всего, способствует освоению фразеологии немецкого и английского языков. Их общность, а также их различия выявляются при сопоставлении билингвальных фразеологических словарей, содержащих указания на когнитивные и культурные особенности, присущие как немецким, так и английским фразеологизмам. Исследование фразеологизмов с компонентом-зоонимом предоставляет переводчикам возможность максимально учесть их этнокультурную специфику. Глубинное понимание этой специфики, в свою очередь, позволяет избежать излишнего буквализма, дословных переводов и других ошибок в интерпретации подобного рода ФЕ.

Таким образом, данное исследование необходимо не только с теоретической точки зрения. Оно имеет также практическую ценность в межкультурных контекстах. Настоящее исследование способствует решению как теоретических задач, так и успешной переводческой практике.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая база исследования обусловлена поставленной целью и задачами, для решения которых применялись разнообразные методы. В числе использованных – когнитивный и компонентный анализ, анализ лексических дефиниций фразеологизмов, метод определения типов концептов через анализ семантической структуры семем, сопоставительный метод.

Понятие «зооним» в области фразеологии и лингвистики было впервые использовано советским и российским лингвистом В. В. Виноградовым, который ввел понятие «зоонимической лексики» для обозначения слов и выражений, связанных с названиями

животных и их переносными значениями [Виноградов, 1977]. В. В. Виноградов исследовал структуру и смысловые особенности фразеологизмов, уделяя особое внимание семантическим и культурным функциям зоонимов в языке, что оказало значительное влияние на последующие работы по фразеологии и лингвокультурологии [Виноградов, 1977].

Зоонимы – это лексемы, обозначающие названия животных в языке, они могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении [Молодчинная, 2020]. Они составляют отдельный пласт лексики, обладая высокой степенью языкового аллегоризма и семантической насыщенности. Зоонимы, как правило, тесно связаны с культурными представлениями и стереотипами, выражающими отношение к животным в конкретной языковой и культурной среде. В зависимости от контекста одни и те же животные могут приобретать в разных культурах уникальные коннотации и влиять на общий смысл ФЕ.

Во фразеологии германских языков зоонимы играют особую значимую роль, поскольку часто служат компонентами устойчивых выражений и метафор. Они, в свою очередь, наделены этнокультурными и когнитивными особенностями. Фразеологизмы в германских языках нередко антропоморфны и ситуативно обусловлены. Они нередко приобретают иносказательное значение, обусловленное закрепленными в языке ассоциациями между людьми и животными.

Когнитивный подход к языку предполагает изучение влияния человеческого фактора на языковую систему, исследование механизмов организации знаний, которыми обладают носители определенного языка, а также способов их концептуализации. Согласно утверждению Л. О. Чернейко, «когнитивная парадигма в языкознании определяется направленностью сознания (его интенциональностью) на те сегменты реальности, которые закреплены за языковыми единицами, и специфика которых обуславливает их функционирование» [Чернейко, 2018, с. 320].

Вопросы когнитивного анализа метафоры вызвали у исследователей большой интерес. Основателями когнитивной теории метафоры считаются такие выдающиеся философы и лингвисты, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, Э. Маккормак и др. [Лакофф, Джонсон, 2023; Маккормак, 1990]. Они подчеркивали важность изучения не только внешних проявлений языка, но и глубинных когнитивных процессов, определяющих формирование и функционирование метафорических структур.

Включение зоонимов в структуры фразеологизмов также отражает когнитивные процессы

категоризации и метафоризации, поскольку люди стремятся перенести известные качества животных на описание поведения человека. Такой перенос помогает выразить сложные понятия через знакомые образы, делает язык более выразительным и способствует пониманию культурных установок, свойственных носителям языка.

Одной из ключевых категорий, рассматриваемых в рамках когнитивного подхода, является «концепт». В. Н. Телия была одной из первых, кто применил этот термин к исследованию фразеологизмов, подчеркнув, что замена термина «понятие» на «концепт» носит не случайный характер. Концепт представляет собой сложную, многослойную когнитивную структуру. Она включает различные уровни осмысления и интерпретации явлений действительности и представляет собой основную смысловую единицу ментального и языкового сознания. Эта ментальная (и одновременно языковая) величина объединяет в себе знания, ассоциации и культурные ценности, связанные с определенным объектом или явлением. Концепт может включать в себя различные аспекты: эмоциональные, ассоциативные, символические и исторические. Концепты представляют основу для формирования смысла в языке и помогают организовать мышление и восприятие мира [Телия, 1996].

В рамках данной статьи следует рассмотреть понятие «национально-культурный концепт» – вид концепта. Он отражает ценности и смыслы, неотделимые от конкретной культуры и закрепленные в языке. Национально-культурный концепт несет в себе особенности национального мировосприятия и коллективного сознания, отражает стереотипы и культурные нормы, присущие народу [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996].

Структура концепта характеризуется гибкостью и динамичностью, поскольку не обладает четко установленными границами. Формирование и содержание концепта зависят от индивидуального опыта человека, а также от особенностей его мировосприятия и осмысления им информации.

Концепты постоянно находятся в процессе трансформации: в ходе мыслительной деятельности они взаимодействуют друг с другом, актуализируя разные аспекты и характеристики окружающего мира, которые могут варьироваться в зависимости от конкретного контекста.

КОГНИТИВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗООНИМОВ

ФЕ с компонентом-зоонимом приобретают свою образность благодаря метафоре, при помощи переносного употребления названий животных.

Когнитивисты Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора – это не просто стилистический прием, украшающий речь, а фундаментальный механизм человеческого мышления и познания. По их мнению, само мышление носит метафорический характер [Лакофф, Джонсон, 2008]. В этом контексте метафоры рассматриваются как концептуальные, поскольку они одновременно принадлежат двум областям: животный мир и сфера человеческого поведения. Понятие «концептуальная сфера» фактически отождествляется с концептом, который можно представить как совокупность знаний, ассоциаций и представлений, формирующих ментальную картину мира человека.

Зоонимная концептуальная метафора формируется при условии, что название животного переносится из исходной концептуальной области «Животный мир» в целевую область «Человек» посредством метафорического осмысления.

Человек наделяет животных определенными характеристиками, которые применяет и к себе. Однако такие признаки носят субъективный характер, поскольку лишь условно отражают реальные особенности поведения животных. Представители фауны обладают лишь ограниченным набором естественных качеств, таких как сила или прожорливость. В то же время такие черты, как трусость, глупость или жадность, навязываются им человеком. Он интерпретирует поведение животных в системе собственных культурных и моральных установок [Гусева, Корчагина, 2024].

ФЕ с зоонимическими компонентами обладают уникальной лингвокультурной направленностью, которая позволяет раскрыть особенности национального мировосприятия и выявить универсальные культурно-языковые закономерности, отраженные в разных языках мира.

Рассмотрим следующие ключевые когнитивные аспекты зоонимических ФЕ в немецком и английском языках:

1. Метафорические представления: Животные часто используются как метафоры для передачи характеристик человека. Например, английское выражение *to be a guinea pig* (букв. 'быть морской свинкой') отражает ассоциацию с экспериментами и испытаниями, т. е. «быть подопытным кроликом», в то время как немецкое выражение *ein Versuchskaninchen sein* имеет идентичное значение, но с использованием слова *Kaninchen* (букв. 'кролик').
2. Аналогия с чертами животных: Зоонимы часто передают качества, которые приписываются животным. Например, в английском языке ФЕ *as sly as a fox* и ФЕ *schlau*

wie ein Fuchs в немецком языке обозначают хитрость и умение хитро обходить трудности, где *lisa* в обоих языках символизирует смекалку и хитрость.

3. Образные аналогии: часто ФЕ передают негативные или положительные черты через образы животных, что связано с особенностями когнитивного восприятия человеком действительности. Например, немецкая ФЕ *auf den Hund kommen* (букв. 'опуститься до собаки'), что означает обнищать, прийти в упадок; (морально) опуститься и связано с упадком или бедственным состоянием.

Остановимся подробнее на механизме когнитивного осмысления зоонимических ФЕ на примере возникновения ФЕ *auf den Hund kommen*. Существует несколько версий происхождения фразеологизма *auf den Hund kommen*, вероятно повлиявших друг на друга и связанных с историей и культурой Германии. Первая версия связана с сундуками с вырезанной или нарисованной на дне собакой, характерными для всей юго-западной Германии и Швейцарии. Сундук наполняли припасами, и, если в нем ничего не оставалось, к месту было выражение *auf den Hund kommen*. Вторая версия связана с материальным достатком человека. Богатый немец мог позволить себе иметь лошадь, кто беднее – быка, бедному приходилось довольствоваться собачьей повозкой. Третья версия – самая древняя. Она связана со следующей традицией: человека, который был приговорен к смертной казни, водили по городу с собакой – символом того, что с ним можно было обращаться, как с собакой. Такого человека можно было ударить или даже безнаказанно убить¹. Аналогом приведенного выражения в английском языке может быть выражение *to go to the dogs*, которое также передает идею деградации или ухудшения положения.

Культурные аспекты зоонимических ФЕ можно подразделить на:

1. Национально-культурные стереотипы: немецкий язык имеет множество фразеологизмов, связанных с поведением животных, которые символизируют порядок и трудолюбие. Например, ФЕ *arbeiten wie ein Pferd* (букв. 'работать как лошадь') ассоциируется с трудолюбием и упорством. В английском аналогичное выражение – *to work like a horse* – также указывает на тяжелую работу.

2. Религиозные и исторические корни: некоторые зоонимические ФЕ имеют религиозное или историческое происхождение. Например, английский ФЕ *a wolf in sheep's clothing* (букв. 'волк в овечьей шкуре') и немецкий ФЕ *ein Wolf im Schafspelz* (букв. 'волк в овечьей шкуре') имеют библейские корни и обозначают лицемера или обманщика.
3. Особенности восприятия животных: зоонимы могут отражать отношение к определенным видам животных в культуре. Например, в немецком языке ФЕ *schwarz wie ein Rabe* (букв. 'черный как ворон') указывает на восприятие ворона как символа мрачности и плохих новостей, тогда как английское выражение с компонентом-зоонимом *to crow about something* (букв. 'гордиться чем-л., хвастаться') и ФЕ в немецком языке *stolz wie ein Hahn* (букв. 'гордый как петух') приписывает петуху черты гордости и самодовольства.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООКОНЦЕПТОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Зоонимические компоненты в национально-культурных концептах в немецком и английском языках помогают глубже понять особенности культурного мировоззрения, а также исторические архетипы и социальные практики этих народов. Означенные фразеологизмы отражают то, как носители языка воспринимают животных и какие качества приписывают им, что часто связано с национальными особенностями и традициями.

В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ национально-культурных концептов «Лиса», «Пчела», «Свинья» и «Ворон» в немецком и английском языках.

Концепт «Лиса» в английском языке описывает человека как хитрого и изворотливого, например, ФЕ *to outfox someone* (букв. 'выиграть у кого-л. хитростью'), ФЕ *to play the fox* (букв. 'играть лису'), ФЕ *like a fox in the henhouse* (букв. 'как лиса в курятнике'), поскольку лиса в английской культуре символизирует нечестность и коварство. Однако в английском языке зоонимический фразеологизм, употребляемый в разговорном языке *She's a fox* (букв. 'Она – лиса') символизирует женщину, которая выглядит привлекательно и соблазнительно. Данная коннотация отсутствует в немецком языке. В немецком языке ФЕ *schlau wie ein Fuchs* (букв. 'хитрый как лиса') передает ту же ассоциацию с хитростью, но акцент смещается на смекалку и сообразительность, что отчасти связано с немецким уважительным отношением к рациональности и практичности. Эти

¹URL: https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=auf+den+Hund+kommen&bool=relevanz&gawoe=an&sp0=rart_ou&sp1=rart_variant-en_ou (дата обращения: 08.06.2025).

сходства связаны с общим наблюдением за поведением животного и культурной передачей, что демонстрирует универсальность ассоциаций.

В немецком языке концепт «Лиса» символизирует глупость – ФЕ *jemanden zum dummen Fuchs machen* (букв. 'сделать кого-то глупой лисой') – намеренно выставить кого-то в глупом свете. Выражение *ein alter Fuchs* (букв. 'старая лиса') в немецком языке и аналог ФЕ в английском – *an old fox* – символизируют человека с большим опытом, который знает, как справляться с трудностями. Животное *лиса* символизирует не только хитрость, но и проницательность, мудрость, накопленную с возрастом. Таким образом, в обоих языках зооним *лиса* ассоциируется с хитростью, однако в английском контексте данный концепт, вероятнее всего, воспринимается как существо, склонное к коварству, а в немецком – как пример смекалки. Это различие подчеркивает культурные особенности восприятия умного человека, но в английском оно связано преимущественно с осторожностью, а в немецком, прежде всего, – с авторитетом.

Национально-культурная специфика концепта «Пчела» в английском и немецком языках символизирует усердие и трудолюбие. Однако в английском языке акцент делается на продуктивность и активность, а в немецком – на прилежание и дисциплину. Различия коннотаций, сопровождающих одно и то же слово в разных языках, отражают культурные ценности каждой из стран. Например, ФЕ в английском языке *busy as a bee* (букв. 'занятой как пчела') подчеркивает трудолюбие и усердие, так как пчела в англоязычной культуре часто ассоциируется с коллективной работой и продуктивностью; так же немецкий ФЕ *fleißig wie eine Biene* (букв. 'трудолюбивый как пчела') используется для описания трудолюбивого человека. Остается добавить, что современная метафора *die Biene* (пчела) является одним из редких примеров положительно воспринимаемых энтомологических образов, которые совпадают по своей оценочной характеристике с мифологическим представлением [Карпенко, 2009].

Концепт «Свинья» в английском языке используется для описания нечистоплотного или неаккуратного человека, поскольку свинья ассоциируется с грязью и неряшливостью, показательна, например, ФЕ *to be as dirty as a pig* (букв. 'быть грязным как свинья'). В то время как немецкое выражение *Schwein haben* (букв. 'иметь свинью') означает «повезти». Это представление об «удаче» связано с соревнованиями, по итогам которых поросенка или свинью давали худшему стрелку в качестве утешительного приза. Такая «удача» должна была компенсировать неудачу в стрельбе¹.

¹URL: https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=Schwein+haben&bool=relevanz&sp0=rart_ou (дата обращения: 25.02.2025).

Данные примеры показывают, что в немецкой лингвокультуре концепт «Свинья» символизирует удачу и благополучие. Значение слова в данном случае объясняется исторически: оно связано с культурой свиноводства и сельского хозяйства, укоренившейся в Германии на протяжении столетий. Однако и в английском, и в немецком языке данный концепт воспринимается как символ нечистоты и грубости, показательна, например, ФЕ *sich wie ein Schwein benehmen* (букв. 'вести себя как свинья').

Концепт «Ворон» в английском языке обозначает мудрость, показательна, например, ФЕ *to have a crow to pick* (букв. 'уладить спор') или дурные предзнаменования *to raven for something* (букв. 'алчно желать чего-л., как ворон'), т. е. испытывать сильное желание или голод, стремиться к чему-то с жадностью. ФЕ *the raven croaks ill* (букв. 'ворон каркает к беде') предвещает что-то плохое или устойчиво ассоциируется с дурным знаком, основанным на древних суевериях. В немецком языке ФЕ с компонентом-зоонимом *ворон* вызывают негативные ассоциации, такие как безответственность, мрачность и беда. Рассмотрим примеры следующих немецких ФЕ: зоонимическое фразеологическое выражение *ein Rabenvater sein* (букв. 'быть вороным отцом') ассоциируется с плохим, безответственным отцом, который не заботится о своих детях. Данная ассоциация возникла вследствие мифа о том, что вороны якобы бросают своих птенцов [Добровольский, 2005]. ФЕ *rabenschwarze Gedanken haben* (букв. 'иметь черные мысли') вербализирует плохое настроение, мрачные мысли. Значение беды или предзнаменования чего-то плохого в немецком языке наблюдается в ФЕ *Einem Raben folgt ein Unglück* (букв. 'за вороном следует несчастье'). Однако ФЕ *schlau wie ein Rabe* (букв. 'хитрый как ворон') описывает умного и изобретательного человека, так как птица славится своим высоким интеллектом и сообразительностью, что нередко подчеркивается в немецкой фразеологии.

Таким образом, концепт «Ворон» в немецкой фразеологии тесно связан с восприятием означенной птицы как загадочной и противоречивой. Такое многообразие значений отражает как мифологическое наследие в английской фразеологии, так и природные особенности воронов [Меликян, 2000].

Национально-культурные концепты с компонентом-зоонимом позволяют понять, как разные народы видят и оценивают качества, приписываемые животным, и как эти представления формируют культурное мировоззрение нации. Концепты с зоонимами как культурные и религиозные представления формируют уникальные коннотации и символику, присущую каждому языку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель нашего исследования заключалась в выявлении когнитивных особенностей фразеологизмов с компонентом-зоонимом в германских языках. Эти фразеологизмы фактически представляют собой концепты и занимают особое место в языке – отражают особенности представления о животных в различных этнических культурах. Концепты демонстрируют как универсальные, так и специфические черты, связанные с культурными, историческими и географическими условиями, которые возникают под влиянием окружающей среды. При сравнении немецкого, английского и других языков, можно увидеть, как определенные черты, приписываемые животным, выражают специфику восприятия мира и самих животных и ценности, присущие конкретным сообществам.

В ходе сравнительного анализа были выявлены интегральные и дифференциальные признаки когнитивных и речевых особенностей вышеупомянутых лингвокультур. В результате анализа мы пришли к выводу, что понимание этнически окрашенных концептов помогает преодолевать смысловые барьеры в межкультурной коммуникации, так как понимание значений, приписываемых названиям животных, позволяет избегать речевых недоразумений и некорректных интерпретаций смыслов и значений, передаваемых в процессе коммуникации. Например, человек, знакомый с представлениями о свинье как символе удачи в немецкой лингвокультуре, сможет правильно интерпретировать фразу *Er hat (großes) Schwein*

gehabt, т. е. как «ему страшно повезло», а не как нечто негативное.

Концепты с компонентами-зоонимами отражают не только специфику восприятия людьми животных, но также культурные ценности и приоритеты в сфере ценностей для каждого народа. Они позволяют понять менталитет и образ мышления народа, а также важные черты национальной идентичности и культурные традиции народа, который использует данные концепты.

Таким образом, научная значимость данного исследования заключается в том, что оно впервые актуализирует различные типы фразеологических концептов в аспекте их восприятия представителями различных культур. Фразеологизмы формируются на основе возникающих у носителей языка стереотипов как в интегральном, так и в дифференциальном аспекте. В работе рассмотрены онтологические особенности денотативных значений фразеологизмов, которые отображаются в контенте концептов различных типов. Также выявлен ряд принципов, по которым фразеологизмы, отражающие концепты различных категорий, объединяются в общие группы.

Результаты исследования способны расширить понимание взаимосвязи языка и культуры, особенностей формирования национальных концептов в других германских языках. Они могут стать основой для дальнейших исследований в таких областях, как когнитивная фразеология, стилистика и психолингвистика, быть полезными в практическом обучении английскому и немецкому языкам, а также в учебной лексикографии в связи с созданием идеографического словаря зоосемизмов и пояснением их значений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В. В. О категории состояния в русском языке. М.: Наука, 1977.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: ЛКИ, 2023.
3. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. (Серия: Философия языка. История лингвофилософской мысли).
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
5. Молодчинная О. С. Зоонимы как средство номинации человека // Научный журнал. 2020. № 10 (55). С. 36–38.
6. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
7. Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
8. Гусева А. Е., Корчагина Е. П. Вербализация национально-культурных стереотипов посредством зоонимной фразеологии (на материале английского и немецкого языков) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 97–109.
9. Карпенко Е. И. Лингвокультурологический аспект метафоризации наименований насекомых (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 559. С. 213–218.

10. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика фразеологизмов. М.: Наука, 2005.
11. Меликян А. А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знания в семантические единицы языка: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1977). O kategorii sostoyaniya v russkom yazyke = On the category of state in the Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Lakoff, G., Johnson, M. (2023). Metaphors we live by. Ed. by A. N. Baranov. Moscow: LKI. (In Russ.)
3. Cherneyko, L. O. (2018). Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni = Linguo-philosophical analysis of the abstract noun. Moscow: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.)
4. Telia, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty = Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow: Shkola «Yazyki russkoĭ kul'tury». (In Russ.)
5. Molodchinnaya, O. S. (2020). Zoonimy kak sredstvo nominacii cheloveka = Zoonyms as a means of nominating a person. Nauchny Zhurnal, 10(55), 36–38. (In Russ.)
6. McCormack, E. (1990). A cognitive theory of metaphor. In Arutyunova, N. D., Zhurinskaya, M. A. (Eds.), Theory of metaphor (pp. 358–386). Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Y. G., Luzina, L. G. (1996). Kratkiy slovar kognitivnykh terminov = A Brief Dictionary of Cognitive Terms. Moscow: Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova. (In Russ.)
8. Guseva, A. E., Korchagina, E. P. (2024). Verbalization of the national and cultural stereotypes through zoonymic phraseology based on the material of the English and German languages. Key issues of contemporary linguistics, (4), 97–109.
9. Karpenko, E. I. (2009). A Linguocultural Study of Metaphorisation in German insect Names. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 559, 213–218. (In Russ.)
10. Dobrovolsky, D. O. (2005). Natsionalno-kulturnaya spetsifika frazeologizmov = National and Cultural Specificity of Phraseological Units. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Melikyan, A. A. (2000). Klassifikatsiya bibleĭskikh frazeologizmov angliĭskogo yazyka na osnove konceptual'nykh modelei preobrazovaniya znaniya v semanticheskie edinytzy yazyka = Classification of biblical phraseologisms in English based on conceptual models of knowledge transformation into semantic units of language: PhD thesis in Philology. Samara. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусева Алла Ефимовна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения

Корчагина Екатерина Павловна

аспирант кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Guseva Alla Efimovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of German and Romance Philology
of Federal State University of Education

Korchagina Ekaterina Pavlovna

PhD student
Department of German and Romance Philology
Federal State University of Education

Статья поступила в редакцию	12.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	17.09.2025	accepted for publication

Компрессия синтаксических структур немецкого научного текста

Ю. М. Казанцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
julia.kasanzeva@gmail.com

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявление роли словообразовательных и грамматических средств в создании свернутых предикаций обстоятельственного и атрибутивного характера. Он складывается в зависимости от объема грамматического минимума предложения и валентности глагола. Все эти факторы связаны с синтаксисом, который, в свою очередь, немыслим вне словоупотребления. Поэтому исследование ведется с позиций синтаксической семантики. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления факторов, обуславливающих место свернутых пропозиций в синтаксической и коммуникативной структуре немецкого научного текста. На основе контекстуального и компонентного анализа исследуются отглагольные дериваты и композиты, инфинитивные и причастные обороты.

Ключевые слова: синтаксическая семантика, компрессия, номинализация, пропозиция, словообразование, отглагольные дериваты и композиты, неличные формы глагола, текстообразующая функция

Для цитирования: Казанцева Ю. М. Компрессия синтаксических структур немецкого научного текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 30–37.

Original article

Compression of Syntactic Structures of German Scientific Texts

Julia M. Kasanzeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
julia.kasanzeva@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to describe, from the standpoint of syntactic semantics, the role of word-formation and grammatical means in the creation of condensed predications of an adverbial and attributive nature depending on the volume of the grammatical minimum of the sentence and the valence of the verb. The relevance of the article is due to the need to identify the factors that determine the place of condensed propositions in the syntactic and communicative structure of the German scientific text. Based on contextual and component analysis, verbal derivatives and composites, infinitive and participial phrases are studied.

Keywords: syntactic semantics, compression, nominalization, proposition, word formation, verbal derivatives and composites, impersonal verb forms, text-forming function

For citation: Kasanzeva, J. M. (2025). Compression of Syntactic Structures of German Scientific Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 30–37. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Явление компрессии информации рассматривается в специальной литературе в двояком аспекте: как средство речевой экономии, с одной стороны, и как явление, направленное на повышение информативности речевых произведений – с другой. В первом случае представлено широкое понимание компрессии как определяющей общезыковой тенденции, интенсивность которой обусловлена нормами соответствующего функционального стиля, во втором – речь идет о наборе конкретных языковых средств, обеспечивающих ее реализацию [Бреди-хин, Серебрякова, Лиховид, 2019].

На основании проведенных исследований выделяются наиболее частотные средства языковой компрессии, свойственные текстам ряда функциональных стилей. К ним относятся терминологические единицы, аббревиатуры и акронимы, общепринятые и специализированные сокращения, специфические пунктуационные компрессирующие знаки (скобки, диакритики, двоеточия), эллиптические предложения, средства графического представления информации и иконических элементов (схемы и фотографии). К числу средств языковой компрессии следует также отнести специфические приемы, характерные для определенного типа текстов. Так, например, своей спецификой обладает рекламный текст, в котором наблюдается использование метафоры и метонимии, а также иностранных слов и неадаптированных заимствованных компонентов [Шагланова, 2014].

Важной прикладной проблемой исследования средств языковой компрессии является далее создание так называемых вторичных научных текстов – рефератов, аннотаций [Черкунова, 2021]. «Вторичные» тексты в научной сфере способствуют автоматической переработке информации и созданию автоматизированных систем ее свертывания. В результате значительная информация может храниться в малом текстовом объеме, существовать в сжатом виде [Дубинина, 2013].

В германистике явление компрессии информации исследуется, прежде всего, в связи с развитием в немецком языке номинального стиля [Галла, 2013]. Явление сжатия информации рассматривается также в аспекте соотношения синтаксических (поверхностных) структур и глубинного содержания предложения в русле синтаксической семантики. В ее категориях изучаются расхождения между синтаксической и смысловой структурами высказывания [Москальская, 1981а; Polenz, 1988].

В данной статье рассматриваются синтактико-семантические подходы к исследованию текстов различных функциональных стилей. Актуальность

исследования определяется систематизацией словообразовательных, морфологических и синтаксических средств, участвующих в свертывании элементарных пропозиций сложного предложения в немецком научном тексте. Смысл предпринятого исследования заключается также в выявлении основных факторов, которые определяют сжатие информации, с одной стороны, и наращивание плотности информации – с другой.

На основе контекстуального и компонентного анализа проводится исследование свернутых пропозициональных концептов. Оно позволяет установить глубину плана содержания высказывания, а также определить синтаксическое значение свернутых субъектно-предикатных структур.

Материалом исследования являются фрагменты научных статей и монографий общим объемом около 200 страниц.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве терминов описания информационной насыщенности научного текста целесообразно использовать понятия «пропозиция», «пропозиционный концепт», «пропозиционная» или «пропозитивная номинация». Под пропозиционным концептом предложения или пропозиционной номинацией понимается номинация события, состоящая из глагольного ядра и его именных спутников, или аргументов, охарактеризованных по их семантической роли относительно предиката [Москальская, 1981а, с. 10].

Как отмечает О. И. Москальская, в основе реляционной организации текста лежат элементарные пропозиции, имеющие форму простой (неосложненной) субъектно-предикатной структуры: одно предложение – одна пропозиция = одно событие [Москальская, 1981б, с. 70].

В своей работе «Системное описание синтаксиса» О.И. Москальская различает главную пропозиционную номинацию, соответствующую грамматическому минимуму, и свернутые номинации, представленные определениями и обстоятельствами, вступающими в синтагматические отношения с субъектом и предикатом высказывания [Москальская 1981а, с. 134–135].

В дальнейшем исследовании предполагается выявить также и иные возможные факторы, влияющие на полноту представления элементарных пропозиций в тексте. Поскольку речь идет о связи главной пропозиции с грамматическим минимумом предложения, необходимо учитывать также валентность подлежащего и сказуемого, определяющую «необходимое или возможное

контекстуальное окружение слова, контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями слова в предложении на семантическом и синтаксическом уровне, контекстуальную сочетаемость слов как семантических и / или синтаксических партнеров в предложении» [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 138].

2. ЯЗЫКОВАЯ КОМПРЕССИИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Одной из структурно-семантических особенностей научного текста является его информативная насыщенность. Она, в свою очередь, проявляется в поверхностной организации текста. Однако за ней угадывается взаимодействие глубинных синтаксических структур. Эти структуры в различной степени развернуты. Некоторые из них носят имплицитный характер.

Как отмечает П. Поленц, начиная с XIX столетия в немецком синтаксисе нарастают проявления компрессивного стиля, переход от эксплицитного развернутого изложения текстовой информации посредством сложных синтаксических конструкций к сжатой (komprimiert) форме ее представления в трех возможных вариантах: эллипсис / опущение / частичное представление информации [Polenz, 1988, с. 26]; сжатое / компактное / уплотненное представление информации, при котором посредством одного выражения передается несколько смыслов; имплицитная / подразумеваемая / домысливаемая информация [там же].

В плане соотношения семантики и синтактики предложения явление компрессии описывается О. И. Москальской как «включение в предложение за счет свернутых пропозиций одной или нескольких предикативных линий, что влечет за собой осложнение синтаксической структуры предложения и увеличение глубины предложения» [Москальская, 19816, с. 150–151]. К конкретным проявлениям компрессии информации автор относит различные виды номинализации:

- субстантивная номинализация (двухкомпонентные блоки – *Bei der Zubereitung; Nach kurzer Wirksamkeit in Frankfurt*);
- адъективная (*das unermessliche Leid des Krieges*);
- глагольно-адъективная номинализация (*für Ihren von uns sehr geschätzten Beitrag; die gereinigte Luft*) [Москальская, 19816, с. 151–152].

Опираясь на выявленные О. И. Москальской виды компрессии, целесообразно определить компрессионный потенциал немецкого словообразования, инфинитивных и причастных оборотов, структуры группы существительного.

2.1. Компрессионный потенциал словообразовательных средств

В основе компрессии синтаксических структур предложения лежит процесс номинализации. В словообразовании номинализация определяется как трансформация глагольного элемента полного (неполного) синтаксического комплекса в именную словообразовательную конструкцию [Степанова, Фляйшер, 1984].

Широкий спектр категориальных значений существительного как части речи, служащей наименованию не только лиц, предметов и качеств, но и явлений, состояний и процессов создает предпосылки для активного использования именных словообразовательных моделей в целях свертывания полных синтаксических структур. При этом основным ресурсом сжатия информации служит развитая система немецкого словосложения и деривации. Речь идет, прежде всего, о типах отглагольной деривации со значением процесса (*Bezugnahme, Nominalisierung*) и о словосложении. Словосложение представлено именными словообразовательными конструкциями типа *Lernzielformulierung*, в которых объект и предикат элементарного предложения *X formuliert Lernziele* трансформируются в лексему, отражающую их синтаксические связи в исходном высказывании. Можно отметить также усложненные структуры, в которых зависящие от глагола члены предложения входят в состав лексемы, объединяющей несколько пропозиций. Так, композит *Grammatikbenutzungsforschung* в упрощенной записи можно свести к следующим элементарным пропозициям:

1. Grammatiken benutzen.
2. Benutzung forschen.

В условиях формирования именной словообразовательной конструкции наблюдается нейтрализация валентностных свойств глагола – элиминирование прямого и падежного дополнения, а также возвратного местоимения *sich*:

Lernzielformulierung – Formulierung von Lernzielen – Lernziele formulieren; *Benutzerorientierung* ausgewählter Grammatiken – Orientierung auf die Benutzer ausgewählter Grammatiken – sich auf die Benutzer ausgewählter Grammatiken orientieren.

2.1.1. Отглагольные дериваты с предлогами

Предложные группы с отглагольными дериватами играют существенную роль в свертывании структуры сложноподчиненного предложения, являясь функциональными синонимами по модели *Glauptsatz – Satzglied* (придаточное – член

предложения). В аспекте их семантики и роли в структуре высказывания они являются свободными распространителями по отношению к главной предикации, однако связаны с ней единством имплицуемого действующего лица:

Bei der Konstruktion einer Äußerung kann ein Sprecher „on line“ auf unterschiedliche syntaktische Grundoperationen zurückgreifen, die¹... (Martin C. Pfeiffer. *Zur syntaktischen Struktur von Selbstreparaturen im Deutschen*) – В процессе конструирования высказывания говорящий «on line» может прибегать к различным основным синтаксическим операциям, которые...

В упрощенной записи данное высказывание можно представить следующими элементарными предложениями:

1. Der Sprecher konstruiert eine Äußerung.
2. Der Sprecher kann auf unterschiedliche syntaktische Grundoperationen zurückgreifen.
3. Der Sprecher greift auf unterschiedliche syntaktische Grundoperationen „on line“ zurück.

Распространенность отглагольных предложных групп в функции передачи обстоятельственных отношений подтверждается высказыванием П. Поленца о тенденции к замене сложноподчиненных предложений отглагольными и отадективными существительными. В случае такой замены семантические связи вместо союзов и союзных наречий передаются предлогами или генитивными конструкциями, семантически часто менее точными и многозначными [Polenz, 1988, с. 31]. Наиболее употребительными предлогами в этой функции являются предлоги *zu, bei, unter, für, mit*:

- 1) свернутое придаточное предложение цели:

Zur Beantwortung der Forschungsfragen sowie zur Darlegung von regional orientierten Ansätzen zur lehrer*innenseitigen Konzeption weiterführender Materialien wurde eine systematische Lehrbuchanalyse durchgeführt (S. Haberland, J. L. Korell. *Eine korpusbasierte Analyse – weiterführende Impulse zur Gestaltung von regionalen Unterrichtsmaterialien*). – В целях / для ответа на исследовательские вопросы, а также для регионально ориентированных предложений по конципированию ... последующих материалов...

¹Ввиду значительного объема иллюстративного материала в дальнейшем в русском переводе приводятся только анализируемые места. Здесь и далее перевод наш. – Ю. К.

- 2) свернутое придаточное предложение времени:

Bei der Beurteilung dieser einseitigen Regelerweiterung ist zu berücksichtigen, dass die EHR² nicht nur eine bloße empirische Generalisierung darstellt (M. Pfeiffer. *Zur syntaktischen Struktur...*). – Когда оценивается / при оценке данного одностороннего расширения правила...

- 3) свернутые модальные предложения:

Unter Bezugnahme auf die dargebotenen Ebenen werden im Folgenden die o.g. Spanischlehrbücher in gebündelter Form nach der Darstellungsweise <...> analysiert... (S. Haberland, J. L. Korell. *Eine korpusbasierte Analyse...*) – Опираясь на предложенные уровни...

- 4) свернутое придаточное предложение цели:

Für die Gliederung der Regelüberprüfung bietet es sich an, beide Teilregeln gesondert zu betrachten (M. Pfeiffer. *Zur syntaktischen Struktur...*). – В целях / для структурирования проверки правил...

- 5) свернутое придаточное предложение причины:

Mit der Annahme verschiedener Faktoren der Zielgruppenorientierung verfolgen wir die folgende Hypothese... (M. Hennig. *Melanie Löber Benutzung und Benutzbarkeit von Grammatiken*) – Поскольку мы принимаем / при принятии различных факторов...

2.1.2. Номинализированные словообразовательные конструкции

Номинализированные словообразовательные конструкции аналогичным образом участвуют в сжатой передаче подчинительной связи в зависимости от используемого предлога:

1. **Bei der Lernzielformulierung** sollen Verben verwendet werden, die vom Intensitätsniveau ausgehend auf die eigenen Lernenden zugeschnitten sind (Ioana Velica. *Lernziele und deren Bedeutung im Unterricht*). – Когда формулируются / При формулировании целей обучения...
2. Dementsprechend werden im Rahmen des Beitrags **nach einer terminologischen Standortbestimmung sowie Beschreibung und Herausstellung von**

²Extended Head Rule

Schnittstellen zwischen Mehrsprachigkeits- und Nachbarsprachendidaktik ausgewählte Lehrbücher der Sekundarstufe I und II nach einem von den Autorinnen entwickelten Analysemodell untersucht und Ergebnisse der Analyse dargestellt (S. Haberland, J. L. Korell. *Eine korpusbasierte Analyse...*). – После того как будет установлен / после установления терминологического статуса, а также после описания и выявления мест пересечения...

3. КОМПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

Инфинитивные и причастные обороты объединяет то, что они содержат имплицитное указание на субъект главной пропозиции. При этом глагольный элемент второстепенной пропозиции представлен неличной формой глагола. Она нейтральна по отношению к категориям времени и наклонения, что позволяет причислить неличные формы глагола к средствам компрессивности.

3.1. Инфинитивные обороты

Инфинитивные финальные обороты являются употребительным средством компрессии целевых синтаксических структур. В связи с неполным элиминированием глагольного компонента в сравнении с финальными предложными группами типа *Zur Überprüfung der Hypothese* они имеют больший коммуникативный вес:

1. *Um der Selbstreparatur als Phänomen an der Schnittstelle von Interaktion, Kognition und Syntax gerecht zu werden*, sollte ein Erklärungsansatz zur Reparaturstruktur Überlegungen aus all diesen Bereichen verbinden (M. Pfeifer. *Zur syntaktischen Struktur...*). – Чтобы соответствовать самокоррекции как явлению ... следует...

Являясь формально функциональными синонимами, финальные предложные группы и инфинитивные обороты не всегда взаимно заменяемы из-за лексического значения глагольного компонента, например:

2. *Um sich dieser Forderung anzunehmen*, setzt sich der vorliegende Beitrag mit der Identifikation möglicher Anknüpfungspunkte... auseinander.

Очевидно, неприемлемы трансформации **Zur Annahme dieser Forderung* / **Für die Annahme dieser Forderung...*

Кроме того, даже при возможности подобной трансформации, они различны в коммуникативном плане, ср.:

3. **Zur Beantwortung** der Forschungsfragen <... > wurde eine systematische Lehrbuchanalyse durchgeführt (Svenja Haberland, Johanna Lea Korell. *Eine korpusbasierte Analyse...*). – Для ответа на вопросы исследования ... был проведен систематический анализ учебников.
4. Um die eingangs formulierten Forschungsfragen **zu beantworten** ... wurde folgendes Analysemodell mit zentralen Unterfragestellungen erarbeitet (Svenja Haberland, Johanna Lea Korell. *Eine korpusbasierte Analyse...*). – Чтобы дать ответ на сформулированные вначале исследовательские вопросы... была разработана следующая модель анализа.

Во фрагменте 3 номинализированная отглагольная предложная группа занимает предполье – место темы – и не несет фразового ударения, по коммуникативной функции – *анафора*. В фрагменте (4), глагольный компонент относится к реме свернутого высказывания и по позиции, и по фразовому ударению, выполняет функцию *катафоры*.

В рассмотренных инфинитивных оборотах как бы активизируются глагольные качества причастий, при этом единый агент сближает все предложение со сложносочиненным предложением или простым предложением с однородными сказуемыми.

3.2. Причастные обороты

В данном разделе рассматриваются только причастные обороты, имеющие в своем составе причастие I, поскольку причастные обороты с причастием II типа *Wie bereits anfangs erwähnt; Dieser grundsätzlichen Feststellungen ungeachtet; Gesetzt den Fall, dass...* и тому подобные представляют собой эллиптические предложения, и тем самым не участвуют в компрессии субъектно-предикатных структур.

3.2.1. Причастие I

Причастие I еще в большей степени, чем инфинитив, сохраняет глагольные свойства, выражая одновременность действия в составе свернутой структуры и полной глагольной предикации:

1. Beruhend auf der Annahme, dass die Durchführung von Selbstreparaturen bestimmten Regularitäten unterliegt, werden 262 Beispiele

aus informellen Interviews im Hinblick auf die auftretenden Retraktionen syntaktisch analysiert (M. Pfeifer. *Zur syntaktischen Struktur...*). – Основываясь на предположении, что самокоррекции подлежат определенным правилам, проводится анализ 262 примеров...

Обращает на себя внимание следующая особенность соотношения свернутой и главной пропозиции в немецком тексте: свернутая пропозиция представлена активным причастием (агнс – анализ), а глагольная предикация – пассивным залогом (агнс – исследователь), однако ввиду распространенности данного вида компрессии, для которой характерна тождественность действующего лица, это не воспринимается как нарушение нормы.

3.2.2. Причастие в составе атрибутивной группы существительного

Данное проявление компрессивности основано на включении в состав группы существительного обоих причастий. Благодаря четко очерченным границам группы существительного, ее объем может быть весьма значительным, что обуславливает ее многоуровневость в семантическом плане. Однако благодаря рамочной конструкции, образуемой, как правило, артиклем или другим артиклевым словом (притяжательное, указательное местоимение и др.) и определяемым существительным, данная сжатая конструкция является более обозримой и легче воспринимается по сравнению с определенными придаточными, в которые она может быть развернута полностью или частично.

3.2.2.1. Причастие I

Причастие I с частицей *zu* служит адъективации глагольного компонента пропозиции пассивного предложения, придавая причастному обороту не только значение пассивности (1), но и модальное значение возможности или долженствования в зависимости от более широкого контекста (2):

1. Die so zu gewinnenden breiten Skalen syntaktischer Variationsmöglichkeiten für eine bestimmte semantische Kategorie entsprechen den Wortfeldern der Lexikologie (P. Polenz. *Satzsemantik*). – Получаемые таким образом широкие шкалы возможностей синтаксической вариации...
2. In manchen Fällen sind unter onomasiologisch-sachlichem Gesichtspunkt zu fixierende Gruppen von Benennungen in der Struktur einer WBK oder einer syntaktischen Wortgruppe konventionalisiert

(M. D. Stepanowa, W. Fleischer. *Grundzüge...*). – Группы наименований, которые могут быть зафиксированы в структуре именной словообразовательной конструкции...

Ресурсом для увеличения объема распространенного определения служат как обязательные и факультативные актанты номинализованного глагола (3), так и свободные расширители (4), при этом часто возникает диспропорция между номинализованной частью высказывания и глагольной:

3. Dass aus einer solchen in Bezug auf die angesprochene Benutzergruppe vorgenommenen Perspektivierung aber nicht automatisch eine den Anforderungen dieser Benutzergruppe gerecht werdende Grammatik geschlossen werden kann, wird durch die Analyse verschiedener Faktoren der Zielgruppenorientierung deutlich (M. Hennig, M. Löber. *Benutzung und Benutzbarkeit von Grammatiken*). – То, что грамматика, отвечающая требованиям определенной группы пользователей, в результате подобного прогнозирования, предпринимаемого не автоматически, а по отношению к означенной группе пользователей, не может быть завершена, становится ясным из анализа различных факторов целевой ориентации групп.

В синтаксической структуре немецкого фрагмента основная предикация представлена главным предложением: *wird durch die Analyse verschiedener Faktoren deutlich*. В придаточном предложении глагольной пропозицией, объединяющей все последующие, можно считать *Grammatik kann geschlossen werden*, вокруг нее и отглагольного существительного *Perspektivierung* группируются все свернутые структуры.

4. Als solche wurden die in Kirchen häufig bildlich dargestellten teilnahmslos schlafenden Jünger Jesu auf dem Ölberg bei Jerusalem (Math. 26, 40 ff) bezeichnet... (W. Ulrich. *Schwerenöter und Hagestolz Wie verstehen wir historisch verdunkelte Wortbildungen?*) – Так называли часто изображаемых в церквях безучастно спящих учеников Иисуса на Масличной горе близ Иерусалима...

Таким образом, проанализированные виды компрессии синтаксических структур – предложные группы, инфинитивные и причастные обороты, распространенное определение – охватывают, прежде всего, средства передачи подчинительной и отчасти сочинительной связи. В аспекте своего

соотношения с основной глагольной пропозицией они входят во вторую линию элементарных пропозиций, а в аспекте грамматического минимума и валентности глагола являются свободными расширителями – обстоятельством и определениями.

В коммуникативном плане синтаксические группы, подвергшиеся компрессии, в большинстве случаев по морфологическому оформлению и по синтаксической позиции представляют собой коммуникативную тему высказывания. Они являются анафорическим средством связи предложений в тексте. Особое место занимают целевые инфинитивные обороты, обнаруживающие двухчастную тема-рематическую структуру: Тематический компонент отсылает к предтексту, рема предвосхищает последующую информацию, являясь катафорой. Как представляется, это главный фактор, определяющий цель, вид и средства синтаксической компрессии без потери информативности текста. С другой стороны, возможность увеличения информационной насыщенности инфинитивных и причастных структур определяется валентностью номинализированного глагола и целесообразностью расширения номинализированной структуры за счет свободных распространителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Участие словообразовательных и грамматических средств в компрессии синтаксической структуры научного текста заключается в создании свернутых номинаций, представленных определениями и обстоятельствами. Распространенность предложных групп с отглагольными дериватами и именными словообразовательными конструкциями дает основания говорить об увеличении доли простых распространенных предложений в синтаксической структуре немецкого научного текста. Его синтаксис не перегружен распространенными конструкциями и свободен от повествовательных излишеств по сравнению со сложным синтаксисом. Подтверждение этого наблюдения может составить новую исследовательскую задачу. Для развития положения о влиянии референциальной структуры текста на представленность в нем свернутых пропозиций целесообразно также проследить, какое влияние на употребление средств компрессии оказывает суперструктура научной статьи (введение, основная часть, заключение) и принятое в немецком научном дискурсе распределение информации по ее элементам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бредихин С. Н., Серебрякова С. В., Лиховид А. А. Способы компрессии когнитивной информации в научно-популярном тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 139–145.
2. Шагланова Е. А. Информационно-стратегический потенциал компрессии текста телерекламы: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2014.
3. Черкунова М. В. Специфика языковой компрессии в современном англоязычном научном дискурсе (на материале аннотаций к статьям, входящим в международные реферативные базы данных) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2021. Т. 3 № 3. С. 28–38.
4. Дубинина Е. Ю. Компрессия научного текста: Методы и модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.
5. Галла М. В. Развитие номинальности в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). Ч. 1. С. 55–58.
6. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высшая школа, 1981а.
7. Polenz, Peter von. Deutsche Satzsemantik. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1988.
8. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981б.
9. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблемы валентности в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1978.
10. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984.

REFERENCES

1. Bredikhin, S. N., Serebriakova, S. V., Likhovid, A. A. (2019). Sposoby kompressii kognitivnoj informayii v nauchno-popularnom tekste = Ways of cognitive information compression in a popular science text. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 3, 139–145. (In Russ.)
2. Shaglanova, E. A. (2014). Infomazionno-strategicheskij potenzial kompressii teksta reklamy = Information and strategic potential of TV commercial text compression: PhD thesis in Philology. Irkutsk. (In Russ.)

3. Tcherkunova, M. V. (2021). Specifics of language compression in modern English-language scientific discourse (based on abstracts of articles included in international abstract databases). Discourse of professional communication, 3(3), 28–38. (In Russ.)
4. Dubinina, E. Yu. (2013). Kompessia nauchnogo teksta: metody i problemy = Compression of scientific text: Methods and models: abstract of PhD thesis in Philology. St.Petersburg. (In Russ.)
5. Galla, M. V. (2013). Development of Nominal Essence in the Modern German Language. Philology. Theory & Practice, 11(29)-1, 55–58. (In Russ.)
6. Moskalskaja, O. I. (1981a). Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa = Problems of systemic description of syntax. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
7. Polenz, Peter von (1988). Deutsche Satzsemantik. Berlin, NY: Walter de Gruyter.
8. Moskalskaja, O. I. (1981b). Grammatika teksta = Text Grammar. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
9. Stepanova, M. D., Helbig, G. (1978). Tschasti rechi i problemy valentnosit v sovremennom nemezkom jasike = Parts of speech and valence problems in modern German. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)
10. Stepanova, M. D., Fleischer, W. (1984). Teoreticheskie osnovy slovoobrasovanija v nemezkom jasyke = Theoretical foundations of word formation in German. Moscow: Visschaja schkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казанцева Юлия Михайловна

кандидат филологических наук, профессор
заведующий кафедрой грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasanzeva Julia Mikhailovna

PhD in Philology, Professor
Head of the Department of Grammar and History of German, Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.07.2025
22.08.2025
18.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Цифровой инструментарий автоматизированной обработки текста и речи в условиях перехода на свободные операционные системы семейства Linux

М. В. Каменский

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
stavdev@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей работы является систематизация современного цифрового инструментария автоматизированной обработки текста и речи в контексте его совместимости с операционными системами семейства Linux. Материалом исследования послужили каталоги и реестры программного обеспечения общего и лингвистического назначения, которое разрабатывается международными и российскими коллективами. В результате анализа, проведенного с применением описательного и экспериментального методов, уточнена функциональность лингвистического программного обеспечения в условиях его работы под управлением операционной системы семейства Linux. Предложена модель повышения эффективности рабочего процесса лингвиста-исследователя в условиях использования отечественных операционных систем исследованного семейства.

Ключевые слова: цифровая лингвистика, компьютерная лингвистика, автоматизированная обработка текста, цифровой инструментарий, свободное программное обеспечение, операционная система Linux

Для цитирования: Каменский М. В. Цифровой инструментарий автоматизированной обработки текста и речи в условиях перехода на операционные системы семейства Linux // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 38–44.

Original article

Digital Toolkit for Natural Language Processing in the Linux Free Operating System Family

Mikhail V. Kamensky

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
stavdev@mail.ru

Abstract. The aim of the present study is to determine the compatibility status of the contemporary digital toolkit for natural language processing in the Linux kernel-based operating system environment. The research is based on the material of catalogs and registries of general purpose and linguistic software developed by international and Russian programmer teams. The analysis, conducted by means of the descriptive and experimental methods, describes the functionality of specialized linguistic software within the framework of their use in the Linux operating system environment. A model of improving the efficiency of the Linux-centric linguistics digital workflow is proposed, built around the use of Russian operating systems based on the Linux kernel.

Keywords: digital linguistics, computational linguistics, natural language processing, digital toolkit, free software, Linux operating system

For citation: Kamensky, M. V. (2025). Digital toolkit for natural language processing in the Linux free operating system family. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 38–44. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе ставится и решается проблема обеспечения эффективности научного поиска в сфере теоретической и прикладной лингвистики. Рассматривается применение цифрового инструментария в современных условиях интеграции импортозамещающих технологий и отечественного программного обеспечения.

Цель исследования – охарактеризовать функциональность и совместимость основных программных продуктов общего и профессионального назначения, систематически используемых при проведении автоматизированной обработки текста в лингвистических исследованиях. Инструментарий этой работы составляют свободные операционные системы семейства Linux в целом и их отечественные реализации в частности.

Актуальность исследования вызвана необходимостью повышения эффективности автоматизации и алгоритмизации исследовательских процедур в сфере теоретической и прикладной лингвистики в изменяющихся технологических условиях, подразумевающих качественный переход от проприетарных решений (ОС Microsoft Windows и совместимое проприетарное ПО общего назначения) к свободным и открытым решениям с преимущественным применением отечественного ПО (ОС Astra Linux, ALT Linux, РЕД ОС и совместимое свободное ПО общего назначения).

Для реализации поставленной цели в пределах настоящей статьи решаются следующие задачи:

- предпринимается аналитический обзор современных научных исследований по проблеме цифровизации научно-исследовательского рабочего процесса лингвиста;
- проводится систематизация существующего ПО общего и профессионального назначения, применимого для автоматизированной обработки текста и звучащей речи и совместимого с ОС на базе ядра Linux;
- осуществляется разработка рекомендаций по повышению эффективности организации цифрового рабочего процесса лингвиста в условиях перехода на отечественные ОС семейства Linux.

Научная новизна предлагаемой работы состоит в следующем:

- в рамках единого цифрового рабочего процесса систематизировано актуальное лингвистическое программное обеспечение, совместимое с операционными системами семейства Linux;
- получены новые данные о функциональном потенциале ПО общего и профессионального

назначения для решения задач автоматизированной обработки языка и речи;

- оценены возможности повышения эффективности цифрового рабочего процесса лингвиста в условиях реализации импортозамещающих практик по интеграции отечественного программного обеспечения.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПО ПРОБЛЕМЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО РАБОЧЕГО ПРОЦЕССА ЛИНГВИСТА

В последние годы в связи со всё более активной интеграцией цифровых технологий в различные сферы профессиональной деятельности и развитием новых цифровых решений для различных задач, в том числе технологий искусственного интеллекта, а также в связи с реализацией государственной политики импортозамещения и поэтапного перехода на отечественное программное обеспечение все более актуальным становится вопрос о поддержании и повышении эффективности решения практических и научно-исследовательских задач в новых технологических условиях.

Применительно к научно-исследовательской деятельности в области лингвистики данный процесс диктует, в первую очередь, необходимость каталогизации и систематизации профессиональных ресурсов и программного обеспечения лингвистического назначения, что находит отражение в современных научных трудах отечественных ученых [Антопольский, 2021; Каменский, 2021].

Параллельно данным научным изысканиям также активно развиваются отечественные лингвистические программные продукты, в частности, отечественные электронные корпуса текстов, текстовые и аудиальные базы данных, а также программные алгоритмы для их обработки и анализа. Такого рода программное обеспечение разрабатывается как отдельными инициативными исследователями, так и научными коллективами [Горожанов, 2024; Гуртуева, 2024; Gorozhanov, Guseynova, 2020].

В наше время наблюдается активное развитие технологий искусственного интеллекта. Оно влечет за собой развитие программных решений в сфере автоматического перевода, генерации текста и синтеза речи, классификации документов и автоматизированного анализа текстов на основе машинного обучения. Существенное исследовательское внимание направлено, с одной стороны, на общую реализацию функционального потенциала искусственного интеллекта в гуманитарной сфере [Аветисян, 2024], а с другой – на практическое

применение больших языковых моделей в лингвистике и лингводидактике [Авраменко, 2023].

Динамично развивается общее интегративное направление цифровой лингвистики, объединяющее концепции компьютерной, корпусной, квантитативной, математической лингвистики, а также ряд смежных областей, связанных с цифровизацией различных исследовательских траекторий в сфере филологического знания и прикладных областей лингвистической деятельности [Поликарпов, 2019]. В научных трудах исследуется такое понятие, как «цифровая филология», изучается текущее состояние и обсуждаются перспективы развития цифрового направления гуманитарных наук [Шейко, 2023].

Множество научно-исследовательских работ посвящено собственно вопросам автоматизированной обработки текста. Так, в последние годы внимание исследователей было направлено на сравнение результатов автоматизированной и ручной обработки текста при решении задачи sentiment-анализа [Гималетдинова, Довтаева, 2021], решались вопросы автоматизации получения лингвостатистических данных при системной обработке текста [Максименко, 2019], разрабатывались принципы автоматизации анализа ритма текста [Бойчук, 2021].

Однако при активном развитии цифровой лингвистики и наличии множества работ, посвященных вопросам автоматизированной обработки текста и речи, в означенной сфере знания всё ещё имеются существенные пробелы. Вопросы цифровизации рабочего процесса лингвиста в условиях перехода на свободное программное обеспечение, на операционные системы семейства Linux, а также на отечественные программные продукты достаточно редко оказываются в центре исследовательского внимания [Фаткулин, 2015].

Считаем, что активный курс на внедрение импортозамещающего программного обеспечения, а также активизация процессов перехода на ОС Linux в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах в полной мере актуализируют вопрос специального рассмотрения функционального потенциала и совместимости существующих лингвистических программных продуктов с отечественными операционными системами на основе ядра Linux.

МОДЕЛЬ ЦИФРОВОГО РАБОЧЕГО ПРОЦЕССА ЛИНГВИСТА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ОПЕРАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ СЕМЕЙСТВА LINUX

Предпринятое исследование существующих дистрибутивов операционных систем на базе ядра

Linux показало, что в высших учебных заведениях и научных организациях России в настоящее время в рамках перехода на отечественное программное обеспечение¹ используются три операционные системы данного семейства: 1) ALT Linux (Альт СП)²; 2) Astra Linux³; 3) РЕД ОС⁴. Они относятся к системам общего назначения, сертифицированы ФСТЭК России и включены в единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных⁵.

В функциональном отношении данные дистрибутивы в существенной мере схожи, все они совместимы с существующим открытым и свободным программным обеспечением общего и профессионального лингвистического назначения. Данное сходство обеспечивается использованием современной версии ядра Linux (6.x) и стандартных библиотек времени выполнения для 64-битной архитектуры ПК x86-64, а также наличием развитых репозиториях с пакетной базой. Она включает все необходимые компоненты для запуска и компиляции существующих приложений для ОС Linux. Так, репозиторий Astra Linux основан на пакетной базе Debian GNU/Linux формата DEB, репозитории РЕД ОС и Альт СП – на пакетной базе RPM (в случае Альт СП основой выступила пакетная база Red Hat Enterprise Linux). Используемый по умолчанию интерфейс рабочего стола пользователя в трех исследованных операционных системах различен, однако во всех трех случаях имеет место классическая парадигма оконного интерфейса. Она призвана быть максимально прозрачной и понятной для пользователей, долгое время работающих в оконной среде ОС Microsoft Windows.

Обзор пакетной базы российских дистрибутивов Linux показал, что к основному программному обеспечению общего назначения, представленному в репозиториях либо загружаемому из совместимых сторонних источников и способному выступить аналогом и альтернативой существующему распространённому проприетарному программному обеспечению, типичному для персональных компьютеров, работающих под управлением ОС Microsoft Windows, следует причислить следующее ПО:

1. LibreOffice⁶ – офисный пакет, включающий в себя текстовый процессор Writer, редактор электронных таблиц Calc, редактор презентаций Impress, базу данных Base

¹URL: <https://minobrnauki.gov.ru/importozameshcheniye/> (дата обращения: 19.05.2025).

²URL: <https://www.basealt.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).

³URL: <https://astralinux.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴URL: <https://redos.red-soft.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).

⁵URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁶URL: <https://www.libreoffice.org/> (дата обращения: 20.05.2025).

и другое ПО, в актуальной версии обладающее высокой степенью совместимости с пакетом Microsoft Office¹.

2. Chromium² – интернет-браузер, основанный на одноименном ядре, также лежащем в основе многих распространенных браузеров (Chrome, Edge, Яндекс Браузер и др.).
3. Thunderbird³ – почтовый клиент для работы с электронной почтой и группами новостей.
4. VLC Media Player⁴ – медиапроигрыватель с интегрированными аудио- и видеокодеками, позволяющий проигрывать существующий медиаконтент в подавляющем большинстве существующих форматов⁵.
5. Okular⁶ – средство просмотра текстовых документов в различных распространенных форматах (pdf, djvu, epub и др.).

Также подчеркнем, что в рамках реализации политики импортозамещения создан отдельный каталог российского программного обеспечения. Данный каталог систематизирует отечественное ПО, выступающее прямой альтернативой иностранному проприетарному ПО⁷. В данном перечне ПО общего назначения, релевантное для сопровождения лингвистической деятельности, приведено в каталогах «ПО для работы с документами и текстами»⁸, «Офисные пакеты»⁹, «Коммуникационное ПО»¹⁰, «Аудио, видео, обработка изображений»¹¹. Большая часть представленного в перечне ПО является коммерческим проприетарным программным обеспечением. Поэтому необходимо признать существование в настоящий момент двух путей альтернативизации программного обеспечения в рамках цифрового процесса лингвиста:

- 1) свободное и открытое программное обеспечение, разрабатываемое международными коллективами программистов

(в том числе с российским участием) и распространяемое в большинстве случаев по некоммерческим свободным лицензиям;

- 2) отечественное проприетарное программное обеспечение, разрабатываемое российскими коллективами программистов и распространяемое в большинстве случаев на коммерческой основе по корпоративным лицензиям.

В обоих случаях наблюдается высокая совместимость ПО общего назначения с операционными системами семейства Linux, в силу чего решение об использовании каждого конкретного подхода (либо об их совмещении) может приниматься на индивидуальной основе в каждой конкретной организации или в определенном научном коллективе.

Применительно к собственно лингвистическому программному обеспечению отметим, что результаты исследования также показывают высокую степень совместимости специализированных программных продуктов с операционными системами на базе ядра Linux. Это объясняется академической природой такого ПО, его систематической разработкой в научных коллективах высших учебных заведений по открытой и свободной модели распространения научных достижений и технических средств получения научных данных, что максимально приоритизирует совместимость данных программных продуктов с открытыми и свободными операционными системами.

К основному лингвистическому ПО, отношению к свободному программному обеспечению с открытым кодом, совместимому с операционными системами семейства Linux и используемому для решения задач в области автоматизированной обработки текста и речи, следует причислить следующее:

1. Корпусные менеджеры GATE¹² и LancsBox¹³. GATE представляет собой разветвленную модульную инфраструктуру для разработки, сопровождения и практического применения разноязычных и разнонаправленных электронных корпусов текстов, а также для проведения автоматизированного анализа текста по различным пользовательским грамматическим и лексико-семантическим критериям на базе данных электронных корпусов. LancsBox также является корпусным менеджером для разработки электронных корпусов текстов и их практического применения и автоматизированной обработки. Однако акцент в данном программном продукте смещен в сторону реализации стандартных исследовательских процедур (KWIC, GraphColl, N-Grams и др.) и наглядной визуализации

¹URL: https://wiki.documentfoundation.org/Feature_Comparison:_LibreOffice_-_Microsoft_Office/ru (дата обращения: 20.05.2025).

²URL: <https://www.chromium.org/chromium-projects/> (дата обращения: 21.05.2025).

³URL: <https://www.thunderbird.net> (дата обращения: 21.05.2025).

⁴URL: <https://www.videolan.org/vlc/> (дата обращения: 21.05.2025).

⁵URL: <https://www.videolan.org/vlc/features.html> (дата обращения: 21.05.2025).

⁶URL: <https://okular.kde.org/> (дата обращения: 21.05.2025).

⁷URL: <https://catalog.arppsoft.ru/replacement> (дата обращения: 22.05.2025).

⁸URL: https://catalog.arppsoft.ru/replacement/section_6074055 (дата обращения: 22.05.2025).

⁹URL: https://catalog.arppsoft.ru/replacement/section_6046988 (дата обращения: 22.05.2025).

¹⁰URL: https://catalog.arppsoft.ru/replacement/section_6053309 (дата обращения: 22.05.2025).

¹¹URL: https://catalog.arppsoft.ru/replacement/section_6050571 (дата обращения: 22.05.2025).

¹²URL: <https://gate.ac.uk/> (дата обращения: 23.05.2025).

¹³URL: <https://lancsbox.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 23.05.2025).

результатов исследования с помощью встроенных механизмов.

2. Язык программирования Python¹ и специализированные лингвистические библиотеки для данного языка, реализующие алгоритмы автоматизированной обработки текста. В частности, к таким библиотекам относятся распространенные в настоящее время NLTK (Natural Language Toolkit)² и spaCy³, а также библиотеки-«обертки» (от англ. wrapper) для них, предоставляющие более удобные интерфейсы разработки приложений (API) для типовых задач, например, TextBlob⁴ для реализации стандартных процедур анализа англоязычных текстов и TextaCy⁵ для упрощения работы со стандартными алгоритмами библиотеки spaCy. Также к данной категории ПО относятся среды разработки приложений, поддерживающие язык программирования Python, такие как Visual Studio Code⁶ и ее полностью свободная реализация VS Codium⁷, исключая проприетарные компоненты и телеметрию.

3. Фонетический анализатор Praat⁸, реализующий обширный функционал в области акустического анализа фонограмм, в том числе формантного анализа, спектрального анализа, анализа интонационных кривых и т.д., а также в области синтеза речи. Praat также обладает необходимым набором функций для визуализации результатов фонетического анализа.

4. Среда автоматизированного перевода текстов (CAT), такие как OmegaT⁹ и отечественный онлайн-сервис Tolma.ch¹⁰, выступающие альтернативой для таких коммерческих решений, как Trados Studio¹¹, и объединяющие в рамках единого программного решения такие функциональные возможности, как память переводов, подключение электронных словарей и глоссариев (в случае OmegaT в том числе электронных словарей, совместимых с открытым и свободным словарным агрегатором GoldenDict¹²). Сервис Tolma.ch также поддерживает командную работу над проектом в распределенном онлайн-формате.

Что касается непосредственно отечественных разработок, в каталоге российского ПО,

рекомендуемого для импортозамещения, также есть ряд коммерческих решений. Они используются в качестве альтернативы зарубежному программному обеспечению (рубрика «Лингвистическое ПО»)¹³. Практический интерес, в частности, представляют российские платформы, на которых реализуются современные алгоритмы генеративного искусственного интеллекта и машинного обучения. Например, к такому ПО относится Naumen Erudite, развивающаяся платформа искусственного интеллекта для «создания голосовых роботов и чат-ботов и управления их работой»¹⁴. Она является альтернативой продуктам Google ASR/TTS, IBM Watson и т. п.

Совместимые с Linux отечественные программные продукты представлены в едином реестре российского ПО в рубрике «07. Лингвистическое программное обеспечение» и включают в себя парсеры и семантические анализаторы (07.01), средства речевого перевода (07.02), средства распознавания символов (07.03), средства распознавания и синтеза речи (07.04), средства автоматизированного перевода (07.05), электронные словари (07.06) и средства проверки правописания (07.07)¹⁵.

Таким образом, модель цифрового рабочего процесса лингвиста в условиях перехода на операционные системы семейства Linux включает в себя: 1) собственно ОС на базе ядра Linux, что в условиях импортозамещения подразумевает одну из отечественных разработок, таких как ALT Linux (Альт СП), РЕД ОС и Astra Linux; 2) комплекс программного обеспечения общего назначения, разработанный на основе синтеза существующих открытых и свободных программных продуктов, совместимых с ОС Linux, а также отечественных коммерческих продуктов, разработанных в рамках программы импортозамещения; 3) комплекс лингвистического программного обеспечения для решения профессиональных задач, также представляющий собой синтез открытых международных и проприетарных отечественных решений в соответствии с потребностями каждой конкретной организации или научного коллектива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты предпринятого исследования продемонстрировали высокую степень совместимости существующего лингвистического программного обеспечения с операционными системами

¹URL: <https://www.python.org/> (дата обращения: 23.05.2025).

²URL: <https://www.nltk.org/> (дата обращения: 23.05.2025).

³URL: <https://spacy.io/> (дата обращения: 23.05.2025).

⁴URL: <https://textblob.readthedocs.io/en/dev/> (дата обращения: 23.05.2025).

⁵URL: <https://textacy.readthedocs.io/en/latest/> (дата обращения: 23.05.2025).

⁶URL: <https://code.visualstudio.com/> (дата обращения: 23.05.2025).

⁷URL: <https://vscodium.com/> (дата обращения: 23.05.2025).

⁸URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 26.05.2025).

⁹URL: <https://omegat.org/> (дата обращения: 26.05.2025).

¹⁰URL: <https://tolma.ch/> (дата обращения: 26.05.2025).

¹¹URL: <https://www.trados.com/product/studio/> (дата обращения: 26.05.2025).

¹²URL: <https://github.com/goldendict/goldendict> (дата обращения: 26.05.2025).

¹³URL: https://catalog.arppsoft.ru/replacement/section_6116601 (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁴URL: <https://catalog.arppsoft.ru/product/6057858> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁵URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (дата обращения: 27.05.2025).

семейства Linux, а также в полной мере подтвердили возможность организации полноценного цифрового рабочего процесса лингвиста, построенного на базе одной из операционных систем на базе ядра Linux и совместимого ПО общего и профессионального назначения, в том числе отечественного. Такой цифровой рабочий процесс представляется независимым от иностранных проприетарных решений и при этом характеризуется обширным функциональным потенциалом для решения широкого круга задач в области теоретической и прикладной лингвистики, связанных с автоматизированной обработкой и анализом текста и звучащей речи.

Существенными свойствами предложенной модели цифрового рабочего процесса лингвиста выступают:

- 1) способность гибкого синтеза свободного ПО с открытым кодом и коммерческих разработок;
- 2) высокая совместимость используемых в рамках данного рабочего процесса программных продуктов с проприетарными решениями, типичными для ОС Microsoft Windows, в части используемых форматов файлов и реализуемых алгоритмов автоматизированной обработки языковых и речевых данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антопольский А. Б. Цифровые лингвистические информационные ресурсы. Определение объекта и каталогизация // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2021. № 3. С. 27–36.
2. Каменский М. В. Информационно-технологическое обеспечение оптимизации научно-исследовательской деятельности по теоретической и прикладной лингвистике в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 208–218.
3. Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 24–30.
4. Гуртуева И. А. Корпусное исследование акцентной русской речи // Человек - язык - компьютер. Исследователи будущего: Материалы Научно-практической (заочной) конференции с международным участием. Москва, 25 декабря 2023 года / отв. ред. А. И. Горожанов; редколлегия: А. А. Альварес Соллер, Д. В. Степанова, Л. А. Фурсова и др. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024. С. 56–62.
5. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 13. № 12. С. 2035–2048. DOI 10.17516/1997-1370-0702.
6. Аветисян А. И. Искусственный интеллект в гуманитарной сфере. Угрозы и возможности // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 7. С. 623–628.
7. Авраменко А. П. Большие языковые модели в лингвистике и лингводидактике: монография / под ред. А. Э. Левицкого, В. В. Терновского, В. А. Фадеева. М.: КДУ, Добросвет, 2023.
8. Поликарпов А. М. Филологическое знание в цифровой цивилизации // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы» / отв. ред. А. А. Громский, гл. ред. В. В. Гриб, председатель редсовета В. М. Филиппов. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2019. Т. 1. С. 182–184.
9. Шейко А. М. Digital Humanities и цифровая филология: истоки и перспективы развития // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3 (50). С. 259–273.
10. Гималетдинова Г. К., Довтаева Э. Х. Сентимент-анализ читательского комментария: автоматизированная VS ручная обработка текста // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 1. С. 65–80.
11. Максименко О. И. Автоматизированный дистрибутивно-статистический анализ как системная обработка текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 92–100.
12. Бойчук Е. И. Автоматизированный анализ ритма рекламного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 137–144.
13. Фаткулин Б. Г. Прикладная лингвистика на службе китаеведения: автоматизация загрузки контента на заданную тему из китайской энциклопедии «БАЙДУ БАЙКЕ» с помощью специального программного обеспечения в рамках операционной системы LINUX // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Материалы V международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 18–23 мая 2015

года / отв. ред.: Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов, Н. В. Киреева. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. Т. 5. С. 374–378.

REFERENCES

1. Antopolsky, A. B. (2021). Digital linguistic information resources. The definition of the object and cataloging. Automatic documentation and mathematical linguistics, 3, 27–36. (In Russ.)
2. Kamensky, M. V. (2021). Information technologies in optimizing scientific research in the sphere of theoretical and applied linguistics in the digital age. Humanities and law research, 4, 208–218. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I. (2024). Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 24–30. (In Russ.)
4. Gurtueva, I. A. (2024). Corpus study of Russian accent speech. Human – language – computer. Issledovateli budushchego (pp. 56–62): Materialy Nauchno-prakticheskoy (zaochnoy) konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moscow, 2023, December 25. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
5. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2020). Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 13(12), 2035–2048. DOI 10.17516/1997-1370-0702.
6. Avetisyan, A. I. (2024). Artificial intelligence in the humanitarian field. Threats and opportunities. Herald of the Russian Academy of Sciences, 94(7), 623–628. (In Russ.)
7. Avramenko, A. P. (2023). Bol'shie yazykovye modeli v lingvistike i lingvodidaktike = Large Language Models in Linguistics and Linguodidactics. Moscow: KDU, Dobrosvet. (In Russ.)
8. Polikarpov, A. M. (2019). Filologicheskoe znanie v tsifrovoy tsivilizatsii = Philological knowledge in digital civilization. In: Gromskij, A. A. (Ed.), Sbornik tezisov po itogam Professorskogo foruma 2019 «Nauka. Obrazovanie. RegionY» (vol. 1, pp. 182–184): collection of papers. Moscow: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossijskoe professorskoe sobranie." (In Russ.)
9. Sheiko, A. M. (2023). Digital humanities and digital philology: origins and future. Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 3(50), 259–273. (In Russ.)
10. Gimaletdinova, G. K., Dovtaeva, E. Kh. (2021). Sentiment analysis of reader comments: automated vs manual text processing. Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki, 163(1), 65–80. (In Russ.)
11. Maksimenko, O. I. (2019). Automatic Distributive-Statistic Analysis As System Text Processing. RUDN journal of language studies, semiotics and semantics, 10(1), 92–100. (In Russ.)
12. Boichuk, E. I. (2021). Automated analysis of the rhythm of advertising text. Verhnevolzhski philological bulletin, 1(24), 137–144. (In Russ.)
13. Fatkulov, B. G. (2015). Applied linguistics at the service of the Russian sinology: automate content downloading from the Chinese encyclopedia BAIDU BAIKE using the OS LINUX opportunities. Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva (vol. 5, pp. 374–378): Proceedings of the 5th International Scientific and practical conference, 2015, May 18–23. Blagoveshchensk – Kheikhe – Kharbin. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каменский Михаил Васильевич

доктор филологических наук, доцент
профессор департамента лингвистики факультета международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kamensky Mikhail Vasilyevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Linguistics
Faculty of International Relationships, North-Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication

Кластерный подход к описанию молодежного сленга в интернет-коммуникации

Ю. В. Картавцева¹, З. Р. Хачмафова²

¹Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

²Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹kartav-yuliya@mail.ru

²zaineta@nextmail.ru

Аннотация. Цель исследования – обосновать эффективность кластерного подхода к классификации и систематизации молодежного сленга в современной интернет-коммуникации. Работа выполнена на материале данных русскоязычных социальных сетей «ВКонтакте» и «Телеграм». Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: текстуальный и дефиниционный анализ, контент анализ и тематическая классификация. Были выделены основные тематические кластеры и субкластеры, объединяющие молодежную сленговую лексику по смыслу, контексту употребления и эмоциональной окраске в единую систему, что позволило установить закономерности формирования и функционирования молодежного сленга в современной русской лингвокультуре.

Ключевые слова: молодежный сленг, интернет-коммуникация, русская лингвокультура, кластер, субкластер, тематическая классификация

Для цитирования: Картавцева Ю. В., Хачмафова З. Р. Кластерный подход к описанию молодежного сленга в Интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 45 – 52.

Original article

Cluster Approach to the Description of Youth Slang in Internet Communication

Yulia V. Kartavtseva¹, Zaineta R. Khachmafova²

¹Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

²Adyghe State University, Maykop, Russia

¹kartav-yuliya@mail.ru

²zaineta@nextmail.ru

Abstract. The aim of the study is to substantiate the effectiveness of the cluster approach in classifying and systematizing youth slang in modern Internet communication. The study is based on data from the Russian-language social networks VKontakte and Telegram. To achieve this goal, the following methods are used: contextual and definitional analysis, content analysis, cluster analysis and thematic classification. The main thematic clusters and subclusters that combine youth slang vocabulary in meaning, context of use and emotional coloring into a single system are identified, which made it possible to identify patterns of formation and functioning of youth slang in modern Russian linguoculture.

Keywords: youth slang, Internet communication, Russian linguistic culture, cluster, subcluster, thematic classification

For citation: Kartavtseva, Yu. V., Khachmafova, Z. R. (2025). Cluster approach to the description of youth slang in Internet communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 45–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональный интерес гуманитариев к изучению молодежного сленга в интернет-коммуникации обусловлен экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Являясь индикатором социокультурных изменений в обществе, молодежный сленг отражает как специфику словообразовательных процессов в языке, так и динамику развития подрастающего поколения.

Кластерный подход к систематизации современной сленговой лексики в интернет-коммуникации представляется особо актуальным. Интеграция лингвистических исследований в сферу социального поведения молодежи логично и естественно влечет за собой употребление термина «кластер». Он отражает социологию молодежного сленга – факт как общественный, так и языковой. Кроме того, «кластер» – удобный и компактный термин для объединения сленговых единиц различной частеречной принадлежности в языковые группы. Таким образом, с помощью кластерного анализа «решается задача классификации баз данных и определение ее структуры» [Зимарева, Песина, 2019, с. 863]. Цель исследования – обосновать эффективность кластерного подхода к описанию и классификации молодежного сленга в современной русскоязычной интернет-коммуникации. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) раскрыть сущность кластерного подхода в рамках тематической классификации молодежной сленговой лексики в интернет-коммуникации и обосновать функциональный потенциал термина «кластер»;
- 2) на основе анализа лексико-семантических и словообразовательных особенностей молодежного сленга выделить кластеры и субкластеры молодежного сленга в современной русскоязычной интернет-коммуникации;
- 3) выявить закономерности формирования и функционирования молодежного сленга в современной русской лингвокультуре.

Актуальность работы обусловлена высоким интересом ученых к феномену языка социальных сетей в целом [Tang, 2024; Курочкина, Кушнерук, 2023; Guseynova et al., 2021], и в «ВКонтакте» в частности [Камалидин, 2024].

Новизна проведенного исследования заключается в выявлении и описании тематических кластеров и субкластеров молодежного сленга современной русскоязычной интернет-коммуникации.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниками материала исследования послужили: социальная сеть «VKontakte», представившая

наибольшее количество примеров молодежного сленга, посты и комментарии, которые помогли отследить наиболее популярные тенденции среди молодежи; форумы и чаты. В их структуре актуальным стало изучение лексики мессенджера «Telegram» как пространства для быстрого обмена новыми словарными единицами молодежного сленга. Кроме того, были использованы словари: «Словарь перемен 2015–2016»¹, «Толковый словарь русского молодежного сленга»², «Словарь молодежного сленга»³, «Милфы, скуфы, краши. Самый полный словарь молодежного русского сленга»⁴.

В работе применяются следующие методы: контекстуальный и дефиниционный анализ, контент анализ, кластерный анализ и тематическая классификация.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение закономерностей формирования и функционирования молодежного сленга требует интегративного подхода в рамках таких направлений современной лингвистической науки, как социолингвистика, лексическая семантика, корпусная лингвистика. В настоящее время в лингвистических исследованиях нет единого терминологического обозначения понятия сленга. Одной из возможных трактовок сленга является следующая: сленг – это «относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 1980, с. 43]. Р. И. Розина рассматривает сленг как нестандартную подсистему лексики русского языка, употребительную в непринужденном общении, а также в публичной речи [Розина, 2002]. Сленг представляет собой «живой, подвижный язык, который идет в ногу со временем и реагирует на любые перемены в жизни страны и общества» [Орлова, 2004, с. 40]; «разговорные слова и выражения профессиональной речи (или социальной) группы, которые приобретают в языке особую экспрессивно-эмоциональную

¹URL: <https://paraknig.me/view/1862880> (дата обращения: 25.04.2025).

²URL: <https://slovar-slenga.tilda.ws/> (дата обращения: 25.04.2025).

³URL: <https://og1.ru/polza/roditelyu/slovar-molodezhnogo-slenга-2023-slovechki-ot-a-do-ya?ysclid=ma53wzs59t626699426> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴URL: <https://mybook.ru/author/alena-stolyarova/milfy-skufy-krashi-samyj-polnyj-slovar-molodezhnog/> (дата обращения: 25.04.2025).

окраску и употребляются в строго определенных ситуациях и сферах общения»¹. Молодежный сленг в статье рассматривается не только как разговорный язык, который не вписывается в систему общепринятых стандартов, но и как сложный лингвистический феномен. Он формирует каркас речи молодых людей в зависимости от их ценностной ориентации. (К категории молодежи мы относим молодых людей в возрасте от 14 лет до 38 лет.)

В классификации и систематизации молодежного сленга в интернет-коммуникации кластерный подход нам представляется наиболее эффективным. Кластер – это своего рода сегмент информационного пространства, выделенный вследствие установления взаимных семантических, функциональных связей некоторых слов, относящихся к какому-либо элементу картины мира [Хроленко, 2009]. Кластер понимается как «объединенные в систему однородные единицы» [Комалова, 2016, с. 182], т. е. кластерный анализ подразумевает под собой объединение нескольких языковых элементов на основании общих признаков в единый компонент информационного пространства. Лингвисты все чаще используют кластеры, называя их высокочастотными линейными либо лексическими соединениями языковых единиц [Власюк, 2018]. Объединение объектов некоторой выборки данных в кластеры на основании схожих показателей – действие процесса кластеризации. Он направлен как максимальную дифференциацию объектов, относящихся к различным кластерам, так и на поиск идентичных свойств объектов, входящих в один кластер. Возможность таким образом декомпозировать полученные данные упрощает их дальнейшую обработку. Восприятие каждого кластера по отдельности является преимущественно компактным, тогда как попытка мысленно охватить диффузное множество кластеров носит, главным образом, диффузный характер. И напротив, вычленение локальных кластеров из крупного целого способствует системности их описания [Булыга, Курейчик, 2021]. По мнению Л. Ю. Буяновой, термин «кластер» употребителен в том случае, если речь идет о категориально-классификационной структуре, объединяющей множество подкластеров, которые моделируют его когнитивно-семантическую базу. Кластер – способ представления сложных комплексов различных структур знания. Основным семантическим признаком данного термина является сема «объединение» [Буянова, 2023]. Кластерный анализ позволяет осуществлять дифференциацию объектов, опираясь не на один конкретный признак, а на

совокупность сходных признаков. Отмечается, что «жестких границ между кластерами не существует, взаимодействие между ними носит динамический характер» [Хорошева, Мадей, 2023, с. 81].

Итак, во-первых, кластерный анализ представляет собой метод многогранной статистики, которая позволяет разделить объем данных на группы (кластеры). Они образуются по сходству объектов, которое и становится объединяющим признаком для различных кластеров. Во-вторых, кластерный анализ позволяет классифицировать молодежный сленг в интернет-коммуникации по тематическому признаку. Он, в свою очередь, неотделим от логических, парадигматических и словообразовательных признаков для вычленения лексических единиц из потока речи. В совокупности эти единицы образуют «пучок» слов. Ему соответствует относительно единая картина мира. Проведенный анализ позволил нам выделить следующие тематические кластеры молодежного сленга: «Самопрезентация и идентичность», «Эмоционально-оценочные реакции», «Образ жизни» и субкластеры, на которые они распадаются.

В тематический кластер «Самопрезентация и идентичность» входят субкластеры «Знакомство», «Возраст», «Гендерная идентичность».

Субкластер «Знакомство»: *чекнуть, зачеки- ниться* (узнать, познакомиться), *свайпить* (знакомиться в мессенджерах), *пофлексить* (произвести впечатление на кого-либо, показать себя), *шеймить* (привлекать внимание) и др., например:

Я чекнул его аккаунт, там ноль подписчиков и подписка только на меня² (чекнуть – узнать, познакомиться). Надо было подойти, сесть и пофлексить с ней под этот же трек³ (пофлексить – произвести впечатление на кого-либо, показать себя).

Субкластер «Возраст»:

- *бумер* (люди от 40 лет); *миллениал* (поколение Y, родившиеся между 1981 и 1996 годами): *Миллениалы* стали первым поколением, выросшим в социальных сетях... но они уже успели застрять в прошлом и превратиться в объект насмешек со стороны наступающих им на пятки тиктокеров⁴;

- *зумер* (представитель «нового» поколения, родившийся после 1996 года):

Новый тренд у *зумеров* – домовцы. Школьники и студенты в крейзи-образах собирают стаи,

¹Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 12.

²URL: https://t.me/deviluke_txt/1063 (дата обращения: 06.05.2025).

³URL: https://vk.com/wall-202286573_56433?ysclid=ma6iong5tn627894904 (дата обращения: 06.05.2025).

⁴ URL: https://vk.com/wall-32943546_439124?ysclid=ma6i71h8m8880460197 (дата обращения: 06.05.2025).

делят территории и устраивают стихийные рынки, где меняются вещами¹;

- *милфа* (зрелая женщина от 30–35 лет, привлекательная для более молодого поколения),
- *олды* (взрослое поколение с устаревшими взглядами, также родители):

8 тысяч человек уже стали настоящими олдами, а вы чего ждете?²

Субкластер «Гендерная идентичность» представлен сленговой лексикой, маркирующей гендерную принадлежность с помощью различных признаков: *дилфхантеры* или *дилфхантерши* (девушки, которым нравятся зрелые, состоятельные мужчины), *гилфхантеры* или *милфхантеры* (молодые мужчины, предпочитающие зрелых состоявшихся женщин), *E-girl* (девушки, интересующиеся азиатской культурой и практикующие стиль аниме), *масик* (нежный и заботливый парень), *тюбик* (неуверенный в себе парень или же самоутверждающийся за счет слабых) и др., например:

Новый старый тренд на любовь к *милфам* снова стал популярным в России ... Главный *милф*- и *гилфхантер* Прохор Шаляпин заявил Mash, что это прекрасная тенденция, так как женщины в 50–60 лет выглядят гораздо лучше, чем в 20³.

В данном примере употребляются сочетание сленгизмов *милфа*, *милф*- и *гилфхантер*. Они маркируют как возрастные, так и гендерные особенности человека.

Эти особы, *пикми-герл*, как их называют, – это просто ходячий цирк! Они готовы на всё, лишь бы в глазах парней выглядеть лучше, чем остальные женщины⁴.

Сленгизм *пикми-герл* вошел в молодежный сленг как транслитерация английского *pick-me girl* (досл. 'девушка «выбери меня»). Так называют девушек, одержимых вниманием противоположного пола за счет принижения «типично женского» в других девушках. Они отрицают свою похожесть на других девушек, готовы быть «своими» в мужском обществе.

В молодежном сленге *скуфом* называют неопрятного, полного, ведущего малоподвижный образ жизни, выглядящего старше своих лет мужчину:

Ну я веду себя как *скуф*, типо не опрятный, лысина от отца досталась, сам люблю чипсы за компом пожрать, короче ты понял⁵.

Сленгизм *тарелочница* имеет негативную коннотацию, поскольку *тарелочницами* называют женщин, которые идут на свидание ради ужина, т. е. питающихся исключительно за счет мужчин:

Очередная *тарелочница* хвастает тем, что у нее нет отбоя от статусных аленей... Но, ска, вести в ресторан бабищу, которую ты видишь первый, и возможно, последний раз в жизни?⁶

В тематический кластер «Эмоционально-оценочные реакции» входят субкластеры: «Эмоции и чувства», «Положительная оценка», «Отрицательная оценка», «Агрессивно-конфликтные реакции», «Конфликт».

Субкластер «Эмоции и чувства» включает сленгизмы, с помощью которых в молодежной среде выражаются различные эмоции, настроения, состояния: *муд* в значении «настроение, состояние», *скам* – разочарование, *эщкере* – радость, восторг, *лютый* – мощный, *агриться* – злиться, *криповый*, *криповать* – жуткий, вызывающий страх, бояться, *плюс вайб* – хорошее настроение или атмосфера, *имба* – синоним наречия «круто», *кринж* – чувство стыда и неловкости за действия другого человека, например:

Наша мишень не *кринж*, а то «стыдящее – Я», которое делает чувство *кринжа* невыносимым⁷.

Субкластер «Положительная оценка» включает сленговую лексику, с помощью которой молодежь выражает положительную оценку человеку, его действиям, каким-то событиям: *фитоняшка* (положительная оценка человека, занимающегося фитнесом и следящего за физической формой):

Мечтаете о свидании с *фитоняшкой* – придется соответствовать⁸.

Положительная характеристика чего-либо выражается с помощью *гринфлаг*:

¹URL: <https://t.me/breakingmash/63700> (дата обращения: 06.05.2025).

²URL: <https://t.me/artforintrovert/7108> (дата обращения: 06.05.2025).

³URL: https://vk.com/wall-112510789_12047012?ysclid=ma7yjbuxv5381171721 (дата обращения: 07.05.2025).

⁴URL: https://vk.com/wall-226372432_42172?ysclid=ma80hl86en81637205 (дата обращения: 06.05.2025).

⁵URL: https://vk.com/wall-28905875_33748235?ysclid=ma6mu241h6356716365 (дата обращения: 06.05.2025).

⁶URL: <https://t.me/mensfirst/12295> (дата обращения: 06.05.2025).

⁷URL: <https://t.me/atribucia404/561> (дата обращения: 06.05.2025).

⁸URL: https://vk.com/wall-17406378_1038346?ysclid=mac8dac28w125600938 (дата обращения: 06.05.2025).

Грин флаг – когда с человеком комфортно поговорить или даже просто случайно пересечься¹.

Симпатию, влюбленность выражают с помощью сленгизма *краш*:

Это, кстати, токсичный админ считает, что Василий больше не *краш*. А нетоксичный уверен, что очень даже *краш*! Ну да, больше не рокер с волосами распущенными и татуировки прикрыл, но ведь все равно хорош!²

Самодостаточного, уверенного в себе человека, который не зависит от общественного мнения, называют *сигма*:

Может ли *сигма-бой* быть в отношениях? ... Да, но он выберет партнера, который уважает его свободу.³

Субкластер «Отрицательная оценка» реализуется сленгизмами с отрицательной коннотацией: *чезабретто* (для выражения отрицательного отношения или негодования), *ш-общительная* (для выражения крайне оскорбительной характеристики слишком активной в половой жизни девушки), *босс КФС* (оскорбительная характеристика людей с лишним весом). Сленгизм *редфлаг* используется для выражения качества или свойства, вызывающего неприятие и отторжение:

...А *ред флаг* это, например, манипуляции, игра на неловкости и эмоциях, и если чел обидит моих лп, то сразу в бан летит короче из моей жизни⁴.

Нудного и скучного человека называют *душила*:

Я счастлива, и я люблю его, но не понимаю, что делаю не так. Он второй раз назвал меня *душилой*⁵.

Токсик – токсичный, нередко оскорбляющий других человек, чье поведение вызывает конфликт:

Самое лучшее – не общаться с токсичным человеком! – так советуют некоторые психологи. ... Все *токсики* – энергетические вампиры⁶.

¹URL: https://vk.com/wall-123357457_324508?ysclid=ma8228uyw1257176291 (дата обращения: 06.05.2025).

²Telegram. URL: <https://t.me/etvvezdets/10850> (дата обращения: 06.05.2025).

³VKontkte.ru. URL: https://vk.com/wall-226372432_60863?ysclid=ma82eacxrt578463905 (дата обращения: 06.05.2025).

⁴VKontkte.ru. URL: https://vk.com/wall-123357457_324508?ysclid=ma8228uyw1257176291 (дата обращения: 06.05.2025).

⁵VKontkte.ru. URL: https://vk.com/wall1529131_5023?ysclid=maca32okah932735802 (дата обращения: 06.05.2025).

⁶URL: https://vk.com/wall-155457713_58157?ysclid=maca0og4sp155908398 (дата обращения: 06.05.2025).

Субкластер «Агрессивно-конфликтные реакции» реализуется сленговой лексикой, выражающей агрессивное состояние и поведение:

- *агриться* (проявлять злобу, раздражаться);
- *паблик-килл* (публичная критика или унижение, используемая в качестве провокации конфликта);
- *пушечка* (подстрекательство к конфликту);
- *хейт* (проявление агрессии либо ненависти);
- *троллер* (человек, совершающий провокационные действия с целью разжигания конфликта):

Вучич знатный ещё тот *троллер*... Мне понравился, как он обошел острые углы и заявил, что большинство граждан поддерживают Россию⁷.

- *бомбить* (испытывать сильную злобу в отношении объекта):

Как же у них бомбит от всего происходящего. Карлсон конечно не представляет США, но он действительно очень популярен в Штатах и за их пределами⁸.

Субкластер «Оскорбление» реализуется сленговой лексикой, содержащей оскорбления и негативные характеристики:

- *скуф* (субкластеры «возраст», «гендер», «отрицательная оценка») – используется в качестве оскорбительного термина с яркой негативной окраской:

Короче *скуфчика* на админе очень задело что он *скуфф* и решил пояснить таким же *скуфированным* почему их так называют!⁹

- *задрот* – человек, чрезмерно увлеченный чем-л., сленгизм используется в качестве оскорбления кого-либо:

...да лааааадно, ребят, у меня парень таааааакой *задрот*, до невозможности раздражает, не отрицаю¹⁰.

- *тарелочница* (субкластер «гендерная идентичность», «отрицательная оценка») – в интернет-коммуникации данный сленгизм приобрел значение оскорбления практически любой девушки:

⁷URL: https://vk.com/wall-46943161_1257783?ysclid=mac8zwmvvh269556256 (дата обращения: 08.05.2025).

⁸URL: https://vk.com/wall-210930147_41527?ysclid=mac9vqpq46464266099 (дата обращения: 08.05.2025).

⁹URL: https://vk.com/wall-113828034_1032626 (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁰URL: https://vk.com/wall-173724374_583146 (дата обращения: 08.05.2025).

Тарелочницы, они, как рыбаки, главное азарт, тут как в рыбалке улов не всегда окупает затраты (время как минимум), зато с подругами обсудить и фото блюд из рестика на страницу соц сети)¹.

- *нищеброд* (собирателем милостыни как средства существования, однако в молодежной сленговой лексике это оскорбительное понятие также включающее в себя маргинальное отношение к жизни):

А чего вы хотели от людей, которые ездят общественным транспортом? Большинство из них *нищеброды* и работают за копейки. Мозг во многих случаях уже умер, хватает ума только ложку держать да выполнять простейшие задачи².

- *хейтить* (оскорблять кого-либо публично):

Аню Ищук *захейтили* в последнем видео за ее внешний вид. Фанаты считают, что блогерка выглядит постаревшей для ее 24-летнего возраста³.

- *тупить* (плохо соображать, не понимать простейших вещей):

Если девушка *тупит* и мои объяснения сразу не доходят, то так и говорю, ты... , бесишь, *тупишь* и т. д.⁴

В тематический кластер «Образ жизни» входят субкластеры «Академическая сфера», «Профессиональная среда», «Досуг и отдых». В субкластер «Академическая сфера» входит сленговая лексика, отражающая действия и поведение, связанные с учебой в школе или университете, образованием, например, *бота* – это ученик или студент, уделяющий всё внимание учебе.

- *забить на пару* (пропустить занятие):

...решил *забить на* дистанционную *пару* в выходной день, а препод поставил зачеты присутствующим «за тягу к знаниям»⁵.

- *ливнуть с урока / пары* (уйти с занятий):

девочки провели свой первый лайв на виверс и мне пришлось *ливнуть с пары*; расставляйте приоритеты правильно⁶.

Субкластер «Профессиональная среда» объединяет сленгизмы, связанные с работой, профессиональной сферой, саморазвитием, карьерой и т. д. Например, *сабж* обозначает «суть» или «предмет» разговора, *факап* – неудача, ошибка, *коворкинг* – рабочее пространство, *коуч* – «тренер», «наставник».

- *хантить* (переманивать сильных специалистов):

Сильные сотрудники привлекательны не только для своих, но и для чужих работодателей.... Как *хантить* правильно: пошаговый алгоритм⁷.

- *челлендж* (сложное задание):

Групповой *челлендж* с коллегами, кто решил устроить зарубу по поставленным задачам с синком по результатам через неделю и обещаниями друг другу выполнить весь поставленный перед собой пул задач⁸.

Субкластер «Досуг и отдых» включает в себя сленгизмы, выражающие увлечения и особенности времяпровождения молодежи, например:

- *чилл* (отдых, расслабленное времяпрепровождение):

Этот алкаш уже не знает, чем привлечь к себе внимание, двух слов связать не может, зато на *чиле* всегда⁹.

- *трэпить* (проводить время на вечеринках):

...я понимаю, что они никогда не выберутся оттуда, они были рождены *трэпить* и жестко *вайбить*...¹⁰

Анализ семантики молодежной сленговой лексики позволил установить, что некоторые сленговые единицы могут одновременно входить в разные субкластеры и кластеры, например, сленгизм *милфа*, имеет отношение к субкластерам «Возраст»

⁶URL: https://vk.com/wall-198383346_4769?ysclid=mac7qo2d9u798118591 (дата обращения: 08.05.2025).

⁷URL: <https://vk.com/@humanrelations-kak-pravilno-hantit-sotrudnikov?ysclid=mac84ssuz966554730> (дата обращения: 08.05.2025).

⁸URL: <https://t.me/aleksmodaily/224/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁹URL: https://vk.com/wall-14897324_4653323?ysclid=mac7297y72592967866 (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁰URL: https://vk.com/wall426315674_3578?ysclid=mac7azgpb1477322424 (дата обращения: 08.05.2025).

¹URL: https://vk.com/wall-72107087_1229956 (дата обращения: 08.05.2025).

²URL: https://vk.com/wall-56106344_10092735 (дата обращения: 08.05.2025).

³URL: <https://t.me/fricadeli/4562> (дата обращения: 08.05.2025).

⁴URL: https://vk.com/wall-63429065_1305088 (дата обращения: 08.05.2025).

⁵URL: https://vk.com/wall-129368275_391567?ysclid=mac7jo678u762229171 (дата обращения: 08.05.2025).

и «Гендерная идентичность», входящих в кластер «Самопрезентация и идентичность»; сленгизм *E-girl* – субкластеры «Гендерная идентичность», «Мировоззрение»: кластер «Самопрезентация и идентичность»; сленгизм *тарелочница* – субкластеры «Гендер» (кластер «Самопрезентация и идентичность») и «Отрицательная оценка» (кластер «Эмоционально-оценочные реакции») и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кластерный анализ молодежной сленговой лексики в интернет-коммуникации позволил не только классифицировать и сгруппировать их по тематике и функциям, но и выделить основные ценностные доминанты в дискурсе молодежи – *свобода выбора и самовыражения, независимость, комфорт образа жизни, материальное благополучие, индивидуализм, стремление к успеху и статусу, максимализм, эгоистичность и эгоцентричность, скептицизм, культ силы*. Преимущество кластерного подхода в тематической классификации молодежного сленга интернет-коммуникации заключается в выявлении закономерностей

образования и функционирования молодежного сленга, так как многие сленговые единицы могут иметь схожее происхождение, семантику, контекст употребления и эмоциональную окраску. Этот метод позволяет не только выделить группы схожих лексем по тематическому признаку, основываясь на определенных свойствах словарных единиц, но также демаркировать заимствованную лексику и лексику русского языка. Анализ показал, что основными способами формирования молодежного сленга в интернет-коммуникации в русском языке являются заимствование англицизмов с адаптацией, компрессивное словообразование, языковая игра.

Понимание закономерностей возникновения и распространения сленговой лексики способствует прогнозированию дальнейшего развития языка, поскольку некоторые понятия молодежного сленга интернет-коммуникации могут со временем проникать в обиходный дискурс и впоследствии становиться частью литературного языка. Остальные сленговые лексические единицы, ограниченные употреблением только внутри определенной группы, со временем уйдут из речи полностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зимарева, О. Л., Песина С. А. Кластерный анализ семантической структуры полисемантов в свете инвариантной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 860–870.
2. Tang L. Linguistic politeness in social networks // Synthese. 2024. Vol. 203. №. 6. P. 204. DOI 10.1007/s11229-024-04642-8.
3. Курочкина М. А., Кушнерук С. Л. Лингвокогнитивные маркеры потери идентичности личности в эпоху социальных сетей // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1 (54). С. 360–365.
4. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I., Kudina E. S. Translation genius and social networks // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2021. Vol. 20. № 3. P. 55–64. DOI 10.15688/jvolsu.2021.3.5.
5. Камалидин К. Э. Язык и стиль общения в социальных сетях «Вконтакте» и «Wechat» // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 384–386. DOI 10.24412/1991-5497-2024-2105-384-386.
6. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980.
7. Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 3–15.
8. Орлова Н. О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 36–39.
9. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. 5-е изд. М.: ФЛИНТА, 2009.
10. Комалова Л. Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия»: на материале разносистемных данных корпусной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.
11. Власюк О. И. Кластеры служебных слов во фразе: типичные морфолого-семантические модели соединений и их просодическая структура // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 1–2 марта 2018 года / отв. ред. О. Г. Прохоренко. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 8–11.
12. Булыга Ф. С., Курейчик В. М. Алгоритмы агломеративной кластеризации применительно к задачам анализа лингвистической экспертной информации // Известия ЮФУ. Технические науки. 2021. № 6 (223). С. 73–88.
13. Буянова Л. Ю. Кластер как категориально-классификационная структура систематизации терминов: репрезентативно-интегративный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 147–152.
14. Хорошева Н. В., Мадей Е. Д. Актуализация эмотивных смыслов в переводах пьес А. П. Чехова: кластерный подход // Язык и культура. 2023. № 63. С. 77–99.

REFERENCES

1. Zimareva, O. L., Pesina, S. A. (2019). Cluster Analysis of Polysemous Word Semantic Structure in the Light of Invariant Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 860–870. (In Russ.)
2. Tang, L. (2024). Linguistic politeness in social networks. *Synthese*, 203(6), 204. DOI 10.1007/s11229-024-04642-8.
3. Kurochkina, M. A., Kushneruk, S. L. (2023). Linguocognitive markers of the loss of personal identity in the era of social networks. *Cognitive studies of language*, 3–1(54), 360–365 (In Russ.)
4. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I., Kudinova, E. S. (2021). Translationgenius and social networks. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(3), 55–64. DOI 10.15688/jvolsu2.2021.3.5.
5. Kamalidin, K. E. (2024). Language and communication style in social networks vkontakte and wechat. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2(105), 384–386. DOI 10.24412/1991-5497-2024-2105-384-386. (In Russ.)
6. Khomyakov, V. A. (1980). Nestandartnaya leksika v strukture anglijskogo yazyka nacional'nogo perioda = Non-standard vocabulary in the structure of the English language of the national period: abstract of senior doctoral thesis in philology. (In Russ.)
7. Rozina, R. I. (2002). Kategorial'nyj sdvig aktantov v semanticheskoy derivacii = Categorical shift of actants in semantic derivation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 3–15. (In Russ.)
8. Orlova, N. O. (2004). Sleng vs zhargon: problema definicii = Slang vs jargon: the problem of definition. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3(40), 36–39. (In Russ.)
9. Khrolenko, A. T. (2009). *Osnovy lingvokul'turologii* = Fundamentals of linguoculturology. 5th ed. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
10. Komalova, L. R. (2016). Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizacii ehmocional'nogo sostoyaniya "agressiYA": na materiale raznosistemnykh dannyx korpusnoj lingvistiki = Typology of multilingual verbalization of aggression on the basis of heterogeneous system data of corpus linguistics: senior doctoral thesis in philology. Moscow. (In Russ.)
11. Vlasyuk, O. I. (2018). Klasterly sluzhebnykh slov vo fraze: tipichnye morfologo-semanticheskie modeli soedinenij i ikh prosodicheskaya struktura = Clusters of service words in a phrase: typical morphological and semantic models of compounds and their prosodic structure // *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya* (pp. 8–11): current issues and development prospects: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 1–2, 2018. Minsk: Belarusian State University. (In Russ.)
12. Bulyga, F. S., Kureichik, V. M. (2021). Algoritmy aglomerativnoj klasterizacii primenitel'no k zadacham analiza lingvisticheskoy ehkspertnoj informacii = Algorithms of agglomerative clustering applied to the tasks of analyzing linguistic expert information. *Izvestiya SFU. Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki*, 6(223), 73–88. (In Russ.)
13. Buyanova, L. Y. (2023). Cluster as a categorical classification structure of terms systematization: prezentative-integration aspect. *Cognitive studies of language*, 1(52), 147–152. (In Russ.)
14. Khorosheva, N. V., Madey, E. D. (2023). Actualization of emotive meanings in translations of A. P. Chekhov's plays: a cluster approach. *Language and culture*, 63, 77–99. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Картавецца Юлия Вячеславовна

старший преподаватель кафедры русского языка

Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета

Хачмафова Зайнета Руслановна

доктор филологических наук, профессор

заведующий кафедрой французской и немецкой филологии Адыгейского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kartavtseva Julia Vyacheslavovna

Senior Lecturer, Russian Language Department

at the Institute of Fundamental Sciences, Kuban State Technological University

Khachmafova Zaineta Ruslanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Head of the Department of French and German Philology, Adyghe State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.07.2025
21.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Дельта Бёрроуза как инструмент решения проблемы несходства гимнографических коллекций (на материале немецкоязычных католических песнопений)

М. В. Корышев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
m.koryshev@spbu.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении и интерпретации черт различия между отдельными коллекциями текстов, которые представляют одинаковые историко-культурные эпохи в рамках двух изданий молитвенника "Gotteslob". В католической Церкви немецкоязычных стран он является хранителем гимнографической традиции на протяжении последних 50 лет. Общий объем материала составил 358 текстов и около 41,5 тыс. словоупотреблений. В работе последовательно применяется такая методика стилиметрического анализа, как дельта Бёрроуза. На основании полученных данных делается вывод о нелинейности развития немецкоязычной католической гимнографии и о ретроспективном «изобретении традиции» этого жанра, что во многом и объясняет черты расхождения между проанализированными текстовыми коллекциями.

Ключевые слова: немецкоязычная католическая гимнография, стилиметрия, история жанра, дельта Берроуза, «изобретение традиции»

Для цитирования: Корышев М. В. Дельта Бёрроуза как инструмент решения проблемы несходства гимнографических коллекций (на материале немецкоязычных католических песнопений) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 53–61.

Original article

Burrows's Delta Measure as a Tool Resolving the Hymnographic Discrepancy Issue Between Collections (based on German Catholic hymnals)

Mikhail V. Koryshev

St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
m.koryshev@spbu.ru

Abstract. The paper aim is to identify and explain the differences between text collections of identical historical and cultural timespans that are contained in both editions of the Gotteslob – a prominent German-language Catholic prayer and hymnbook representing the vibrant hymnographic tradition of the last 50 years. The total data set includes 358 texts and 41,500 word tokens. Our stylometric analysis consistently relies on the Burrows's Delta measure. The obtained findings demonstrate that German Catholic hymnography follows a nonlinear development pattern, characterized by the retrospectively 'reinvented tradition' of the hymnal genre; the latter largely explains the discrepancies between the studied text collections.

Keywords: German Catholic hymnography, stylometry, history of genre, Burrows's Delta, 'reinvented tradition'

For citation: Koryshev, M. V. (2025). Burrows's Delta measure as a tool resolving the hymnographic discrepancy issue between collections (based on German Catholic hymnals). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 53–61. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В стилиметрии традиционно видят филологическую дисциплину, основная задача которой заключается в установлении авторства текстов. На практике ее реализация, как правило, сводится к определению автора конкретного произведения, однако современная стилиметрия ушла далеко вперед от исходных историко-филологических основ [Kovalev, 2024; Литвинова, 2022]. Несмотря на то что стилиметрия берет свое начало в гуманистической филологии эпохи Возрождения, на современном этапе в отличие от подходов, к которым обращались ренессансные гуманисты, она опирается на методы количественного анализа, базирующиеся во многом на достижениях современной статистики [Христианская гимнография : история и современность, 2019].

Тем не менее задача установления авторства является лишь частным случаем более широкой исследовательской проблемы – анализа текстовых корреляций и структурных пересечений, и именно такой подход позволяет рассматривать степень близости между определенными текстами. Таким образом, стилиметрический инструментарий может быть эффективно адаптирован для изучения генезиса и трансформации литературных жанров. В этом контексте ключевым условием анализа становится кластеризация текстов в соответствии с историко-культурными периодами, релевантными в рамках литературно-исторического процесса.

Методика дельты Бёрроуза, применяемая в настоящем исследовании, представляет собой один из наиболее известных и эмпирически подтвержденных инструментов стилиметрического анализа (см., например, [Burrows, 2002; Hoover, 2004; Argamon, 2008] и др.).

Предложенная Дж. Бёрроузом методика базируется на вычислении отклонений частот наиболее употребимых слов в текстах, принадлежащих разным авторам [Burrows, 2002]. На этой основе строится метрика «дельта», отражающая степень стилиевой близости между текстами. Эмпирическая проверка и развитие метода были продолжены в работах, где дельта рассматривалась как надежный инструмент для авторской атрибуции, особенно в случае крупных текстовых корпусов [Hoover, 2004; Argamon, 2008; Eder, 2015].

Потенциал дельты Бёрроуза для определения степени близости между текстами позволяет полагать, что эта методика может быть использована для реконструкции текстовых традиций, жанровых трансформаций и межтекстовых влияний.

Формальные методы анализа гимнографического материала становятся все более востребованными

в рамках цифровой гуманитаристики и музыковедения. В центре внимания современных исследователей – структура текста, метрические схемы, лексический состав, а также взаимосвязь поэтики и богословского содержания. Одним из распространенных инструментов исследования является частотный анализ, позволяющий выявить ключевые тематические поля и богословские акценты. Они варьируются в зависимости от эпохи и авторской традиции. Однако наиболее изученной является латинская гимнография, в особенности тексты, связанные с историей римских часослова и миссала, в которой важную роль играют формулы повторения, эвфонические элементы и символика.

В ряде работ применяются стилиметрические методики для количественного сравнения языковых характеристик гимнов, принадлежащих разным авторам (например, Амвросию, Венанцию Фортунату, Фоме Аквинскому), что способствует более точной атрибуции и изучению литературного влияния. Алгоритмы машинного обучения позволяют группировать гимны по разным основаниям, в том числе по метрической структуре, тематике или богословскому содержанию [Jockers, Witten, 2010]. Анализ n-грамм позволяет выявить интертекстуальные связи между гимнами и литургическими текстами. Такие подходы способствуют не только уточнению историко-филологических характеристик гимнов, но и реконструкции богослужебной практики и музыкального сопровождения текстов в разные эпохи [Hiley, 1993; Unguendoli, Cristadoro, Beghelli, 2018].

Применительно к целям исследования живой жанровой истории видится необходимым четко ограничить материал исследования. Поэтому в качестве объектов анализа были избраны два издания сборника песнопений «Gotteslob» (в дальнейшем – GL; GL 1975¹ – первое издание, GL 2013² – второе издание), из которых предметом анализа стал гимнографический материал только так называемой «общей части». Она представляет собой традицию, общую для всего немецкоязычного католического пространства (за исключением католической Швейцарии). Собранный гимнографический материал группируется по трем макроколлекциям в зависимости от места входящих в них песнопений в истории жанра [Khokhlova, Koryshev, 2024]: во-первых, это тексты первого издания GL, не вошедшие в GL 2013 (96 текстов); во-вторых, это тексты GL 1975, выдержавшие испытание временем и включенные во второе издание (147 текстов); в-третьих, это тексты, специально отобранные

¹Gotteslob: Katholisches Gebet- und Gesangbuch. Ausgabe für das Bistum Trier. Trier: Paulinus Verlag, 1975.

²Gotteslob: Katholisches Gebet- und Gesangbuch. Ausgabe für das Bistum Trier. Stuttgart: Katholische Bibelanstalt; Trier: Paulinus-Verlag, 2014.

редакционной коллегией GL 2013 или из гимнографического наследия минувших эпох, или из произведений современных авторов (115 текстов). Таким образом, в корпус включено 358 текстов, которые распределяются по изданиям GL следующим образом: общая часть GL 1975 включает в себя 243 текста, а общая часть GL 2013 – 262 текста. Общий объем материала составляет около 41,5 тыс. словоупотреблений.

В ходе исследования были решены задачи по получению количественных данных о расхождении отдельных коллекций при помощи программного пакета stylo в среде R с построением последующей визуализации [Eder, Rybicki, Kestemont, 2016], которые в дальнейшем были интерпретированы с учетом историко-культурного и историко-литературного контекста бытования литургических текстов.

Исходя из сказанного выше, представляется оправданным в соответствии с целями настоящей работы рассматривать дельту Бёрроуза как методологическую основу исследования. Дельта Бёрроуза актуализируется в рамках количественного метода.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анализ коллекций средневековых текстов показывает, что они значительно отличаются друг от друга для первых 100 частотных словоформ (см. рис. 1), при этом при возрастании количества анализируемых словоформ (см. рис. 2 и рис. 3 для 200 и 300 словоформ, соответственно) различие между коллекциями уменьшается. Объяснить нарастание сходства между этими текстами можно тем, что на глубинном уровне означенные коллекции сближаются в силу своего происхождения (литературный контекст позднего Средневековья), тогда как расхождение обусловлено литературно-эстетическими задачами, которые ставили перед собой редакторы на гораздо более поздних этапах формирования жанровой традиции. Внешнее расхождение объясняется тем, что для второго издания GL были отобраны песнопения, которые непротиворечиво встраивались в разработанную редакцией концепцию поступательного развития гимнографии. В рамках этой концепции сравнительно небольшое количество взятых из первого издания средневековых песнопений благополучно перекликалось с взятыми из первого же издания текстами эпохи историзма. В результате эти две важные точки внутри жанра задавали полюса той самой категории напряжения, о которой применительно к лингвистической материи писал В. Г. Адмони [Адмони, 1964, с. 28]. Исходя из сказанного, становится понятным, что средневековые тексты, внутренне схожие с текстами следующего периода (эпоха Реформации),

нарушали возникшее, было, равновесие, размывая художественное своеобразие создаваемой для GL 2013 подборки текстов XVI века.

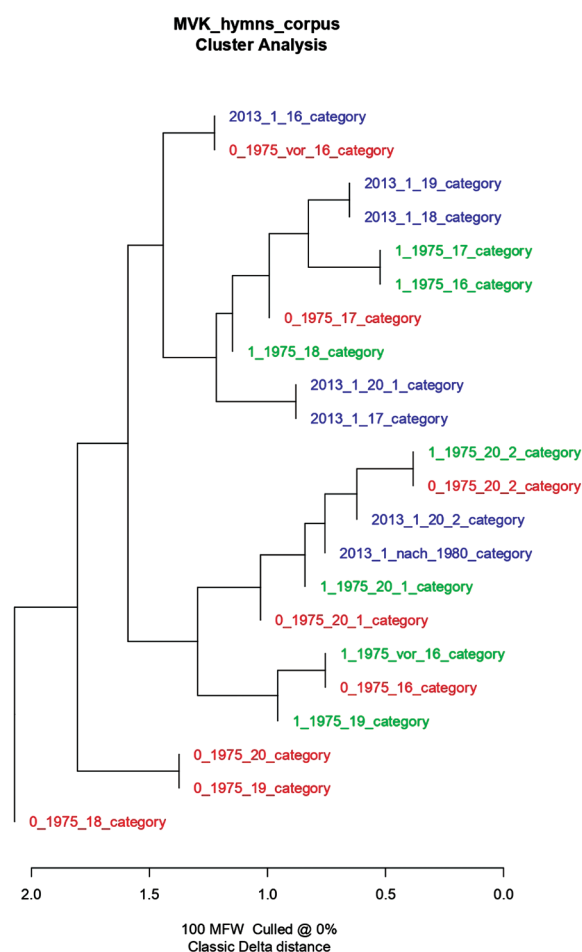

Рис. 1. Иерархическая кластеризация текстов (100 MFW)

Коллекции текстов периода Реформации обнаруживают отчасти ту же закономерность, что и средневековый материал: с увеличением количества рассматриваемых частотных словоформ отмечается уменьшение показателя дельты Бёрроуза, что закономерно, поскольку означенный показатель выявляет глубинное сходство разнесенных по разным коллекциям текстов эпохи Реформации, обусловленное единством историко-литературного периода, к которому они принадлежат. Что же касается расхождения коллекций, то обращает на себя внимание значительное несходство коллекций, вошедших в GL 2013 (т. е. текстов, как специально отобранных из прежде не включавшихся в GL 1975, так и песнопений, унаследованных вторым изданием от первого). Гимны GL 1975, не выдержавшие испытания временем, занимают промежуточное положение. Они испытывают большее тяготение к песнопениям GL 1975 периода Реформации, которые стали частью второго издания. Учитывая

выводы, сделанные выше при анализе черт сходжений коллекций, логично и естественно предположить, что коллекции текстов Реформации в GL 2013 образуют те самые полюса напряженности, внутри которых существуют тексты барочного периода. Они будут рассмотрены ниже. Эти тексты представляют собой тот самый узловый центр, который формирует традицию. Как мы видим, она развивается не последовательно-перспективно, а складывается по иным законам, согласно которым воля редакционной коллегии занимает далеко не последнее место.

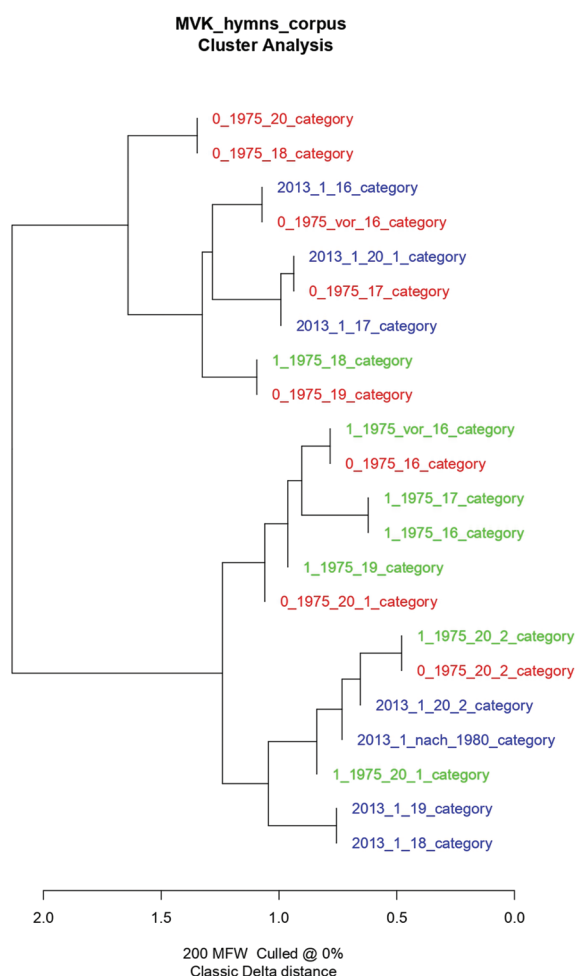

Рис. 2. Иерархическая кластеризация текстов (200 MFW)

При анализе барочных текстовых коллекций можно обнаружить прежнюю тенденцию: расстояния между текстами уменьшается по мере увеличения количества частотных словоформ. Сходная тенденция наблюдается и на протяжении двух предшествующих периодов. Это обстоятельство, как и прежде, свидетельствует о внутреннем единстве жанровой традиции, которое не зависит от затрагивающих лишь поверхностный уровень решений.

Они принимаются редакционными комиссиями на отдельных этапах формирования традиции жанра. Сравнительно небольшое расстояние между двумя коллекциями барочных текстов, вошедших в GL 1975, обусловлено единством подходов редакционной комиссии к их отбору. На это единство, однако, накладывается тяготение барочных текстов GL 1975, не вошедших во второе издание, к текстам эпохи Просвещения, включенным из GL 1975 в GL 2013. Тенденция к сближению барочных текстов с текстами эпохи Просвещения прослеживается на дендрограмме. Поскольку тексты Просвещения количественно представлены более чем скромно, делать какие-то выводы можно лишь с большой осторожностью. Однако имеются основания думать, что не принятые в GL 2013 барочные тексты из первого издания были отвергнуты именно в силу близости своего эстетико-стилистического заряда текстам последующей эпохи. В силу своего рационализма она виделась антагонистической по отношению ко вкусам барочного времени. Довольно близкий показатель сходства коллекций, представленных вошедшими в GL 2013 текстами (тексты первого издания, вошедшие во второе, с одной стороны, и новые барочные тексты, отобранные редакторами для второго издания, с другой; различие показателей близости между этими коллекциями и описанной выше парой составляет 0,07 единиц) ведет к предположению об успешности редакционной работы над этим изданием: тексты одного и того же историко-литературного периода оказываются близки друг другу. Следовательно, тексты такого узлового для гимнографии периода, как барокко, были настолько удачно подобраны, что от барочных текстов складывается впечатление органичного единства, дающего излучения в вышеописанное поле напряженности между коллекциями текстов эпохи Реформации. Означенное единство соответствовало предложенной редакторами версии традиции. Ее преобразование было для придания всей конструкции устойчивого и гармоничного вида.

Наибольшую трудность в интерпретации данных, полученных в ходе анализа текстов XIX века, представляют собой данные о значительном несхождении коллекций, представленных текстами этого периода. Они вошли в GL 1975, но имели разную судьбу. Судя по данным, отраженным на дендрограмме, не вошедшие в GL 2013 тексты грюнберговской эпохи в целом наименее схожи с текстами всех иных текстовых коллекций. Иными словами, эти тексты похожи на все тексты и непохожи ни на один конкретный текст. Период грюнберговского историзма, с одной стороны, вызвал подъем интереса к гимнографическому искусству, а с другой – способствовал своего рода цитированию стилистических приемов,

уже известных в традиции, в процессе создания текста. Богатое грюндеровское наследие с его склонностью к цитатничеству и следовательно, к эпигонству наводит на очевидную мысль о простом отказе редакции от издания слабых текстов. (Их слабость заключается в их художественной несамостоятельности). Грюндеровские тексты GL 1975, включенные впоследствии в GL 2013, сыграли важную роль в процессе формирования истории жанра. Они имеют исключительную художественную ценность в силу вышеозначенного сходства с текстами Средневековья. В этом случае между звеньями исторического развития жанров формируются не полярные отношения, о которых шла речь выше, а, напротив, складывается кольцевая композиционная схема. Она становится наиболее отчетливой в грюндеровскую эпоху и охватывает историю исследуемого жанра. Ее образ был позднее актуализирован редакционной коллегией GL 1975. Коллекция текстов, не представленных в GL 1975 и подобранных редакцией для второго издания GL, демонстрирует высокий показатель сходства с текстами GL 1975, которые перешли во второе издание. Приблизительно тот же показатель сходства с GL 1975 обнаруживают и барочные тексты. Это, как отмечалось, обусловлено тем, что эти тексты в силу своего сходства с текстами периодов Реформации и барокко, служат средством подхвата реконструируемой редакцией традиции для создания картины проспективно-поступательно-го развития этого жанра.

Среди трех текстов первой половины XX века, возникших, как это следует из творческих биографий их авторов, в недрах движения литургического обновления, самое значительное сходство между собой обнаруживают тексты GL 1975, как вошедшие, так и не вошедшие впоследствии во второе издание GL. При этом значение расстояния между ними больше, чем показатели в рассмотренных выше коллекциях, сходство которых представлялось, на первый взгляд, совершенно неочевидным. Объем текстов исследуемого периода довольно велик, а многие авторы, которых связывали дружеские узы с редакторским коллективом, продолжили гимнографическую деятельность и в послевоенной Германии. Как и в уже исследованных коллекциях, значительное расстояние между разными коллекциями текстов литургического обновления наводит нас на мысль, что означенное положение дел сложилось неслучайно: представляется, что с учетом многочисленности самих текстов редакция все же стремилась отклонить менее удачные тексты эпигонского, несамостоятельного толка, а также тексты, несовершенные в эстетическом смысле. Сходство коллекций текстов, созданных в первой половине XX века, обусловлено спецификой отбора текстов

редакционной коллегией при подготовке второго издания: из ранее не использовавшихся отбираются те песнопения, которые ближе к гимнам из GL 1975, в свою очередь, одобренным для включения во второе издание GL. Таким образом предпринимается попытка своего рода упорядочения истории через вмешательство – за счет включения новых текстов. Они подчеркивают известные в ретроспекции стилистические черты духовной поэзии, питавшейся идеями движения литургического обновления. В результате побеждает консервативный вкус. Дендрограмма наглядно показывает близость новых для GL текстов, впервые появившихся во втором издании, текстам барочного XVII века. Эта отчетливая консервативная тенденция служит делу ретроспективного обновления традиции, которая, как мы могли убедиться, на самом деле в таком виде никогда не существовала.

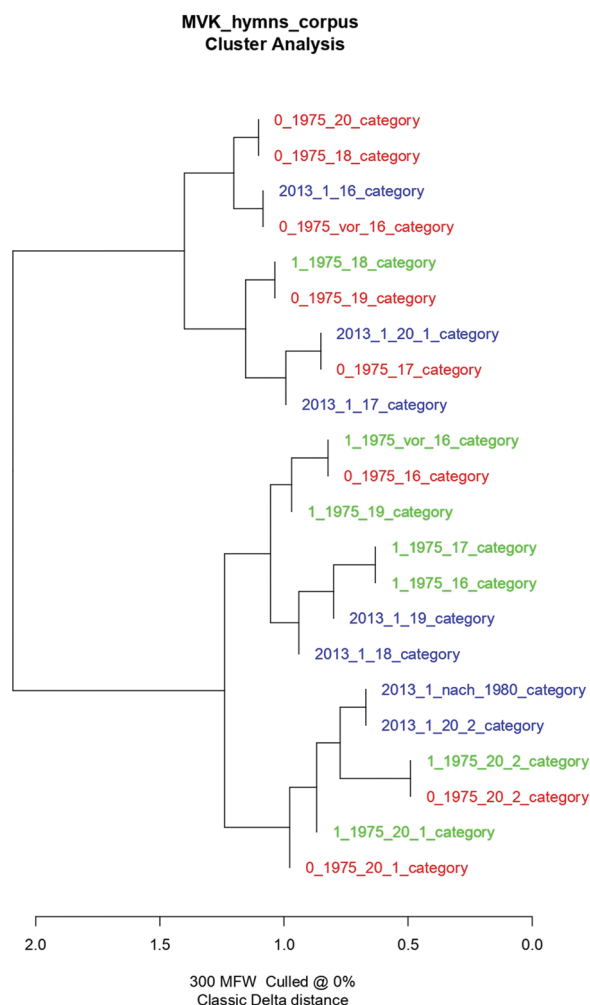

Рис. 3. Иерархическая кластеризация текстов (300 MFW)

Коллекции текстов, возникших в послевоенную аденауэровскую эпоху, ближе друг к другу, нежели

другие коллекции, относящиеся по времени к одному историко-литературному периоду. Прежде всего обращает на себя внимание близость коллекций, основанных на текстах GL 1975. Представляется, что это сходство объясняется экстралингвистическими причинами: как уже отмечалось, круг авторов GL, разделявших воззрения членов редакционной коллегии, был довольно узок, а сам жанр в своих традиционных формах начал постепенно изживать себя. В это же время на авансцену выходят новые авторы, работающие с новыми стилистическими решениями. Подобранные же редакционной коллегией для второго издания ранее не использовавшиеся тексты обнаруживают свою значительную близость как к коллекции текстов, вошедших во второе издание из GL 1975, так и к текстам, не выдержавшим испытания временем и оставшихся в первом издании GL. Представляется, что такая ситуация возможна еще и в силу отсутствия исторической дистанции, которая позволила бы верно оценить актуальные внутрижанровые процессы.

Каковы же полученные данные в целом, и как мы могли бы интерпретировать детали? Дельта Бёрроуза – это количественный показатель, поэтому картина была бы неполной без анализа распределения значений непрерывной величины, получаемых при сопоставлении каждой отдельной коллекции с прочими коллекциями.

Для определения явлений, лежащих на поверхности, обратимся к анализу первой сотни частотных словоформ. Для наших текстов среднее значение для дельты Бёрроуза равно 1,07. Следующий шаг – вычисление значения стандартного отклонения для этих значений, которое равно 0,17. Затем были вычислены средние значения дельты Бёрроуза, полученные в отдельности для каждой коллекции при ее сопоставлении со всеми другими коллекциями. В результате предметом анализа являются отклонения от «золотого стандарта», оказывающиеся за пределами диапазона $[\bar{x}-sd; \bar{x}+sd]$, которые показывают средние арифметические дельты Бёрроуза для каждой коллекции. Кроме того, целесообразно определить, для какой из коллекций разность между ее средним показателем дельты Бёрроуза в сопоставлении с другими коллекциями и средним для всего набора данных будет минимальной.

Практически полное совпадение с упомянутым выше показателем «золотого стандарта» обнаруживает коллекция барочных текстов GL 2013, которые были отобраны для второго издания и отсутствовали в первом (различия касаются тысячных долей, и ими можно пренебречь). Таким образом, справедливым оказываются предположения, что, во-первых, барочные тексты занимают центральное место

при конструировании традиции жанра (именно они ретроспективно дают излучения, «спрямляющие» под своим влиянием традицию Реформации, а проспективно именно они выстраивают отношения преемственности к грюндерству и неогрюндерству, где в силу количества текстов именно последнему принадлежит колоссальная роль в цементировании «изобретенной традиции» [Hobsbawm, 1993]) и, во-вторых, именно барочные тексты являются остоном католической гимнографической традиции и в будущем, ведь подбор новых барочных текстов для GL 2013 явно неслучаен.

За границами вышеупомянутого диапазона оказываются две коллекции – тексты эпохи грюндерства, не вошедшие во второе издание из GL 1975, и тексты второй половины XX века, перешедшие в GL 2013 из первого издания. Сразу обращает на себя внимание, что эти крайние значения присущи грюндерским и неогрюндерским текстам, играющим определяющую роль для формирования традиции: именно они образуют полюса, создающие ту самую категорию напряженности внутри изобретенной истории жанра, которая задает, наряду с барочными текстами, образующими центральную ось, линии его развития. Отдельного объяснения заслуживает характер анализируемых в этом абзаце коллекций. То, что на одном из полюсов традиции оказываются грюндерские тексты, не вошедшие в GL 2013, связано, по-видимому, с тем, что грюндерство с середины 1970-х годов оттесняется на периферию культурной жизни немецкоязычных стран в том числе и на периферию церковной жизни, где все большее влияние обретают обновленческие силы. Неогрюндерские тексты, вошедшие во второе издание, представляют собой произведения, прочно вошедшие в церковный обиход во многом благодаря их популяризации в GL 1975. Следовательно, если грюндерство и неогрюндерство внешне и лишены значения для культурной повестки, то на глубинном уровне они продолжают ее определять, соотносясь при этом с никем не оспариваемым барочным идеалом. Он поддерживается, в том числе, и музыкой этих произведений (музыкальный аспект в гимнографии заслуживает отдельного рассмотрения в междисциплинарном плане).

Менее очевидные отношения между текстовыми коллекциями должен дать анализ большего по объему материала – сопоставление по первым 200 частотным словоформам. Для исследуемых коллекций «золотой стандарт» дельты Бёрроуза в этом случае составит 1,00, при том что значение стандартного отклонения будет равно 0,12. Анализ данных в дальнейшем проводился по методике, описанной выше для первой сотни частотных словоформ, и дал следующие результаты.

К показателю «золотого стандарта» оказалась ближе всего все та же коллекция барочных текстов XVII века, не встречавшихся в GL 1975. Они были почерпнуты редакционной коллегией из гимнической традиции эпохи барокко. Это обстоятельство должно подтвердить высказанные выше соображения относительно центрального места барочной гимнографии в управляемом редакторским коллективом процессе формирования жанровой традиции. Вне описанного диапазона оказываются три коллекции, распадающиеся на две группы: с одной стороны, это барочные тексты из GL 1975, вошедшие в GL 2013, с другой – это тексты второй половины XX века, как вошедшие, так и не вошедшие во второе издание GL. Интерпретация этих данных не представляет трудностей, если учесть, что наименьшее и наибольшее значения внутри этого диапазона занимают, во-первых, коллекция грюндерских текстов GL 1975, не вошедших в GL 2013, и, во-вторых, коллекция специально отобранных для второго издания текстов второй половины XX века, отсутствовавших в основной части GL 1975. В этом случае просматривается, как и прежде, ведущая роль барочной традиции, создающей свое поле напряженности. Оно вовлекает в свою орбиту грюндерский и неогрюндерский материал с просматривающейся попыткой уйти в издании 2013 года от слишком однозначных неогрюндерских акцентов. Как уже отмечалось, они находят отклик в эстетическом идеале католической литургической традиции, но не вполне соответствуют политико-культурным чаяниям современного общества в том виде, как их представляет нынешняя школа политического образования. Тем самым она, безусловно, и формирует эти ожидания.

Сопоставление текстовых коллекций по первым 300 частотным словоформам дает представление о глубинных отношениях между исследуемыми текстовыми коллекциями. Применительно к этому «золотой стандарт» дельты Бёрроуза оказывается равным 1,01, значение стандартного отклонения составляет в этом случае 0,09. Интерпретация количественных данных, полученных при сопоставлении коллекций текстов, осуществлялась по той же методике, что и для 100 и 200 первых частотных словоформ. Единство означенной методики и позволяет сопоставлять полученные результаты.

Барочные тексты уступают позицию «золотого стандарта» текстам GL 1975, созданным в первой половине XX века представителями литургического движения и не вошедшим впоследствии во второе издание GL. Вне интервала, образованного отклонением от среднего на значение одного стандартного отклонения, оказываются тексты эпохи Реформации (коллекция не использовавшихся в первом

издании в основной части текстов, отобранных для GL 2013), барокко (коллекция текстов XVII века, перекочевавших из GL 1975 в GL 2013), а также тексты второй половины XX века из первого издания GL (обе коллекции – тексты, вошедшие и не вошедшие во второе издание). При интерпретации этих данных нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, количественно коллекции текстов второй половины XX века наиболее обширны; во-вторых, основной корпус текстов послевоенного периода был создан теми же авторами, что и тексты предвоенные. Из полученных данных следует, что поле напряженности создают те же тексты, что и прежде, – неогрюндерские тексты второй половины XX века, составляющие большинство в общем корпусе, барочные тексты и тексты эпохи Реформации. Заслуживает внимания тот факт, что наименьшее и наибольшее значения внутри интервала показывают тексты грюндерского историзма. Тем самым они выступают как своего рода посредники в формировании жанровой традиции. «Золотой стандарт» представлен текстами, не пережившими своего времени (в предыдущих случаях ситуация была прямо противоположной). Данный факт знаменателен. Он потенциально свидетельствует о том, что в точке пересечения излучений, столь разных по времени и вместе с тем столь близких по сопряженности внутри жанровой истории, оказывается коллекция, удаленная от периферии. Она антагонистична по отношению к периферийным для данной архитектуры коллекциям». Выскажем следующее предположение: потеря первоначальной эвристической силы, которой обладала позиция, наиболее близкая к «золотому стандарту», обусловлена композиционно. При переходе к анализу первоначально скрытых категорий большее значение приобретают периферийные элементы, тогда как срединный компонент свой объяснительный потенциал утрачивает. Он противопоставляется периферии и одновременно утрачивает первоначальную роль центрального элемента.

Чем же объясняется невнимание в рамках данной работы к коллекциям текстов XVIII века? С одной стороны, представляется закономерной значительная их удаленность от всех прочих коллекций. Она отчетливо прослеживается при визуализации данных анализа текстового материала. Это обстоятельство имеет довольно четкое филологическое и историко-литургическое объяснение. Эпоха Просвещения в ретроспективной оценке оказывается наименее счастливой для судеб немецкоязычной гимнографии, как католической, так и протестантской. Дело в том, что немецкоязычным песнопениям в этот период отводится морализаторская, назидательная роль, их задача сводится к воспитанию

качеств добропорядочного гражданина, тогда как трансцендентальные смыслы если и сохраняются, то отодвигаются на задний план, в результате чего тексты, создаваемые в этот период, оказываются чересчур рассудочными, сухими. Они не вызывают душевного отклика у паствы, а тексты, возникшие ранее, подвергаются переделкам во вкусе эпохи [Hamacher, 1985]. Впоследствии песнопения, возникшие в этот период, или исключались из песенников, или приобретали свой первоначальный вид. Единственным произведением, которое играет видную роль в католическом богослужении до сих пор, является «Großer Gott, wir loben dich» – переложение амвросианского «Te Deum», созданное в 1771 году Игнацем Францем. С другой стороны, слишком скромный объем коллекции текстов XVIII века не дает гарантий того, что получаемые при исследовании этой коллекции данные будут валидными и что выводы, получаемые при обращении к этой коллекции, не будут случайными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный материал дает все основания предполагать, что причины расхождений текстовых коллекций кроются в нелинейном характере развития этой жанровой традиции, поскольку реальная история жанра лишена единого вектора развития от более раннего этапа к более позднему. Она обусловлена как волей редакционных коллективов, работавших над изданием и «изобретавших традицию» жанра в конкретном культурно-политическом контексте (здесь уместно

сказать о обратном выстраивании истории жанра от аденауэрского неогрюндерства к грюндерству, затем от грюндерства к барокко и Реформации), так и судьбой гимнографического материала, созданного в определенные культурно-исторические эпохи (показательно забвение текстов эпохи Просвещения).

Наряду с методикой дельты Бёрроуза в цифровой гуманитаристике получили развитие и другие формальные подходы. Среди них можно выделить методы на основе машинного обучения (например, метод опорных векторов, деревья решений), а также методы кластеризации и снижения размерности (в частности, PCA и t-SNE). Они позволяют визуализировать различия между текстами на основе значений лингвистических признаков. Особое внимание уделяется выбору последних – помимо частот слов, используются также биграммы, синтаксические конструкции, количественные данные о распределении частей речи и др.

Интерес представляют и гибридные модели, совмещающие классическую дельту с другими алгоритмами. Такие модели продемонстрировали высокую точность при определении авторства и жанровой принадлежности текстов, в том числе в условиях ограниченного объема данных.

Формальные методы, в том числе дельта Бёрроуза, демонстрируют потенциал для решения задач, выходящих за рамки сугубо атрибутивного анализа. Существующее поле для последующего исследования практически необъятно. Оно разрастается, включая в себя картографирование литературных течений и построение историко-культурных типологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kovalev B. V. From Classics to Digital Philology: On the Origin and Growth of Stylometry // *Philologia Classica*. 2024. Vol. 19 (2). P. 347–360.
2. Литвинова Т. А. Стилеметрическая идентификация автора текста. Воронеж, 2022.
3. Христианская гимнография: история и современность / отв. ред. М. Р. Ненарокова. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
4. Burrows J. F. 'Delta': a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship // *Literary and Linguistic Computing*. 2002. Vol. 17, № 3. P. 267–287.
5. Hoover D. L. Testing Burrows's Delta // *Literary and Linguistic Computing*. 2004. Vol. 19. № 4. P. 453–475.
6. Argamon S. Interpreting Burrows's Delta: Geometric and Probabilistic Foundations // *Literary and Linguistic Computing*. 2008. Vol. 23. № 2. P. 131–147.
7. Eder M. Does Size Matter? Authorship Attribution, Small Samples, Big Problem // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2015. Vol. 30. № 2. P. 167–182.
8. Jockers M. L., Witten D. A Comparative Study of Machine Learning Methods for Authorship Attribution // *Literary and Linguistic Computing*. 2010. Vol. 25. № 2. P. 215–223.
9. Hiley D. *Western Plainchant: A Handbook*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
10. Unguendoli F., Cristadoro G., Beghelli M. Stylometry and Automatic Attribution of Medieval Liturgical Monodies // *Italian Journal of Computational Linguistics*. 2018. Vol. 4. № 2. P. 91–105.
11. Khokhlova M., Koryshev M. A. Corpus of Liturgical Texts in German: Towards Multilevel Text Annotation // *Proceedings of the Sixth International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2024)*. Sofia:

Department of Computational Linguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, 2024. P. 201–205.

12. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis // R Journal. 2016. Vol. 8. № 1. P. 107–121.
13. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.–Л.: Наука, 1964.
14. Hobsbawm E. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
15. Hamacher Th. Beiträge zur Geschichte des katholischen deutschen Kirchenliedes. Paderborn: s.l., 1985.

REFERENCES

1. Kovalev, B. V. (2024). From Classics to Digital Philology: On the Origin and Growth of Stylometry. *Philologia Classica*, 19(2), 347–360.
2. Litvinova, T. A. (2022). Stylistic identification of the author of the text. Voronezh. (In Russ.)
3. Nenarokova, M. R. (2019). (Ed.). *Christian Hymnography: History and Modernity*. Moscow: IMLI RAS. (In Russ.)
4. Burrows, J. F. (2002). 'Delta': a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship. *Literary and Linguistic Computing*, 17(3), 267–287.
5. Hoover, D. L. (2004). Testing Burrows's Delta. *Literary and Linguistic Computing*, 19(4), 453–475.
6. Argamon, S. (2008). Interpreting Burrows's Delta: Geometric and Probabilistic Foundations. *Literary and Linguistic Computing*, 23(2), 131–147.
7. Eder, M. (2015). Does Size Matter? Authorship Attribution, Small Samples, Big Problem. *Digital Scholarship in the Humanities*, 30(2), 167–182.
8. Jockers, M. L., Witten, D. (2010). A Comparative Study of Machine Learning Methods for Authorship Attribution. *Literary and Linguistic Computing*, 25(2), 215–223.
9. Hiley, D. (1993). *Western Plainchant: A Handbook*. Oxford: Clarendon Press.
10. Unguendoli, F., Cristadoro, G., Beghelli, M. (2018). Stylometry and Automatic Attribution of Medieval Liturgical Monodies. *Italian Journal of Computational Linguistics*, 4(2), 91–105.
11. Khokhlova, M., Koryshev, M. (2024). A Corpus of Liturgical Texts in German: Towards Multilevel Text Annotation. *Proceedings of the Sixth International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2024)*, pp. 201–205. Sofia: Department of Computational Linguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences.
12. Eder, M., Rybicki, J., Kestemont, M. (2016). Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis. *R Journal*, 8(1), 107–121.
13. Admoni, V. G. (1964). *Fundamentals of grammar theory*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Hobsbawm, E. (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.
15. Hamacher, Th. (1985). *Beiträge zur Geschichte des katholischen deutschen Kirchenliedes*. Paderborn: s.l.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корышев Михаил Витальевич

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры сопоставительного изучения языков и культур
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koryshev Mikhail Vital'evich

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department for Comparative Studies of Languages and Cultures, St Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.07.2025
25.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Дискурсивная репрезентация коммеморативного события (на материале английского языка)

Е. П. Мурашова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.p.murashova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей дискурсивной репрезентации коммеморативного события как базовой когнитивной единицы коммеморации. Для достижения поставленной цели помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез и др.) были применены фреймовый анализ, фреймовое моделирование и типы анализа языковых явлений (лингвистический и дискурсивный анализ и др.). Материалом исследования послужили 750 англоязычных интернет-текстов, опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками с 2019 по 2025 годы. Установлено, что в коммеморативном событии коллективная память, не представленная как таковая ментально, является продуктом конструирования реальности в дискурсе. Выявлены дискурсивные механизмы формирования коллективной памяти в коммеморации – мифологизация, стереотипизация и рекурсия.

Ключевые слова: коммеморация, событие, коллективная память, коммеморативное событие, событийность, когнитивное моделирование, фреймовый анализ, автокоммуникация, дискурсивные механизмы, миф

Для цитирования: Мурашова Е. П. Дискурсивная репрезентация коммеморативного события (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 62–70.

Original article

Discursive Representation of the Commemorative Event (an analysis of English-language texts)

Ekaterina P. Murashova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.p.murashova@mail.ru

Abstract. The article aims to reveal the peculiarities of the discursive representation of the commemorative event as a basic cognitive unit of commemoration. To achieve the aim the author uses general scientific methods (analysis, synthesis, etc.), frame analysis, frame modelling and types of analysis of language phenomena (linguostylistic, discursive analyses, etc.). The research material is 750 English-language online texts published from 2019 to 2025 by American, British and Canadian politicians. It is revealed that within a commemorative event the collective memory, as such unrepresented mentally, is a product of construction of reality in discourse. The author reveals discursive mechanisms of forming the collective memory in commemoration – mythologisation, stereotypisation and recursion.

Keywords: commemoration, event, collective memory, commemorative event, eventfulness, cognitive modelling, frame analysis, autocommunication, discursive mechanisms, myth

For citation: Murashova, E. P. (2025). Discursive representation of the commemorative event (an analysis of English-language texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 62–70 (In Russ.)

Память – это зеркало,
в котором мы рассматриваем отсутствующих.
Ж. Жубер

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена особенностям ментальной и дискурсивной репрезентации коммеморации как события, направленного на сохранение коллективной памяти о прошлом, т. е. коммеморативного события. Под коммеморацией здесь и далее понимается «ретроактивная массовая коммуникация, оперирующая прецедентными феноменами (как правило, именами) в целях реактуализации, продвижения и сохранения наследия прошлого» [Мурашова, 2024, с. 67]. Основу коммеморации как коммуникативного взаимодействия составляет социальная практика совместного памятования, оперирующая коллективной памятью социальной группы, т. е. ее представлениями о своем прошлом, образующими ее коллективную идентичность [Мурашова, 2025]. Коммеморативное событие мы рассматриваем, с одной стороны, как сложную структуру, форму ментальной репрезентации необходимых для коммеморации знаний, и, с другой стороны, как форму реализации коммеморативного дискурса и основную единицу его анализа.

До сих пор в фокусе интереса лингвистов оказывалось моделирование события в деловом дискурсе [Левченко, 2023] и медиадискурсе [Косиченко, Казакова, 2023] и конструирование события как основы категории событийности и базовой нарративной единицы художественного и гибридного дискурса [Дзюба, Рябова, 2022].

Актуальность обращения к событийному аспекту коммеморации обусловлена тем, что, в отличие от большинства событий социальной жизни человека, которые центрируются вокруг какого-либо одного значимого происшествия, коммеморация не может быть описана в терминах сингулярности, представляя собой сложный событийный комплекс по воспоминанию, запечатлению и сохранению в памяти и забыванию. Направленность коммеморации «внутрь себя», ее вторичный характер по отношению к инициирующему ее событию и другие особенности коммеморативной событийности нуждаются в лингвистическом изучении.

Новизна исследования заключается в том, что впервые с точки зрения когнитивной лингвистики осуществляется моделирование и описание коммеморации как особого вида коммуникативного события.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов для

организации коммеморативных событий в рамках соответствующей практики.

Реализация поставленной цели предполагает выполнение двух задач: во-первых, когнитивное моделирование коммеморативного события как отдельного типа события, отличного, например, от коммеморируемого события; во-вторых, выявление механизмов дискурсивной репрезентации коммеморативного события.

Для достижения первой задачи использовались главным образом фреймовый анализ и фреймовое моделирование как основные методы изучения стереотипного фрагмента действительности с явно выраженной событийностью. Для достижения второй задачи применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, наблюдение, сравнение и др.) и типы анализа языковых явлений (лингвистический и дискурсивный анализ и др.).

В качестве материала исследования послужили 750 англоязычных малоформатных (до 280 символов) текстов, опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками в официальных интернет-источниках с 2019 по 2025 год. Материал был отобран методом сплошной выборки из личной картотеки автора настоящей статьи. Выбор политического дискурса в качестве эмпирической базы исследования обусловлен тем, что, во-первых, коммеморативный дискурс, как правило, не представлен в чистом виде и в основном функционирует в рамках социальных институтов (в том числе политических); во-вторых, в политике воздействие на коллективную память является одним из условий реализации и поддержания политической власти.

КОММЕМОРАЦИЯ КАК СОБЫТИЕ

В современной социальной философии наметилось несколько тенденций в толковании понятия «событие». Во-первых, событие часто противопоставляется бытию в хайдеггеровском понимании («событие», а не «со-бытие»). Предполагается, что бытие лишь дает основу для какого-либо исключительного и непредсказуемого отклонения от обыденности, коим и является событие, – «любое явление, которое, свершаясь, индивидуализируется в своей уникальной и неповторимой сущности и даже обретает собственное имя»¹. Во-вторых, подчеркивается вещественно-языковая природа события. С одной стороны, оно отражается в языке, конструируется им и приобретает благодаря ему свою значимость, с другой – язык служит тому, чтобы говорить о вещах. Как отмечает

¹Подорога В. А. Событие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 583.

Ж. Делез, «событие обитает в языке, но оживает в вещах» [Делез, 2011, с. 39]. В-третьих, событие рассматривается как перформанс («театр визуальных искусств») – особый вид творчества, совмещающий «элементы изобразительного искусства, театра, танца, музыки, видео, кино», для которого характерна срежиссированность действия, пространственная замкнутость, ограниченность количества участников, интерактивность, тяга к акционизму и импровизации¹. Перформанс как событие с модулируемыми параметрами предлагает многообразие вариантов творческого осмысления одной и той же истины, приобретая тем самым значимость события о событии.

В когнитивной лингвистике событие чаще всего рассматривается как когнитивная структура, позволяющая реализовать важнейшие функции языка, – использовать его в качестве орудия коммуникации (коммуникативная функция) и познания мира (когнитивная функция). Когнитивная сущность события демонстрируется в определении, предложенном О. К. Ирисхановой: событие – «целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и в пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом» [Ирисханова, 1997, с. 6].

Присущая коммеморации процессуальность позволяет считать ее событием, а в качестве единицы исследования коммеморации можно выделить коммеморативное событие как акт совместного памятования. М. Райзигль рассматривает коммеморацию как полимодальный семиотический процесс и событие, поскольку, как правило, помимо чисто вербального измерения она имеет множественные невербальные измерения символического, индексного и иконического порядка и проходит в формате перформанса различной степени масштабности [Reisigl, 2018].

Основной характеристикой коммеморативного события, отличающей его от многих других коммуникативно опосредованных событий, является автокоммуникативность, что означает направленность когнитивных процессов участников «внутри себя». Термин «автокоммуникация» был введен Ю. М. Лотманом для обозначения передачи информации по направлению «Я – Я», где «воспринимающее второе «Я» функционально приравнивается к третьему лицу» [Лотман, 2010, с. 164]. По замыслу Ю. М. Лотмана, различие между коммуникацией в «системах» «Я – ОН» и «Я – Я» заключается, прежде всего, в том, что в первой системе информация перемещается в пространстве,

а во второй – во времени, и в зависимости от того, происходит ли разрыв во времени при передаче информации или нет, автокоммуникация может выполнять соответственно мнемоническую или другую культурную функцию [там же]. В автокоммуникации, по мнению Ю. М. Лотмана, информация не передается в исходном виде, как в канале «Я – ОН», а подвергается качественному преобразованию «добавочными кодами» и под воздействием обстоятельств, сдвигающих контекст коммуникации, что, в свою очередь, трансформирует личность «Я» [Лотман, 2010, с. 165].

В отличие от некоторых других автокоммуникативных событий (например, в АСМР-дискурсе [Евграфова, 2024]), коммеморация имеет выраженный ретроспективный характер. Она выполняет мнемоническую функцию преодоления временных разрывов и обеспечения континуальности времени. При этом культурный код, обслуживающий автокоммуникативное «путешествие во времени» в коммеморации, выполняет культуроподдерживающую и культуротворческую функции, а именно позволяет сохранить и передать культурное наследие прошлого.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММЕМОРАТИВНОГО СОБЫТИЯ

Изучение ментальной репрезентации события предполагает построение его ментальной модели, которое, по мнению В. И. Заботкиной, включает два основных этапа – «доконцептуальный этап» мультимодального восприятия события и «конструирование новой модели события по аналогии с существующими ментальными моделями» [Заботкина, 2017, с. 32].

В общем виде ментальная модель любого события включает такие компоненты, как локация, время, действие, инструмент, цель и результат. Так, через призму теории фреймовой семантики Ч. Филлмора компоненты события коррелируют со следующими семантическими ролями: агент (инициатор события), контрагент (сопротивляющаяся сила, против которой осуществляется действие), объект (то, на что направлено действие, что движется, меняется, исчезает / возникает), результат (то, что появляется как исход действия), инструмент (стимул события или его непосредственная материальная причина), источник (место начала движения или изменения), цель (место, куда направлено движение или изменение), экспериенсер (то, что подвергается воздействию события, или «эффект») [Fillmore, 1971, с. 77].

Анализ эмпирического материала исследования позволяет нам представить следующую ментальную

¹Перформанс // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/2776461?ysclid=m8vonqzc84238544740 (дата обращения: 30.03.2025).

модель коммеморативного события из двенадцати компонентов: 1) агент и его роль / роли: политик или политическая организация, выполняющий / -ая роль ведущего церемонии, рядового участника, интервьюера и др.; 2) контрагент: политик или политическая организация; 3) экспериенсер: народные массы, коллектив; 4) объект: знание о прошлом (событий, фактов, персоналий, мифологии и символики, общественной оценки); 5) цель: сплочение вокруг агента, сохранение наследия прошлого, реализация патриотической повестки; 6) эффект: поддержание или трансформация коллективной идентичности; 7) источник: событие, явление или персоналия прошлого; 8) инструмент: публичное обращение, массовая акция; 9) сеттинг: исторически и / или культурно значимая дата (праздник, годовщина, юбилей), символическое место (памятник, музей, кладбище), вещественная атрибутика (дизайн, музыка, видеоряд) и условия (погода, текущие фоновые события, наличие и степень медиатизации); 10) код: культурные символы; 11) оценка: осуждение или одобрение события или явления прошлого, их переоценка согласно идеологическим запросам; 12) вывод: формулирование «урока прошлого» и последствий для настоящего / будущего, призыв к действию.

Используя ряд семантических ролей, предложенных Ч. Филлмором, мы добавили такие важные для фреймовой структуры события компоненты, как сеттинг (специально организованное полимодальное пространство, представляющее собой триединство места, времени и внешних условий), код (семиотический адаптер существующей модели к новому знанию), оценка (градуирование источника и объекта по шкале «хорошо – плохо» в рамках данной аксиосферы и с учетом данной идеологии), вывод (сентенция как аналог «призыва к действию» в рекламе).

ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОММЕМОРАЦИИ

Знание о мире может быть представлено как в сознании, так и в языке и дискурсе, что позволяет выделить ментальную, языковую и дискурсивную типы репрезентации. Между ними, в свою очередь, следует провести разграничение, поскольку когнитивная структура и ее языковое выражение могут не совпадать друг с другом. По мнению Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова, в дискурсе ментальная репрезентация, изначально выполняющая функцию отражения, получает собственную динамику и используется для конструирования новой реальности, например, за счет смещения фокусов внимания [Кубрякова, Демьянков, 2007].

Анализ материала исследования позволяет сделать вывод о том, что ментальная модель коммеморации подвергается идеологически обусловленной интерпретации в дискурсивной репрезентации, в результате чего формируется новая реальность, условно называемая коллективной памятью. Иначе говоря, коллективная память, отсутствующая как таковая в ментальной модели, является порождением дискурсивной репрезентации, возникшим в результате действия определенных дискурсивных механизмов. Без вербальной кодировки коллективная память отражается как комплекс знаний о прошлом, включенный в компонент «объект» событийного фрейма, и носит преимущественно фактографический характер. В частности, именно в дискурсе происходит автокоммуникативное преодоление временных разрывов. Оно позволяет помыслить о себе как о части исторически сформированного коллектива, разделяющего прошлое, настоящее и будущее.

Нами были выделены следующие дискурсивные механизмы коммеморативного события, способствующие конструированию коллективной памяти в его рамках.

Мифологизация. Особенностью мифа в коммеморации является явная идеологическая маркированность, что делает его распространенным инструментом политического влияния. В качестве рабочего определения мифа мы принимаем определение, предложенное К. Фладом: «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах» [Флад, 2004, с. 43].

В проанализированном нами материале был обнаружен ряд национальных мифов – историй о происхождении нации и ее прошлом. Ассоциирование событий, явлений и персоналий прошлого с общеизвестным мифом представляет собой механизм мифологизации, который предполагает редукцию их содержания и выборочную фокусацию некоторых «узловых» содержательных аспектов, выбранных соответственно идеологическим воззрениям общества. Мифологизация, в свою очередь, ведет к закреплению ее объекта в коллективной памяти.

Так, в американских коммеморативных текстах часто вербализуется миф об американской мечте, которая представляет собой идеологическую концепцию равных шансов на преуспевание через упорный труд. Миф об американской мечте включает в себя ряд ценностных концептов, таких как свобода, богатство, успех, счастье, равноправие, предпринимательство, самостоятельность (*англ.* self-made success). Все они редуцируются

в мифологему *American dream* – вербализованный символ жизненного сюжета достижения счастья простым американцем из среднего класса. Так, в следующей публикации бывшего Спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси от 31.03.2020 совокупность достижений американского правозащитника С. Чавеса редуцирована до мифологемы *American dream*, а обозначаемый миф раскрывается путем фокусации таких его «содержательных узлов», как доступность (*within reach for millions*) и приоритизация рабочих и семей (*putting workers and families first*). Таким образом, через ассоциирование с мифом об американской мечте историческая фигура С. Чавеса подвергается мифологизации, а она, в свою очередь, способствует закреплению его личности и вклада в коллективной памяти. Текст сообщения сопровождается портретом С. Чавеса, стилизованным в графическом редакторе под знак-икону (в типографии Ч. Пирса), что также способствует редукции и мифологизации его образа.

César Chávez's towering vision and determined voice helped put the *American dream within reach for millions*. His commitment to *putting workers and families first* remains our inspiration and our responsibility.

Стереотипизация. В метафорическом смысле коммеморативное событие направлено на создание благоприятных условий для коллективного самоцитирования социальной группы. Самоцитирование становится возможным благодаря разработке событийного стереотипа, в основе которого лежит представление о континуальности и преемственности времени через восприятие пространства как обозримого целого. Время сложнее поддается объективации, нежели пространство. Поэтому большая роль в коммеморации отводится «горизонтальной» консолидации – созданию метафорического пространства «коллективной памяти», которое подобно зеркальному отражению альтернативной реальности, где сосуществуют и взаимодействуют разные эпохи и поколения.

Пространственность коллективной памяти реализуется средствами «опредмечивания» абстрактных понятий (время, память, судьба, благодарность) и акциональных компонентов коммеморации (вспоминание, запоминание, забывание, почитание): вербальными маркерами локальности (прецедентные топонимы и слова-символы в сочетании с динамическими глаголами) и невербальными знаками-символами (предметная символика).

Также стереотипизация реализуется за счет высокой степени ритуальности коммеморативного дискурса, которая выражается в активном

использовании так называемых «знаков интеграции» (термин Е. И. Шейгал), отвечающих за консолидацию «своих», – вербальных (прецедентные имена и фразы, включая пословицы, поговорки, клише; «слова памяти» (*remember, forget, memory* и др.), даты, архаизмы, метонимическое местоимение *we*), и невербальных (предметная символика) [Мурашова, 2024].

В следующей публикации бывшего государственного секретаря США Э. Блинкена от 14.07.2022, коммеморирующей жертв холокоста, стереотипизация достигается путем использования ряда маркеров локальности – прецедентных топонимов (*in Jerusalem at Yad Vashem, the Eternal Flame in the museum's Hall of Remembrance*) и динамических глаголов в сочетании со словами-символами (*rekindled the Eternal Flame, laid a wreath*), а также средств ритуализации – прецедентных фраз-клише (*rekindled the Eternal Flame, laid a wreath, to honor the memories, We must never forget*), «слов памяти» (*Remembrance, memories, forget*) и метонимического местоимения *We*. Превалирование маркеров локальности над маркерами темпоральности свидетельствует о фокусации на пространственном аспекте коммеморации.

Yesterday, I joined @POTUS *in Jerusalem at Yad Vashem, as he rekindled the Eternal Flame in the museum's Hall of Remembrance and laid a wreath to honor the memories* of the 6 million Jewish people who were killed during the Holocaust. *We must never forget.*

Рекурсия. Рекурсия (лат. *recursio* – «возвращение») является междисциплинарным термином, используемым в математике, информатике, искусстве и лингвистике для обозначения способа представления какого-либо объекта как подобного самому себе. В искусстве рекурсия ложится в основу *mise en abyme* (фр. помещение в бездну) – художественной техники помещения изображения внутрь изображения, приводящей к «двойному отзеркаливанию», иначе – «эффекту Дросте»¹. В лингвистике рекурсию принято считать языковой универсалией. С одной стороны, это – фонетический термин, обозначающий артикуляционный отступ при переходе к следующему звуку², с другой стороны – грамматический термин, обозначающий вложение синтаксических

¹Mise-en-abyme // A Dictionary of Media and Communication / Ed. by D. Chandler, R. Munday. 1st ed. Oxford, N.Y.: OUP, 2011. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803100201557#:~:text=The%20double%2Dmirroring%20effect%20created,also%20known%20as%20Droste%20effect> (дата обращения: 04.04.2025).

²Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 383.

конструкций одна в другую, как в стихотворении «Дом, который построил Джек»¹. В нарратологии рекурсия обозначает прием включения текстом самого себя в канву повествования. Л. Дэлленбах определяет рекурсивную технику *mise en abyme* как «любое внутреннее зеркало, которое отражает целый нарратив путем простого, повторяющегося или «обманчивого» (или парадоксального) дублирования»² [Dällenbach, 1989, с. 36].

Рекурсивность коммеморативного события является механизмом ретроспективной автокоммуникативности, реализуемой как рефлексия над событием о событии. Если представить коммеморативное событие как трехслойную ядерно-периферийную структуру, то ядром оказывается событие прошлого, первый слой периферии представлен практикой коммеморации, а внешний слой периферии являет собой оценочное комментирование предыдущих двух слоев. Механизм действия рекурсии в коммеморации заключается в двуправленном спиралевидном движении дискурса от периферии к ядру и от ядра к периферии – от рефлексии над событием к самому событию и от события к рефлексии, где каждый последующий слой имитирует предыдущие. Спиралевидное движение дискурса позволяет расширить фрейм события, включая представителей разных поколений и выстраивая связь между прошлым, настоящим и будущим.

Вторичность коммеморативного события по отношению к коммеморируемому придает коммеморации ярко выраженный нарративный характер «повествования о повествовании», в связи с чем некоторые ее дискурсивные проявления могут быть описаны с применением нарратологической терминологии. Так, рекурсия в коммеморации может быть описана при помощи термина «диегезис», заимствованного нарратологией из теории кинематографа для обозначения реальности внутри художественного произведения и способа ее создания. По определению Ж. Женетта, диегезис понимается в общем смысле как «пространственно-временной универсум, обозначаемый повествованием», «то, что относится или принадлежит к истории» [Женетт, 1998, с. 278–279]. В художественном произведении диегезис реализуется на трех нарративных уровнях (уровнях повествования о событии) – «экстрадиегетическом», уровне самого акта литературного творчества; «диегетическом, или интрадиегетическом», уровне излагаемого события; «метадиегетическом», уровне рефлексии над событием диегетического уровня

[Женетт, 1998, с. 239]. Переключение может осуществляться как с сохранением действующих лиц, так и с их заменой и / или введением новых.

В коммеморации экстрадиегетическому нарративному уровню соответствует коммеморативное событие, диегетическому уровню – коммеморируемое событие, метадиегетическому уровню – рефлексия о предыдущих двух. Рекурсия возникает в результате диегетического сдвига между нарративными уровнями – от рефлексии над коммеморативным событием к коммеморируемому событию, где само коммеморативное событие, по сути, является рефлексией над коммеморируемым событием. При этом в результате диегетического сдвига элементы одного нарративного уровня повторяются другими.

В проанализированном материале можно выделить три типа диегетического сдвига в зависимости от того, какой компонент коммеморативного события его осуществляет: сеттинговый (пространственно-временной), агентный и оценочный. Роль шифтера между диегетическими уровнями преимущественно выполняют прецедентные имена и фразы, обстоятельства времени и места, даты, оценочная лексика, дейктические местоимения. Собственно рекурсия осуществляется за счет средств избыточности и перформативности – повторов, плеоназмов, параллелизма, перформативных глаголов, «слов памяти», паремий (сентенциозных клише, таких как пословицы и поговорки) и иных клише.

Следующее сообщение лидера Лейбористской партии Великобритании К. Стармера от 08.06.2022 представляет собой метарепрезентацию коммеморативной церемонии, посвященной 40-й годовщине окончания Фолклендской войны.

Thank you, Mr. Speaker, for hosting the commemoration ceremony on the 40th anniversary of the Falklands war.

HRH The Princess Royal, veterans and MPs came together to remember those whose lives were impacted and pay tribute to our armed forces who served.

Коммеморация осуществляется в формате благодарственного письма Спикеру парламента за проведение коммеморативной церемонии. Уровень рефлексии маркируется характерным для жанра благодарности клише *Thank you* и прецедентным именем-обращением *Mr. Speaker*, уровень коммеморативного события – «словами памяти» (*commemoration, anniversary, to remember, pay tribute*), порядковым числительным *40th*, прецедентными именами-титлами (*HRH The Princess*

¹Recursion // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/recursion> (дата обращения: 04.04.2025).

²Перевод наш. – Е. М.

Royal, MPs), метонимическим местоимением *our*; уровень коммеморируемого события – прецедентным именем *the Falklands war* и клише *those whose lives were impacted*. В данном сообщении диегетический шифтер является агентным: меняются действующие лица (К. Стармер, Спикер, Королевская принцесса, ветераны, члены парламента, вооруженные силы) и выполняемые роли (благодарность, проведение, коллективный сбор, поминовение).

Большая часть информации имеет избыточный характер, который выражен путем вербализации типичных для коммеморативного события слотов (участники и их роли, коллективность, памятование, павшие в боях), использования «слов памяти» (*commemoration, anniversary, to remember, pay tribute*) и плеоназма (*our armed forces who served*).

Все сообщение целиком носит перформативный характер, что достигается при помощи перформативных глаголов (*Thank you, came together to remember <...> and pay tribute*).

Выявленные дискурсивные механизмы позволяют расширить фрейм коммеморативного события за счет включения новых потенциальных участников и оценки события относительно текущей идеологии, не задействуя при этом избыточных ресурсов пространства, времени и языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа материала исследования было установлено, что коммеморативное событие отличается от многих других коммуникативно опосредованных событий ретроспективной автокоммуникативностью. Она позволяет реализовывать в коммеморации мнемоническую функцию преодоления временных разрывов, способствует созданию континуума времени и передаче по нему опыта и наследия прошлого. Было выявлено расхождение между ментальной и дискурсивной репрезентациями коммеморативного события. Оно заключается в том, что коллективная память, которая в бытовом понимании позиционируется как основа, цель и результат коммеморации, не представлена ментально в качестве отдельного компонента событийного фрейма (лишь как часть компонента «объект», т. е. знаний о прошлом), но объективируется дискурсивно как альтернативная реальность с явно выраженным пространственным измерением. К дискурсивным механизмам конструирования коллективной памяти как пространственной категории относятся мифологизация, стереотипизация и рекурсия. Результаты исследования подчеркивают ключевую роль языка в формировании коллективной памяти народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурашова Е. П. Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 65–71.
2. Мурашова Е. П. Лингвистические аспекты политической коммеморации // Научный альманах Института международных отношений и социально-политических наук: сборник статей / отв. ред. В. Н. Пивовар. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025. С. 93–97.
3. Левченко М. Н. Дискурсивное событие «назначение на должность»: специфика архитектуры официального дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 2. С. 1–14. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1267> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Косиченко Е. Ф., Казакова И. В. Лингвосемиотика событийной коммуникации (на материале новостных сообщений интернет-канала Би-би-си) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 57–64. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57.
5. Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория событийности в интердискурсе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 3. С. 59–76. DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-05.
6. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.
7. Ирисханова О. К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
8. Reisigl M. The Semiotics of Political Commemoration // The Routledge Handbook of Language and Politics / Ed. by R. Wodak, B. Forchtner. L. and N. Y.: Routledge, 2018. P. 368–382.
9. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2010. С. 163–177.
10. Евграфова Ю. А. Автокоммуникация в АСМР-дискурсе: средства достижения интроспекции // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 303–308.

11. Заботкина В. И. Репрезентация событий в когнитивных моделях и дискурсе: аксиосфера культуры // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук: коллективная монография / отв. ред. В. И. Заботкина. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 28–45.
12. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information // *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology* / ed. by D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 65–103.
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 4 (13). С. 8–16.
14. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
15. Dällenbach L. *The Mirror in the Text*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
16. Женетт Ж. *Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2: Фигуры III.*

REFERENCES

1. Murashova, E. P. (2024). The main features of the commemorative discourse (An analysis of authentic English-language texts). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(887), 65–71. (In Russ.)
2. Murashova, E. P. (2025). *Lingvisticheskie aspekty politicheskoy kommemoracii = Linguistic Aspects of Political Commemoration*. Nauchnyj al'manakh Instituta mezhdunarodnykh otnoshenij i social'no-politicheskikh nauk (pp. 93–97): collection of papers. Moscow: Izdatel'stvo: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. (In Russ.)
3. Levchenko, M. N. (2023). Discursive event “appointment to a position”: the specifics of the architectonics of the official document. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2, 1–14. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1267> (access: 14.04.2025). (In Russ.)
4. Kosichenko, E. F., Kazakova, I. V. (2023). Linguosemiotics of event communication (analysis of BBC Homepage news). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(877), 57–64. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57. (In Russ.)
5. Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Category of eventfulness in interdiscourse. *Philological Class*, 27(3), 59–76. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-05. (In Russ.)
6. Deleuze, G. (2011). *Logika smysla = The Logic of Sense*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
7. Iriskhanova, O. K. (1997). *Semantika sobytiinykh imen sushchestvitel'nykh v yazyke i rechi = Semantics of event nouns in language and speech: abstract of PhD thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
8. Reisigl, M. (2018). The semiotics of political commemoration. In Wodak, R., Forchtner, B. (Eds.), *The Routledge handbook of language and politics* (pp. 368–382). L. and N. Y.: Routledge.
9. Lotman, Yu. M. (2010). *Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoi» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) = Autocommunication: «I» and «Another» as addressees (about two models of communication in the system of culture)*. In Lotman, Yu. M. *Semiosfera* (pp. 163–177). St. Petersburg: Art-SPB. (In Russ.)
10. Evgrafova, Yu. A. (2024). Autocommunication in ASMR-discourse: means of achieving introspection. *Cognitive Studies of Language*, 5(61), 303–308. (In Russ.)
11. Zabotkina, V. I. (2017). *Reprezentatsiya sobytii v kognitivnykh modeliakh i diskurse: aksiosfera kul'tury = Representation of events in cognitive models and discourse: axiosphere of culture*. In Zabotkina, V. I. (Ed.), *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (pp. 28–45): kollektivnaya monografiya. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
12. Fillmore, Ch. J. (1971). Types of lexical information. In D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits (eds.), *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology* (pp. 65–103). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z. (2007). On mental representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4(13), 8–16. (In Russ.)
14. Flad, Ch. (2004). *Politicheskii mif. Teoreticheskoe issledovanie = Political Myth: A Theoretical Introduction*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
15. Dällenbach, L. (1989). *The mirror in the text*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Genette, G. (1998). *Figures (vol. 2. Figures III): in 2 vols*. Moscow: The Sabashnikov Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурашова Екатерина Павловна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murashova Ekaterina Pavlovna

PhD in Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Science

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication

Особенности концептуализации исторической памяти в документальном фильме как поликодовом тексте

А. Ю. Саломахин

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
anatoly.salomakhin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются процессы концептуализации исторической памяти в поликодовом тексте на основе многосерийного документального фильма «Les Rois de France» («Короли Франции»). Цель исследования – определить особенности взаимодействия визуальной, аудиальной и вербальной кодовых систем, конституирующих концептуально-семантическое единство документального фильма. Выявление поликодовых способов концептуализации исторической памяти осуществлялось с использованием таких методов, как лингвопрагматический, семиотический, контекстуальный и дискурс-анализ. Исследование показало, что в документальном фильме концептуализация памяти реализуется посредством визуальных символов власти, исторической иконографии, реконструкции и хроники, а также эмоционально окрашенных музыкальных и звуковых эффектов, экспрессивных языковых средств, позволяющих прагматически эффективно воссоздать образ прошлого как неотъемлемой составляющей культурного наследия Франции.

Ключевые слова: историческая память, документальный фильм, поликодовый текст, концептуализация, визуализация, концептуально-семантическое единство

Для цитирования: Саломахин А. Ю. Особенности концептуализации исторической памяти в документальном фильме как поликодовом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 71–78.

Original article

Conceptualization Features of Historical Memory in Documentary Film as Polycode Text

Anatoly Yu. Salomakhin

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
anatoly.salomakhin@gmail.com

Abstract. The article examines the conceptualization processes of historical memory in a polycode text based on the serial documentary film “Les Rois de France.” The purpose of the study is to determine the interaction features of visual, audio and verbal code systems that constitute the conceptual and semantic unity of the documentary. The identification of polycode means of conceptualizing historical memory was carried out using the linguopragmatic, semiotic, contextual and discourse analysis methods. The study showed that in the documentary, conceptualization of memory is implemented through visual symbols of power, historical iconography, reconstruction and chronicles, as well as emotionally colored musical and sound effects and expressive means, allowing pragmatically effective reconstruction of the past image as an integral part of cultural heritage of France.

Keywords: historical memory, documentary film, polycode text, conceptualization, visualization, conceptual-semantic unity

For citation: Salomakhin, A. Yu. (2025). Conceptualization features of historical memory in documentary film as polycode text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 71–78. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Историческая память как феномен коллективного сознания представляет собой не только хранилище фактов о событиях прошлого, она выступает также в качестве действенного способа актуализации опыта, ценностей и идентичности, транслируемых в обществе через различные культурные каналы. В последние десятилетия наблюдается рост научного интереса к тому, как историческая память моделируется, транслируется и концептуализируется с помощью языка и других кодовых систем, а также каким образом она репрезентируется в современных медиатекстах. Данный вопрос особо актуален в условиях нарастающей мультимодальности. А. Ассманн, развивая идеи медиапамяти, подчеркивает, что в современном обществе память материализуется на мультимодальных носителях (фильмах, выставках, перформансах), в которых вербальный и визуальный коды взаимодействуют в построении коллективной идентичности [Assmann, 2006]. П. Нора характеризует историческую память как механизм, с помощью которого происходит закрепление ключевых для культуры представлений о прошлом. Он опирается на конкретные знаки (тексты, образы, пространства), используя при этом понятие «lieux de mémoire» (места памяти) [Нора, 1999, с. 17].

Современное медиaprостранство является глобальным связующим звеном социума, в которых с помощью электронных средств коммуникации происходит тесное взаимодействие вербальных и невербальных компонентов. В совокупности они конструируют новую форму текста. Такие текстовые образования, включающие разные знаковые системы (язык, изображение, звук, графику и др.), принято обозначать термином «поликодовый текст». Он характеризуется «наличием в нем словесного и изобразительного компонента, что обусловлено максимальной информационной нагрузкой на органы слуха и зрения человека» [Новоспаская, Дугалич, 2022, с. 303], обеспечивающей максимально эффективное воздействие на адресата. Именно документальное кино как семиотически сложенное сообщение выступает одним из социально значимых способов актуализации исторической памяти в медийном пространстве. Документалистика представляет собой не только средство реконструкции исторически важных событий, но и сложившийся шаблон, по которому происходит дискурсивное конструирование прошлого.

Комплексный анализ поликодовых текстов, транслирующих историческое прошлое, требует обращения к инструментарию семиотики, прагматики и дискурсивного анализа. Язык, структурируя

и направляя восприятие прошлого, одновременно выступает в качестве интерпретатора, с помощью которого создается когерентный исторический нарратив. Он активирует культурные коды и транслирует идеологически маркированные концептуальные смыслы. Под концептуализацией исторической памяти в работе понимается процесс языкового и семиотического оформления прошлого, в ходе которого определенные события, фигуры и идеи встраиваются в когнитивно-культурное пространство современности.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения исторической памяти, средств и способов ее трансляции, объективации и концептуализации. Виды и механизмы памяти изучались в культурно-историческом, психологическом, когнитивном аспектах. Научный интерес представляет особенности трансляции исторической памяти в документальном фильме. Исследование данного информационного пласта осуществляется посредством выявления характера взаимодействия нескольких кодовых систем. Они позволяют не только объемно и многопланово представить процессы концептуализации памяти, но также сформировать заданное авторами ценностное восприятие знаковых исторических событий и фактов.

Новизна работы заключается в осуществленном впервые выявлении и анализе механизмов и средств поликодового исторического нарратива, конституирующих образ прошлого Франции. Тем самым историческое прошлое транслируется и закрепляется в коллективной памяти. Попутно подтверждается прагматический потенциал визуального ряда, не только иллюстрирующего, но и эффективно кодирующего сообщение посредством символов власти, веры и национальной идентичности, памятных мест, музыкальных и звуковых эффектов, концептуализирующих в их тесном взаимодействии образ эпохи.

В качестве основных задач исследования были определены:

- 1) описание типологических характеристик документального фильма как поликодового текста;
- 2) выявление особенностей взаимодействия семиотических систем, обеспечивающих реконструкцию прошлого и концептуализацию исторической памяти в документальном фильме;
- 3) описание механизмов и средств интерпретации и объективации исторической памяти в поликодовом тексте.

Материалом для исследования послужил документальный фильм французского производства «Les Rois de France, 15 siècles d'histoire»

(«Короли Франции, 15 веков истории»)¹. Перевод приводимых контекстов выполнен автором статьи. Исследовательский акцент сделан на репрезентации исторической памяти с фокусом на максимально информативном вербальном компоненте оригинальной французской звуковой дорожки, а также на взаимодействии визуальных и аудиальных форм репрезентации информации.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА В АСПЕКТЕ ПОЛИКОДОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В рамках современной антропоцентрической лингвистики поликодовый текст является объектом междисциплинарного интереса. Поликодовость изучают с точки зрения семиотики, прагматики, дискурсивной лингвистики и когнитивных теорий. В исследованиях, посвященных поликодовым текстам, также зачастую встречаются термины, использующиеся как близкие или тождественные друг другу по значению и характеристике: креолизованный, гетерогенный, интерсемиотический, мультимодальный текст. Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов указывают, что в креолизованном тексте вербальные и изобразительные компоненты образуют единое визуально-смысловое целое, обеспечивая комплексное воздействие на адресата [Сорокин, Тарасов, 1990]. Э. Е. Анисимова дает схожее определение поликодового текста, также называя его креолизованным. Креолизованный текст трактуется при этом как процесс, в котором передаваемая информация закодирована неоднородными элементами. Они представлены в виде вербальных и невербальных компонентов, объединенных в определенную структуру взаимосвязанных между собой частей в содержательном аспекте [Анисимова, 2003].

Научный интерес к поликодовости обусловлен не только ее высокой коммуникативной эффективностью, но и необходимостью осмысления новых форм репрезентации знаний, в частности, знаний исторического характера. Использование множества кодов при производстве документальных материалов позволяет не просто дублировать информацию, но усиливать ее выразительность, воздействовать на эмоциональный и рациональный уровни восприятия зрителя, а также структурировать нарратив и направлять его интерпретационное видение аудитории. Ссылаясь на исследователей, необходимо подчеркнуть, что «интерпретация зависит от глобального контекста: от эпохи, литературного направления, социально-политической ситуации,

специфики культуры, философского мировоззрения и многих других экстралингвистических факторов» [Горожанов, Гусейнова, 2021, с. 8]. Историческая память в данном медийном пространстве не просто демонстрирует прошлое как совокупность фактов, но активизирует деятельность зрительского восприятия посредством фиксирования внимания на значимых элементах прошлого, превращая их в символические ориентиры настоящего.

«Семиотический подход к анализу поликодового текста наиболее фундаментален. Он представлен в работах Ю. М. Лотмана. Он представлен в работах Лотмана, который рассматривает кино и другие мультимодальные тексты как системы, существующие на стыке языка, изображения и других знаковых систем» [Лотман, 1973]. Содержательная часть кинотекста, его смысл и суть формируются при этом не по отдельности с помощью визуальных или вербальных кодов, а в их тесном взаимодействии. В частности, документальные фильмы как особый тип поликодовых текстов демонстрируют богатый потенциал для актуализации исторической памяти с последующей ее интерпретацией аудиторией, поскольку они объединяют речь, изображение, музыку, графику и монтажные приемы в единую семиотическую систему.

С позиции дискурсивности поликодовый текст рассматривается в контексте социальных, идеологических и культурных условий его порождения и восприятия. «Дискурсивная практика зависит не только от национальных традиций структурирования и стилового оформления текста, институциональных установок, развития информационных технологий, но и от типа мышления, определяющего направление и горизонты развития темы, способов языковой концептуализации знаний, степени проявления творческой активности субъекта речи» [Евтушенко, 2012, с. 145]. Этот подход восходит к работам Н. Фэйрклафа, который рассматривает тексты как репрезентации определенных дискурсов. Эти дискурсы, в свою очередь, способствуют воспроизводству и закреплению социальных практик и властных отношений. «Дискурсивные конвенции могут воплощать натурализованные идеологии, которые делают их наиболее эффективным механизмом для поддержания превосходства. Более того, контроль над дискурсивными практиками институтов является одним из измерений культурной гегемонии» [Fairclough, 1995, с. 91]. Иными словами, коммуникативно-прагматический потенциал поликодового текста в процессе концептуализации истории позволяет задействовать визуальные и вербальные коды в формировании идеологических установок, коллективной памяти и культурной идентичности. В документалистике, к примеру,

¹Les Rois de France. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLC4siPTFsziR7xycGUChB7_rVOaX5EdiD (дата обращения: 28.05.2025).

выбор кадров и речевых стратегий способен концептуализировать и закреплять в сознании аудитории определенные модели исторического прошлого или социальной реальности, актуализируя одни интерпретационные векторы и исключая другие.

С прагматической позиции поликодовый текст рассматривается как инструмент, направленный на достижение определенных целей: убеждения, влияния на эмоциональный спектр или актуализации заложенных автором смыслов [Анисимова, 2003]. Такого рода паралингвистически активный текст оперирует своими методами построения повествования посредством «графической нормы». «Контуры коммуникативно-прагматических норм нередко едва ощутимы, вместе с тем они являются достаточно устойчивыми ориентирами для производства и восприятия паралингвистически активных текстов, так как в них отражаются и закрепляются речевые и визуальные стереотипы передачи информации в типовых условиях общения» [Анисимова, 2003, с. 9].

Таким образом, мы можем говорить об определенных нормах оформления «внешнего вида» поликодового текста. Знание этих норм позволяет коммуникантам безошибочно отличать художественное произведение от документального без глубокого проникновения в содержание самого текста. В документалистике, например, преобладают статичные планы с участием экспертов и репрезентативные архивные материалы. Интерес в этом отношении представляет исследование С. Холла, посвященное проблемам кодирования и декодирования медиатекста. Автор подчеркивает, что медиатекст, начиная с самых первых этапов его производства, кодируется создателями с «предпочтительным значением» (*preferred reading*), которое отражает, по большому счету, доминирующую идеологическую установку материала [Hall, 2005, с. 124]. Иными словами, благодаря совмещению нескольких каналов передачи информации (зрительного, слухового, вербального, иконического), документальный сериал способен не только предоставить справочно-исторические сведения о прошлом, но и символически «оживить» его в культурной памяти зрителей.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В современных антропологических исследованиях памяти как механизма закрепления значимых представлений о прошлом подчеркивается, что медиа играют ключевую роль в конструировании образов прошлого. По мнению Й. Кортти, «медиа-память – это систематическое исследование коллективного прошлого средствами медиа, которое

непрестанно формирует наше понимание истории» [Kortti, 2022, с. 94]. Документальные фильмы, будучи элементом культуры «исторического наследия», транслируют значимые для социума исторические события, а также определённые взгляды на прошлое и исторические оценки. Тем самым создатели документальных фильмов участвуют в формировании коллективных представлений о значимых исторических событиях. Изучаемый нами документальный многосерийный фильм «Les Rois de France» мы рассматриваем как компонент социально, культурно-исторически и ментально значимой медиапамяти. В фильме не только излагаются факты о королях, но и в заданном ракурсе репрезентуется прошлое. Оно воспроизводится с помощью ряда взаимодействующих кодов, совокупность которых знаменует определенный образ монархической Франции. Рассмотрим далее, какими средствами и стратегиями этот исторический поликодовый нарратив создает образ прошлого и какие ценности коллективной памяти он транслирует.

Визуальный код в документальном сериале играет центральную роль в концептуализации исторической памяти. Создатели сериала активно используют приемы исторической реконструкции, когда на экране оживают ключевые события и сцены из жизни монархов, переданные с помощью задействованных актеров, костюмов и декораций для воссоздания аутентичного характера той эпохи. Например, эпизоды, посвященные Средневековью, демонстрируют важные политические переговоры и придворные церемонии в готических залах, погружающие зрителя в визуальную атмосферу прошлого. Декорации и костюмы функционируют как знаки-иконы, непосредственно отсылающие к историческим традиционной символике и тем самым делающие прошлое зримым и конкретным. Через эти иконические знаки фильм апеллирует к культурной памяти зрителей, вызывая ассоциации с широко известными изображениями из учебников истории, живописных полотен и памятников.

В каждой серии мы можем наблюдать, как создатели активно задействуют историческую хронику и иконографию, которые в визуальном ключе репрезентируют прошлое, подтверждая объективность его существования. На экране появляются старинные гравюры, живописные портреты монархов, изображения замков и документов. Включение этих аутентичных артефактов выполняет функцию легитимации и авторитетности нарратива: хроникальные кадры и портреты служат доказательной базой объективности повествования. Таким образом, визуальный ряд не только иллюстрирует, но и эффективно кодирует сообщение: зрителю предлагаются символы власти (корона, скипетр), веры

(соборы, реликвии) или национальной идентичности (карта королевства, флаг с лилиями), благодаря которым конституируется образ эпохи, получающей отражение в лице каждого монарха.

Отдельно отметим важность концептуализации знаковых мест памяти (*lieux de mémoire*). Так, фильм демонстрирует Реймский собор, где традиционно короновались франкские и французские короли, замок Блуа или Фонтенбло, связанный с определенными династиями, и др. Как отмечал П. Нора, коллективная память групп концентрируется вокруг конкретных символических мест, являющихся опорными пунктами воспоминания и идентичности [Нора, 1999]. Визуализируя такие места, фильм буквально укореняет память о монархах в географическом и архитектурном пространстве современной Франции, еще в большей мере актуализируя фактологическую составляющую сообщения. Кадры с видами величественных соборов, дворцов и гробниц монархов создают эффект прямой преемственности: зритель понимает, что материальные свидетельства эпохи окружают его и поныне, что история королей оставила осязаемый след в современном культурном ландшафте страны.

Наряду с визуальной составляющей важнейшим каналом формирования исторической реальности выступает вербальный код, который проявляется посредством закадрового голоса диктора, выступлений участников и экспертов. Фильм «*Les Rois de France*» задействует характерный для документалистики экспозиционный режим повествования. Он реализуется посредством голоса за кадром, излагающего события хронологически, связывая отдельные сцены в единое событийное пространство. Интонация диктора нейтрально-объективна, она вызывает доверие, создавая эффект достоверности и императивно-оценочной интерпретации. Оценочное высказывание представляет собой «интенционально обусловленное наделение положительными или отрицательными свойствами объекта наблюдения с целью оказать заданное влияние на адресата» [Серебрякова, Кибкало, 2024, с. 75]. Например, в эпизоде о жизни Франциска I диктор отмечает, как король, вдохновившись итальянской архитектурой, захотел построить что-то похожее, объединив итальянский стиль и французские традиции.

Ces loggias sont directement inspirées de loggias qui ont été construites dans les États du Pape à Rome où palais du Vatican, même plus précisément à Belvédère. Et François 1er, à cette tradition française, cette influence italienne, il va vouloir faire des choses **nouvelles, exceptionnelles**, sans équivalent en Europe. – Эти

лоджии напрямую вдохновлены лоджиями, которые были построены во владениях Папы в Риме или в Ватиканском дворце, даже в Бельведере. И Франциск I, следуя этой французской традиции и этому итальянскому влиянию, захочет сделать что-то **новое, исключительное**, не имеющее аналогов в Европе¹.

Таким образом, делая акцент на оценочных определениях *новое* и *исключительное*, диктор (приглашенный эксперт) создает образ короля как культурного инноватора. Используемые прилагательные имеют четко выраженную прагматическую установку показать уникальность деяний Франциска I, выделяя его фигуру среди других монархов и делая описываемый эпизод исторически значимым.

Вербализация дискурса документального фильма характеризуется определенной нарративной стратегией, которая выступает одним из способов концептуализации истории. Каждый эпизод является хроникой царствования, что создает персонализированный нарратив. Он концентрируется на ключевых моментах (победах и поражениях), ассоциируемых с конкретной фигурой монарха. Исторический процесс предстает как череда свершений «великих людей», что способствует формированию эмоциональной причастности реципиента к деяниям ярких личностей, закреплению транслируемых образов в памяти.

Фильм не состоит только из сухого констатирования хроники политических актов. Осознанно используются повествовательные приемы драматизации, приближающие документальное изложение к художественному. В сценарий включаются сюжетные линии и эпизоды из личной жизни монархов: династические браки, романы и фаворитки, придворные интриги, драмы наследования.

Catherine pensait bien que le fait qu'elle ne soit pas de sang royal pousserait la cour à la négliger, mais elle n'était pas préparée à devoir faire face à une rivale auprès de son mari.

Diane est sûre d'elle, intelligente et très influente à la cour.

Dépossédée de son rôle d'épouse, Catherine se consacre à la seule fonction qui lui reste: donner au prince un héritier...

Екатерина считала, что тот факт, что она не королевской крови, заставит двор пренебречь ею, но она не была готова столкнуться с соперницей своего мужа.

Диана уверена в себе, умна и очень влиятельна при дворе.

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

Лишенная роли жены, Екатерина посвящает себя единственной оставшейся у нее функции: подарить принцу наследника...

Например, в приведенном выше эпизоде, посвященном правлению Генриха II, повествование затрагивает его брак с Екатериной Медичи и отношения с Дианой де Пуатье. Подобного рода «человеческие» элементы вводятся для выполнения функции психологической аттракции, что позволяет реципиенту интерпретировать образы королей как живых людей с их пороками и слабостями. В результате исторические фигуры демифологизируются, приобретают объемность характера, усиливая эффект присутствия.

Аудиальный код сериала не ограничивается словесным повествованием. Музыка и звук выполняют значимую роль в конструировании эмоционального фона и символической идентификации эпох. В фильме «Les Rois de France» музыкальное оформление тщательно подобрано в корреляции с содержанием каждой сцены, превращаясь в самостоятельный семиотический ресурс исторического нарратива. Например, во время описания сцен битв или упоминания таковых создатели иллюстрируют их аудиальным сопровождением (удары клинков, горящий огонь и выстрелы из орудий).

Pendant la majeure partie de la vie de Louis XIII, la France et l'Espagne furent **en guerre**. Le jeune roi fut donc instruit dans l'art de gouverner un pays qui se devait d'être victorieux, mais manquer cruellement d'argent. – Большую часть жизни Людовика XIII Франция и Испания находились **в состоянии войны**. Таким образом, молодой король обучался искусству управления страной, которая должна была победить, но испытывала острую нехватку денег.

В данном отрывке упоминание диктором военного положения в стране подкрепляется аудиальной составляющей. Она выполняет функцию эмоционального кода, посредством которого прошлое предстает не только в виде структур знания, но и на уровне чувств, формируя, таким образом, многомерные реалии того времени. Это важно для концептуализации исторической памяти, поскольку эмоциональная коллективная сопричастность укрепляет общность восприятия

истории внутри социума и формирует идеологическую основу. И. А. Гусейнова и А. И. Горожанов справедливо отмечают, что идеологический компонент трансляции знаний «основан на системе философских взглядов, отражающих государственные интересы и предпочтения» [Гусейнова, Горожанов, 2023, с. 69].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенные выше наблюдения, отметим, что в документальном многосерийном фильме «Les Rois de France» задействован целый ряд семиотических систем, позволяющих наглядно, зримо, эмоционально и действенно реконструировать прошлое и концептуализировать историческую память. Реализуемый в процессе повествования поликодовый дискурс интегрирует объективную достоверность и художественную выразительность, создавая мультимодальную реконструкцию прошлого. Анализ визуальных, вербальных и звуковых кодов сериала свидетельствует о целенаправленном использовании символов власти, нарративных схем и эмоциональных маркеров для формирования коллективного образа французской монархии. В культурно-идеологическом смысле фильм способствует интеграции монархической истории в актуальную идентичность нации, подчеркивая преемственность между эпохами и ценность прошлого для современности. Таким образом, сериал «Les Rois de France» выполняет двойную ретроспективную задачу, возрождая в памяти ключевые фигуры и концептуализируя в сознании аудитории исторические события, а также транслируя аудитории определенные исторические смыслы и уроки. Подобные проекты часто выполняют своего рода мнемоническую миссию посредством актуализации исторической памяти через медиа. Таким образом, фильм служит медиатором памяти между прошлым и настоящим, оживляя периоды истории, которые формируют основу национальной культуры.

Перспектива исследования видится в сравнительно-сопоставительном исследовании монархического прошлого России и Великобритании, определении универсальных и этнокультурных ценностных ориентиров и особенностей концептуализации исторической памяти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: C. H. Beck, 2006.
2. Нора П. [и др.] Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. Д. Хапаевой, науч. конс. перевода Н. Копосов. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999.

3. Новоспасская Н. В., Дугалич Н. М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20 (3). С. 298–311.
4. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 178–187.
5. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
6. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков): монография. Казань: Бук, 2021.
7. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973.
8. Евтушенко О. В. Дискурсивное воплощение трех типов мышления: прошлое и настоящее // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 5 (638). С. 145–153.
9. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995.
10. Hall S. Culture, Media, Language. London: Taylor & Francis, 2005. 2d ed.
11. Kortti J. War, transgenerational memory and documentary film: mediated and institutional memory in historical culture // Rethinking History. 2022. Vol. 26. № 1. P. 93–112.
12. Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 72–83.
13. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6

REFERENCES

1. Assmann, A. (2006). Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: C.H.Beck.
2. Nora, P. et al. (1999). Frantsiya-pamyat' = France-memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimeges, M. Vinok. St.Petersburg: Saint-Petersburg State University Publishing House. (In Russ.)
3. Novospasskaya, N. V., Dugalich, N. M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. Rusistika, 20(3), 298–311. (In Russ.)
4. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funkciya = Creolized texts and their communicative function. Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya (pp. 178–187): kollektivnaya monografiya. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts). Moscow: Akademiya. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2021). Prikladnyye aspekty analiza i interpretatsii tekstov (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov): monografiya = Applied aspects of text analysis and interpretation (based on the German and Russian languages): monograph. Kazan: Buk. (In Russ.)
7. Lotman, Yu. M. (1973). Semiotika kino i problemy kinoestetiki = Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Esthetics. Tallinn: Eesti Raamat. (In Russ.)
8. Evtushenko, O. V. (2012). Three types of thinking in discourse: past and present. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 5(638), 145–153. (In Russ.)
9. Fairclough, N. (1995). Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman.
10. Hall, S. (2005). Culture, Media, Language. London: Taylor & Francis. 2d ed.
11. Kortti, J. (2022). War, transgenerational memory and documentary film: mediated and institutional memory in historical culture. Rethinking History, 26(1), 93–112.
12. Serebriakova, S. V., Kibkalo, R. I. (2024). Evaluation as a pragmatically significant marker of the author's presence in astronomical popular scientific discourse (based on V.G. Surdin's texts). Proceedings of southern Federal University. Philology, 28(3), 72–83. (In Russ.)
13. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a factor of translation: traditions in innovations. Vestnik of Volgograd State University. Series 2. Linguistics, 22(3), 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саломахин Анатолий Юрьевич

аспирант

ассистент департамента лингвистики

Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salomakhin Anatoly Yuryevich

PhD student

Lecturer at the Linguistic department

North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.07.2025
01.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Меметизация реальности как попытка деконфликтологизации: лингвокультурологический взгляд на деконструкцию серийного мема

О. В. Сапунова¹, Г. В. Денисова²

^{1,2}МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹sapunovaov@my.msu.ru,

²denissovagv@my.msu.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить механизм создания серии мемов и классифицировать виды мемов, составляющих серию, в зависимости от принципа их создания. В статье вводится понятие серийного мема и предпринимается попытка определить причины его возникновения, описать структурную модель и проследить фазы его существования. Предлагается ввести понятие нулевого мема – исходного экземпляра, вариации которого приводят к возникновению серии данного мема, что обуславливает его вирусную природу. На материале четырех серийных мемов производится их деконструкция и качественный контент-анализ для выявления метасемы нулевого мема и концептуального ядра серии. Авторы приходят к выводу, что причиной появления нулевого мема является карнавализация реальности, однако впоследствии в результате многочисленных вариаций метасема утрачивается. Этот феномен особенно четко прослеживается в пародиях на мем, результатах стилизации нулевого мема и его амальгамации с другими мемами.

Ключевые слова: карнавализация, нулевой мем, серийный мем, серия мема, деконструкция мема, метасема, концептуальное ядро мема, пародия на мем, амальгамация мемов

Для цитирования: Сапунова О. В., Денисова Г. В. Меметизация реальности как попытка деконфликтологизации: лингвокультурологический взгляд на деконструкцию серийного мема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 79–89

Original article

Memetization of Reality as a Means of its Deconflicting: a Linguistic and Cultural View on the Deconstruction of a Serial Meme

Olga V. Sapunova¹, Galina V. Denisova²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹sapunovaov@my.msu.ru,

²denissovagv@my.msu.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the mechanism of creating a serial meme and classify their types, depending on the principle of their creation. The article introduces the concept of serial meme and outlines the reasons for its inventing. It also describes the structural model of a serial meme and traces the phases of its existence. The authors introduce the concept of a zero meme, which is an initial version of a meme, whose altering lead to creating a range of related memes (a meme series). Thus, a viral nature of this genre is exhibited. The authors undertake the method of meme deconstruction and conduct a qualitative content analysis to boil down four serial memes to their meta seme and extract the conceptual core of the series. The authors conclude that carnivalization of reality underlies the process of zero meme creation. However, numerous variations of a zero meme

lead to the loss of its meta seme. This phenomenon can be observed in parodies of a meme, samples of meme stylisation and the amalgamation of memes.

Keywords: carnivalisation, zero meme, serial meme, meme series, meme deconstruction, meta seme, meme conceptual core, parody of a meme, meme amalgamation

For citation: Sapunova, O. V., Denissova, G. V. (2025). Memetization of Reality as a Means of its Deconflicting: a Linguistic and Cultural View on the Deconstruction of a Serial Meme. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(903), 79–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Интернет-коммуникация сегодня является наиболее перспективной и актуальной областью изучения коммуникативных процессов, формирующихся в новых экстра- и интралингвистических условиях. Изучение интернет-коммуникации является востребованным еще и потому, что цифровая революция коренным образом отразилась на языке, который, приспосабливаясь к новым условиям, необратимо трансформируется и обновляется. Новые цифровые факторы интернета, такие как мультимедийность, нелинейность, модульность, гипертекстуальность, высвобождают, в первую очередь, креативный потенциал интернет-коммуникации и приводят к модернизации традиционных, уже известных и изученных форм коммуникации в целом. Иными словами, интернет-среда стала своеобразной лабораторией, производящей коммуникативный эксперимент, результаты которого необходимо наблюдать и анализировать [Иванова, Клушина, 2021].

Текст, создаваемый в современном информационном обществе и осуществляющий коммуникативное воздействие на реципиента, является сложным единством слова и визуального образа, соединяющим рациональное начало и эмоционально-чувственные оценки; в то же время он представляется комплексным культурно-специфическим поликодовым феноменом. Именно поликодовый формат современного коммуникативного пространства часто создает семантический контраст между вербальным и визуальным элементами, и – более того – обуславливает особый модус восприятия и интерпретации сообщения, т. е. фактически осуществляет рефрейминг за счет расширения или сужения прежнего фрейма на основе создания нового контекста восприятия.

Современное коммуникативное пространство поликультурно, следовательно, тексты, которые мы создаем и воспринимаем, сообщения, которыми мы обмениваемся, интегрируют множество кодов – культурных, идеологических [Гусейнова, Горожанов, 2023; Guseynova, Gorozhanov, 2024], лингвистических, семантических, стилистических,

графических. Этот факт определяет особенности восприятия и интерпретации поликодового текста [Денисова, Смирнова, Сапунова, 2023; Денисова, Гладкова, Сапунова, 2024], а также свидетельствуют о жанровой гибридизации: предпосылками исчезновения одних жанров и формирования новых форм в результате гибридизации являются текущие запросы общества [Гусейнова, Косиченко, 2024]. Наиболее ярким примером подобной креолизованности можно считать мем, сочетающий в себе вербальные и визуальные коды различной этимологии, в том числе культурные. Скорость появления и распространения мемов свидетельствует о значимой роли этого жанра в современной медиакommunikации. Однако механизмы появления мемов остаются малоизученными, что определяет актуальность настоящего исследования.

Новизна данного исследования состоит в анализе трансформации существующего мема и создания его вариантов, а также попытке классификации способов подобной трансформации, что приближает нас к пониманию феномена вирусности. Практическую значимость исследования составляет разработка терминологической системы и выявление типов мемов, что уточняет место данного жанра в интернет-пространстве и медиакommunikации.

Материалом исследования послужили четыре мема и их варианты (общее количество проанализированного материала составляет 126 мемов), собранные в период с июля 2024 года по январь 2025 года в русскоязычном секторе интернет-пространства. Время создания мемов и их вариаций не были ограничены временными рамками.

Первой задачей было выделение существующих способов трансформации мема с целью создания его вариаций. Для этого был проведен качественный контент-анализ исходных мемов, а также качественный контент-анализ их вариаций, в ходе которого оценивались следующие критерии:

- 1) визуальный компонент:
 - персонаж(и);
 - ключевая фигура;
 - композиция (взаимодействие персонажей, фон, центр композиции);

- 2) вербальный компонент:
 - грамматическая правильность;
 - орфографическая правильность;
 - наличие тропов и фигур речи;
 - (только для мемов, составляющих серию мема) повтор слова или фразы из нулевого мема;
- 3) контекст, т. е. ситуация, представленная в меме;
- 4) метасема (для нулевых мемов) / сема (для мемов, составляющих серию мема), т. е. гипотетическая ситуация, спровоцировавшая реакцию автора мема.

Для обеспечения валидности результатов качественного контент-анализа и сопоставительный анализ проводился тремя независимыми экспертами. Результаты экспертиз сравнивались; каждый выявленный случай расхождения интерпретаций обсуждался экспертами для обеспечения консенсусного решения.

Второй задачей была разработка классификации видов мемов, созданных путем трансформации существующего мема. Для этого была проведена деконструкция мемов; за основу метода был взят механизм, представленный М. А. Кронгаузом [Кронгауз, 2012] и доработанный авторами данного исследования.

Третьей задачей было выявление механизма, обеспечивающего вирусность мема и положенного в основу его серийности. На этом этапе для каждой из серий проводилось сопоставление результатов качественного контент-анализа: данные вариаций мемов сопоставлялись друг с другом и с исходным мемом с целью выявления общих семиотических элементов.

РАЗРАБОТКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

М. А. Кронгауз указывает, что первым появившимся мемом была надпись «йа криветко», появившаяся на парте после излишне усложненной лекции по физике [Кронгауз, 2012]. Ключевой особенностью этого протомема стала абсурдность, реализованная через неуместное сравнение (студент и креветка) и намеренное искажение лексико-грамматического строя языка. Изначальный мем, – который в рамках настоящей работы предлагается назвать **нулевым мемом**, – «йа криветко» был реакцией на проблему автора (непонятную и чрезвычайно утомительную лекцию) и попыткой выразить его позицию на данную проблему (отчаяние). В дальнейшем мем получил распространение (изъясняясь в терминах интернет-пространства, стал вирусным контентом): воспроизводилось лексико-грамматическое искажение (формулировки при этом разнились), а

также идея неспособности понять что-то из-за его чрезмерно усложненной подачи и вызванное этим отчаяние.

Как отмечают исследователи, мем представляет собой конгломерат трех составляющих: визуального, вербального и идеологического компонентов [Shifman, 2013]. Нулевой мем получает дальнейшее распространение за счет варьирования визуального и / или вербального компонентов, однако изначальный посыл – идеологический компонент – сохраняется и остается неизменным. В случае с мемом «йа криветко» в вариациях нулевого мема контексты были самые разнообразные – у разных авторов возникали трудности разного рода – однако идея отчаяния, вызванного чрезмерной усложненностью, неизменно транслировалась. В рамках настоящего исследования предлагается терминологизировать идеологический компонент нулевого мема, назвав его **метасемой**. Кроме того, различные реализации нулевого мема, создаваемые за счет варьирования визуального и / или вербального компонента, являются реакцией на разные ситуации и описывают различные контексты, но при этом безошибочно возводятся к нулевому мему; предлагается назвать их **серией** того или иного **мема**, а этот нулевой мем – **серийным**. Визуальные и вербальные компоненты нулевого мема, неизменно воспроизводимые в дальнейших вариациях наряду с метасемой и обеспечивающих его узнаваемость, предлагается назвать **концептуальным ядром мема**; оно может быть вычленено в ходе контент-анализа серии мема.

Этимологически мем является реакцией на коммуникативную неудачу; дальнейшие вариации нулевого мема, реализованные за счет варьирования визуального и / или вербального компонентов, также сигнализировали о коммуникативном сбое и отражали позицию коллективного автора (фактически, общественную реакцию) на острый вопрос или актуальную ситуацию. Приемы, использованные в первом меме и определившие дальнейшее развитие данного жанра, – абсурд и намеренное искажение языка – неизменно приводят нас к **карнавализации**, описанной М. М. Бахтиным [Бахтин, 1990; Гуревич, 1984]. Карнавализация как механизм низведения страшного посредством его высмеивания, гиперболизации и доведения до гротеска с целью осмысления и принятия лежит в основе меметизации. Г. В. Денисова отмечает, что жанр интернет-мема является реакцией на актуальные события трех типов: 1) использование мема в предвыборной коммуникации; 2) использование мема как инструмента социального протеста; 3) использование мема в качестве инструмента «сопровождения» значительных событий [Денисова, Сапунова, 2024, с. 84; Exploring visual culture of COVID-19 memes, 2021].

Рис. 1. Нулевой мем «Карл»

Рис. 2. Вариация мема «Карл»

ТИПЫ СЕРИЙНЫХ МЕМОВ

Одним из наиболее распространенных нулевых мемов является серийный мем «Карл» (например, рис. 1–2): визуальный компонент – фильмоном из популярного сериала «Ходячие мертвецы» – остается неизменным, в то время как вербальная составляющая (являющаяся цитатой из изображаемой сцены названного сериала) меняется, но непременно содержит лексический повтор ключевого слова, обращение «Карл» и определенную синтаксическую структуру:

«Предложение с ключевым словом» + «Ключевое слово» + «Карл!»

Отметим, что визуальный компонент не несет дополнительной семиотической нагрузки, но обеспечивает узнаваемость мема. Метасемой, объединяющей все вариации данного мема (выделяемой наряду с семьей каждой конкретной реализации нулевого мема) является подчеркивание абсурдности или противоречивости описываемой ситуации. Таким образом, концептуальным ядром данного мема является устойчиво воспроизводимый визуальный компонент, ригидная вербальная структура и метасема; варьируются вербальный компонент и контекст.

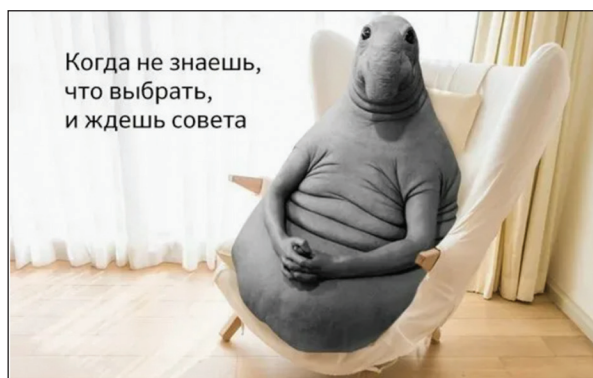

Рис. 3. Нулевой мем «Ждун»

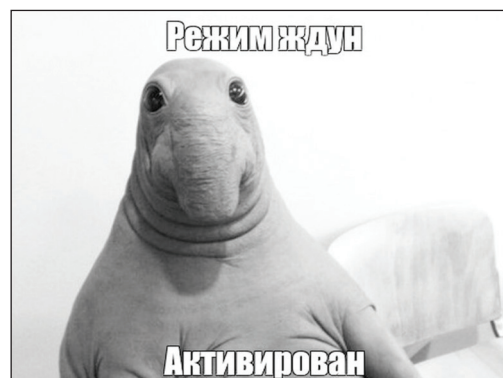

Рис. 4. Вариация мема «Ждун»

Большей вариативностью отличается серийный мем «Ждун» (например, рис. 3 и рис. 4): визуальный компонент мемов данной серии обязательно включает заглавного героя, который предстает на разном фоне и с разнообразными аксессуарами; вербальная составляющая не ограничена дополнительными условиями и не имеет однозначной ассоциации с изображаемым героем. Метасема данной серии мемов является готовность ожидания в неоднозначной, априори безысходной ситуации, имеющей мало шансов на успешное разрешение. Таким образом, концептуальным ядром серии мемов, объединенных героем, известным как Ждун, является ключевой образ (часть визуальной составляющей) и метасема. Вирусная природа мема в данном случае обеспечивается ключевым героем (но не визуальным компонентом целиком).

ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ СЕРИИ МЕМА

Гораздо более сложной задачей представляется деконструкция серии мемов «Наташ, вставай», поскольку при широчайшей вариативности визуального и вербального компонентов, обеспечивается распознаваемость нулевого мема, что автоматически причисляет конкретный мем к серии «Наташ, вставай». История данного мема уникальна еще и потому, что нулевых мема, фактически, два.

Первый нулевой мем представляет собой пятипанельный постер, состоящий из одной и той же фотографии разного масштаба и с разным кадрированием. Героями являются два кота и девушка, к которой они якобы обращаются по имени Наташа; коты – один из которых кажется недовольным и осуждающим – сидят на постели девушки, закрываящей лицо одеялом. Сопоставление визуального и вербального компонента позволяет интерпретировать контекст как настойчивую попытку котов разбудить хозяйку ранним утром с требованием покормить их и сообщением о том, что они устроили беспорядок. Лицо девушки выражает притворный испуг, поскольку коты выражают явное недовольство ею и выглядят суровыми и рассерженными.

Второй нулевой мем имеет иную композицию: героиня становится закадровым персонажем, с ее точки зрения показаны четыре кота, обступившие ее по кругу. От первого нулевого мема сохранилась большая часть вербального компонента: «Наташ, ты спишь?», «Уже (ранний час) часов утра, Наташ», «Вставай, мы там всё уронили» и «Мы уронили вообще всё, Наташ, честно». Во втором нулевом меме коты по-прежнему рано утром будят хозяйку и выражают свое недовольство ею; здесь нет требования котов покормить их, но сохраняется запрос решить проблемы, которые они создали.

Метасемой обоих нулевых мемов, таким образом, является недовольство персонажей героиней и нарушение ее личных границ в своих корыстных целях.

Анализ выборки показал, что визуальный компонент является узнаваемым, если повторяет композицию второго нулевого мема: персонажи обступают закадровую героиню, вид дан с точки зрения героини (17 мемов из 31). Доказательством этого утверждения являются (рис. 5–6): лишенные вербального компонента, они без усилий возводятся к нулевому мему.

Рис. 5–6. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 7. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 8–9. Вариация мема «Наташ, вставай»

При этом неважно, являются ли изображенные персонажи котами (как во втором нулевом меме), львами (например, рис. 7), собаками (рис. 8), голубями (рис. 9), людьми (рис. 10), воображаемыми существами (рис. 11), а также их количество (рис. 6, 8).

Отметим, однако, что именно коты являются непосредственными персонажами мема в 20 случаях из 31, упоминаются еще в 3 мемах (рис. 8–9, 12) и представляются в трансформированном виде еще в 2 мемах (рис. 7, 11). Во всех представленных мемах транслируется идея диалогичности: персонажи обращаются к закадровой героине или – реже – изображены обращенными в ее сторону, но еще не инициировавшими разговор (рис. 5–6).

В мемах, где за основу бралась композиция первого серийного мема, узнаваемость была обеспечена визуальным компонентом только одним случае – когда представлены спящая героиня и пытающийся разбудить ее кот (рис. 13), поскольку точно воспроизведен контекст нулевого мема. Если героиня не изображена на меме, а является закадровым собеседником (например, рис. 7–12), визуальный компонент не позволяет возвести тот или иной мем к нулевым мемам «Наташ, вставай». При этом во всех мемах подразумевается диалогичность: персонажи обращаются к закадровой

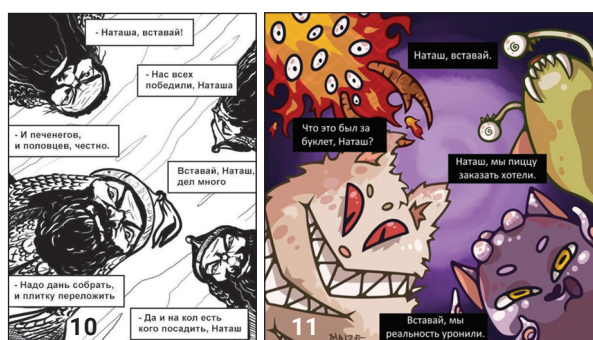

Рис. 10–11. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 12–13. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 14. Вариация мема «Наташ, вставай»

героине или – в единичных случаях – персонажи ведут диалог между собой (рис. 14 – кот взаимодействует со снеговиком, которого принимает за героиню; рис. 15 – совы обращаются к котам, упоминая Наташу; рис. 13 – представлено взаимодействие кота и фигуры, изображающей спящую девушку).

Варьирование вербальной выборки представляется менее широким: в некоторых случаях в модель второго нулевого мема подставляется несколько фраз, конкретизирующих контекст, при том, что исходная структура сохраняется (например, рис. 16). В других случаях сохраняются только отдельные фразы из первого и/или второго мемов (например, рис. 9–10). (Смесь вербального компонента первого и второго нулевого мемов: в первом нулевом меме в заключительной фразе коты требуют их покормить, фраза заканчивается междометием «ну», см. рис. 17.) Однако сопоставительный анализ вербального компонента показал, что в 30 из 31 случая (т. е. за исключением мема, лишённого вербального компонента) от нулевых мемов сохраняется имя героини: в звательном падеже в краткой и / или полной форме, в редких случаях персонажи апеллируют к ней, поскольку она является не закадровым, а упоминаемым персонажем (рис. 15).

В 27 случаях из 31 (кроме рис. 5, 9, 13, 15) изображенные персонажи обращаются к закадровой героине, чтобы сообщить ей новости и / или побудить к действиям. Интересно, что контекст нулевых мемов (персонажи будят героиню) сохранился только в 15 из 31 случаев, следовательно, перестал быть ядерной характеристикой.

В 14 из 31 случая исходных контекст нулевых мемов (коты будят Наташу) не вводится; персонажи просто обращаются к закадровой героине или упоминают ее (рис. 15). Более того, некоторые мемы (рис. 8–9, 15, 17) являются своего рода «сиквелами»: исходный контекст обыгрывается путем представления реакции героини на поведение котов (рис. 16–17) либо новые персонажи упоминают персонажей других вариаций мема, обращаясь к героине (рис. 8–9). Таким образом, исходный контекст не входит в универсальное концептуальное ядро мема.

В 21 меме из 31 персонажи выражают недовольство героиней или выдвигают претензии (кроме мемов рис. 5–8, 12–13, 15, 17–19). Следовательно, исходная сема – недовольство персонажей героиней – представляется важной, но не ядерной характеристикой мема.

Таким образом, концептуальным ядром мема «Наташ, вставай» является диалогичность и включение в вербальный компонент имени Наташа. Значимыми, но варьируемыми характеристиками является композиция и структура вербального компонента.

ФАЗЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЕРИЙНОГО МЕМА

Нулевые мемы «Наташ, вставай» появились как изображение знакомой многим ситуации, но не являлись реакцией на какой-либо общественный процесс или острый вопрос. Только 9 мемов из 31 являются реакцией на актуальные события (например, рис. 9, 16, 18). Появление большинства вариаций данного мема обусловлено внутренней формой самого мема (например, рис. 9 воспроизводит композицию второго нулевого мема, рис. 13 – контекст первого нулевого мема).

Аналогичная ситуация наблюдается в серии мема «Красивое». Семой нулевого мема является реакция на абсурдность ситуации: рыбу на рынке не продают, а показывают. Качественный контент-анализ серии мема показал, что концептуальным ядром мема является нарушение лексико-грамматической правильности образования множественного числа существительного. Выявлены разные типы модификации нулевого мема:

Рис. 15–16. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 17–18. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 19. Вариация мема «Наташ, вставай»

Рис. 20. Вариация мема «Красивое»

Рис. 21. Вариация мема «Красивое»

Рис. 22. Вариация мема «Красивое»

Рис. 23. Вариация мема «Красивое»

- 1) модификация вербального компонента для передачи контекста, сохранение метасемы (рис. 20);
- 2) модификация визуального и вербального компонента, где при изолированном рассмотрении визуальный компонент не обеспечивает передачи контекста, а вербальный компонент обеспечивает передачу контекста, сохранение метасемы (рис. 21);
- 3) воспроизведение отдельных элементов визуального и / или вербального компонентов, отсутствие метасемы (рис. 22);
- 4) намеренная стилизация визуального и / или вербального компонентов без проблематизации контекста, отсутствие метасемы (рис. 23–24).

Третья и четвертая вариации не являются реакцией на абсурдную, но безысходную ситуацию либо на другой проблемный контекст, и, следовательно, не сохраняют сему нулевого мема. Это скорее «самовоспроизводящийся» мем, созданный исходя исключительно из формальных критериев. В рамках данного исследования предлагается введение термина *пародия на мем*, подразумевающего вариацию нулевого мема, в которой частично воспроизводятся элементы вербального и / или визуального компонентов, но исчезает исходная сема, поскольку данная вариация мема не является реакцией на проблематичную ситуацию. Анализ показал, что 21 мем из 30 в серии мема «Красивое» является пародией.

Интересны случаи *амальгамации мемов* «Наташ, вставай» и «Красивое» (рис. 26–27). Оба мема сохраняют визуальный компонент мема «Наташ, вставай» (учитывая, что персонажами мема «Красивое» также являются коты, можем говорить о совмещении визуальных компонентов мемов); вербальная составляющая также обнаруживает наиболее типичные особенности обоих мемов: структуру и диалогичность мема «Наташ, вставай», с одной стороны, и характерные для мема «Красивое» лексико-грамматические нарушения, с другой. (Мем на рис. 26 совмещает структуры обоих мемов, завершаясь прилагательным среднего рода, не согласующимся с предметом речи.) Отметим, однако, что в обоих случаях метасема мема «Наташ, вставай» сохраняется лишь частично: коты будят героиню чтобы сообщить информацию, но не проявляют недовольства ею; метасема мема «Красивое» не реализована вовсе: мемы не представляют реакции на противоречивую, нелепую ситуацию. Оба мема обыгрывают формальные особенности нулевых мемов и не являются реакцией на проблемную ситуацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мем возникает как реакция на проблемную ситуацию или актуальное событие, меметизируются наиболее острые процессы, которые осмысляются посредством карнавализации. Подобное средневековому ритуальному высмеиванию, стремление к меметизации реальности является механизмом преодоления тревожности и примирения со сложившимися обстоятельствами. Сказанное обуславливает необходимость применения к изучению мемов социокогнитивного подхода современной генристики, с точки зрения которого тексты разных жанров создаются с опорой на усвоенные в процессе социального опыта поведенческие модели [Тарасова, 2018].

Серийность мема может обеспечиваться за счет более или менее значительных модификаций вербального и / или визуального компонентов и вариации контекста. Узнаваемость мема и возможность его возведения к нулевому мему обеспечивается за счет концептуального ядра, в состав которого может входить визуальный компонент (или его элементы), вербальный компонент (или его элементы), метасема.

Серийность мема проходит ряд этапов: 1) частичная модификация вербального или визуального компонента при сохранении другой составляющей, изменение контекста, сохранение семы; 2) значительная трансформация вербального и / или визуального компонента, изменение контекста, сохранение / изменение семы; 3) возникновение пародий на мем, в которых от нулевого мема сохраняется только концептуальное ядро; 4) амальгамация мема с другим мемом, при которой воспроизводятся ключевые визуальные и / или вербальные особенности обоих мемов, но могут быть утрачены концептуальное ядро одного из них. При этом основными в серийном меме является *регулятивная функция*, формирующая отношение к тем или иным событиям, и *ценностная функция*, реализация которой связана с активизацией мифологического мышления [Гусейнова, Косиченко, 2024]. Серийные мемы, обладающие повышенной вирусностью, имеют значительный манипулятивный потенциал, так как усиливают воздействие соответствующего мифа.

Парадоксальность природы мема заключается в том, что широкая распространенность того или иного мема обеспечивает его вирусную природу (воспроизведение усвоенной в результате социального опыта модели), но справедливо и обратное: вирусная природа мема обуславливает высокую креативность (создание новых мемов с опорой на предшествующий опыт), что лежит в основе серийности.

Рис. 24. Вариация мема «Красивое»

Рис. 25. Вариация мема «Красивое»

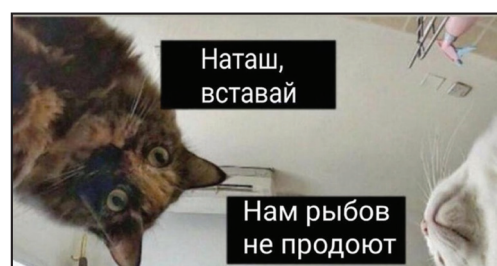

Рис. 26. Вариация мема «Красивое»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова М. В., Клушина Н. И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации: коллективная монография. М.: Флинта, 2021. С. 75–84.
2. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16 (6). С. 911–920.
3. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23 (4). P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Денисова Г. В., Смирнова О. В., Сапунова О. В. Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. Вып. 6. С. 43–48.
5. Денисова Г. В., Гладкова А. А., Сапунова О. В. Кросскультурные особенности реализации конфликта визуального и вербального компонента в условиях цифровизации // Terra Linguistica. 2024. Т. 15 (2). С. 123–134.
6. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров. Казань: Бук, 2024.
7. Кронгауз М. А. Мемы в Интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012. Вып. 11. С. 127–132.
8. Shifman L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. Vol. 18. P. 362–377.
9. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
10. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
11. Денисова Г. В., Сапунова О. В. Искусство слова в Московском университете. К 270-летию МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: БОС, 2024.
12. Exploring visual culture of COVID-19 memes: Russian and Chinese perspectives / O. V. Smirnova et al. // Central European journal of communication. 2021. Vol. 3 (30). P. 66–93.
13. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. Вып. 2 (18). С. 88–95.

REFERENCES

1. Ivanova, M. V., Klushina, N. I. (2021). Kreativny'e vozmozhnosti yazy'ka v internet-kommunikacii = Creative possibilities of language in Internet communication. Lingvokreativnoe prostranstvo internet-kommunikacii (pp. 75–84): collective monograph. Moscow: Flinta. (In Russ)
2. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social sciences, 16(6), 911–920. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 84–95. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.7>.
4. Denisova, G. V., Smirnova, O. V., Sapunova, O. V. (2023). Linguocultural universalities as the determining factor in perceiving memes. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6, 43–49. (In Russ)
5. Denisova, G. V., Gladkova, A. A., Sapunova, O. V. (2024). Cross-cultural peculiarities of the conflict between the visual and verbal components viewed within the framework of digitalization. Terra Linguistica, 15(2), 123–134. (In Russ)
6. Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F. (2024). Grani smeshnogo i yumor bez granicz: semiotika komicheskix tekstov razny'x zhanrov = Facets of the funny and humor without borders: semiotics of comic texts of different genres. Kazan: Buk. (In Russ)
7. Krongauz, M. A. (2012). Memy' v Internete: opyt' dekonstrukcii = Memes on the Internet: the experience of deconstruction. Nauka i zhizn', 11, 127–132. (In Russ)
8. Shifman, L. (2013). Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker. Journal of Computer-Mediated Communication, 18, 362–377.
9. Baxtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Csrednevekov'ya i Renessansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ)
10. Gurevich, A. Ya. (1984). Kategorii srednevekovoj kul'tury' = Categories of medieval culture. Moscow: Iskusstvo. (In Russ)

11. Denisova, G. V., Sapunova, O. V. (2024). Iskusstvo slova v Moskovskom universitete. K 270-letiyu MGU imeni M. V. Lomonosova = The art of words at Moscow University. On the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University. Moscow: Editorial BOS. (In Russ)
12. Smirnova, O. V. et al. (2021). Exploring visual culture of COVID-19 memes: Russian and Chinese perspectives. Central European journal of communication, 3 (30), 66–93.
13. Tarasova, I. A. (2018). Zhanr v kognitivnoj perspective = Genre from a cognitive perspective. Zhanry` rechi, 2(18), 88–95. (In Russ)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сапунова Ольга Валерьевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры словесных искусств факультета искусств

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Денисова Галина Валерьевна

доктор культурологии, кандидат филологических наук

заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств

профессор кафедры семиотики факультета искусств

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sapunova Olga Valerievna

PhD in Philology

Senior Lecturer at the Department of Verbal Arts

Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

Denissova Galina Valerievna

Doctor of Culturology, PhD in Philology

Deputy Dean for Research and Development at the Faculty of Arts

Professor at the Department of Semiotics, Faculty of Arts

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	18.09.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'366.55

Положительная степень сравнения как средство выражения категории компаративности (на материале текстов немецких и австрийских СМИ)

А. Н. Угринович

*Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Республика Беларусь
a.kunitskaya91@gmail.com*

Аннотация. Целью работы является обоснование причисления положительной степени сравнения качественных прилагательных и наречий к средствам выражения категории компаративности. Материалом для исследования послужил отобранный при помощи методов сплошной выборки и контекстуального анализа корпус прилагательных и наречий в положительной степени из актуальных комментариев и репортажей немецких и австрийских СМИ. В результате проведенного исследования были выявлены особенности функционирования рассматриваемых средств в соответствии с выражаемыми категорией компаративности отношениями равенства / неравенства в разножанровых текстах немецкоязычных СМИ. Описано влияние лингвокультуры и жанровой специфики на функционирование отдельных средств.

Ключевые слова: категория компаративности, равенство, неравенство, семантические классы прилагательных, лингвокультура, комментарий, репортаж

Для цитирования: Угринович А. Н. Положительная степень сравнения как средство выражения категории компаративности (на материале текстов немецких и австрийских СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 90–97

Original article

Positive Degree as a Means of Expressing the Category of Comparativity (based on the texts of the German and Austrian Media)

Anna N. Ugrinovich

*Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus
a.kunitskaya91@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the attribution of a positive degree of comparison of qualitative adjectives and adverbs to the means of expressing the category of comparativity. The material for the study was a corpus of adjectives and adverbs in a positive degree selected using continuous sampling and contextual analysis methods from current comments and reports from German and Austrian media. As a result of the conducted research, the peculiarities of the functioning of the considered means were revealed in accordance with the equality / inequality relations expressed by the category of comparativity in the multi-genre texts of the German-language media. The influence of linguistic culture and genre specifics on the functioning of individual media is described.

Keywords: category of comparativity, equality, inequality, semantic classes of adjectives, linguistic culture, comment, report

For citation: Ugrinovich, A. N. (2025). Positive degree as a means of expressing the category of comparativity (based on the texts of the German and Austrian Media). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 90–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обзор исследований в русле Петербургской школы функциональной грамматики показал: категорию компаративности можно определить как систему морфологических, лексических и словообразовательных средств языка. Их объединяет общая семантическая функция, которая заключается в выражении равенства / неравенства сопоставляемых объектов или явлений. Словом, все вышеозначенные семантические единицы меряются степенью интенсивности того или иного признака или качества. Они характеризуют данный объект или действие [Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность, 1996; Николаева, 2002]. Семантика категории компаративности представляет сложное образование. На наш взгляд, ее можно определить «как содержание количественно-качественных характеристик, сравнительных отношений и оценки градуируемого признака сравниваемых объектов» [Угринович, 2022, с. 259].

Основу выделения категории компаративности составляет логическая операция сравнения. Трехэлементная структура логического сравнения включает объект, эталон (стандарт) и общий признак для сравнения. Она позволяет выделить и описать характер сравнительных отношений сопоставляемых объектов. Данные отношения возможно, вслед за Й. Буша, классифицировать в две большие группы: отношения равенства и отношения неравенства [Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene, 1999]. Отношения равенства предполагают полное или частичное совпадение признака, по которому сопоставляются различные предметы. Соответственно, отношения неравенства отражают различную степень выраженности признака или качества, по которому сопоставляются различные предметы или явления. Соответственно, средства выражения категории компаративности в языке охватывают широкий спектр средств выражения равенства и неравенства, которые при всей обширности проведенных исследований [Хакимова, 1997; Жерновая, 2000; Карапетова, 2000; Николаева, 2002; Румянцева, 2007; Болгарова, 2011] нуждаются в дальнейшем уточнении, что и определило новизну настоящего исследования.

Особого внимания заслуживает проработка вопроса о составе средств выражения категории компаративности на морфологическом уровне. Сравнительная и превосходная степени довольно подробно описаны в специальной литературе. Они включаются преобладающим большинством лингвистов в арсенал ядерных средств выражения категории компаративности. Начальная же степень, как правило, рассматривается лишь

в составе компаративной конструкции, поскольку не предполагает соотношения качества предмета с теми же качествами другого предмета или процесса. Однако анализ прилагательных, разделенных различными лингвистами на семиотические классы [Bierwisch, 1967; Шрамм, 1979; Dixon, 1982; Князев, 2007; Гращенков, Кобозева, 2017], позволяет рассматривать означенные категории прилагательных как источник для формирования положительной степени сравнения. Она, в свою очередь, имплицитно выражает категорию компаративности. Эта категория лингвистически осмысливается с позиций равенства и неравенства. Их сопряжение входит в круг задач автора настоящего исследования. Такого рода изучение положительной степени прилагательных является новым в немецкой лингвистике. Данный феномен ранее не исследовался немецкими учеными.

Вторая задача предпринятого исследования – выявить и объяснить характер функционирования отобранных имен прилагательных / наречий в положительной степени, которые встречаются в немецкоязычных СМИ. Для решения поставленной задачи использовались методы сплошной выборки, контекстуального анализа и количественного подсчета. С этой целью был отобран корпус прилагательных и наречий в положительной степени объемом в 2901 употребление из актуальных комментариев и репортажей СМИ Германии и Австрии.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования при разработке лекционных курсов по теоретической и функциональной грамматике, стилистике.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ

В энциклопедии «Русский язык» отмечается, что в начальной степени «безотносительная абсолютная оценка переменного признака предполагает учет некоторой меры признака, зависящей от носителя этого признака и от конкретной ситуации» [Караулов, 1997, с. 537]. На это также указывает Ю. П. Князев, говоря о начальной степени параметрических, оценочных прилагательных, прилагательных цвета и необладания признаком. По мнению автора, положительная степень сравнения подвергается релятивности, под которой понимается соотношение обозначаемого признака с какой-то точкой отсчета. Точка отсчета являет собой один из ключевых элементов логической операции сравнения – стандарт (эталон) – и имплицитно для положительной степени

соотнесение признака объекта с обобщенными нормами, едиными для говорящего и слушающего [Князев, 2007].

В этой связи представляется целесообразным определить понятие «нормы». В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна норма рассматривается как понятие, «либо обычное, не отклоняющееся от среднего положения вещей, либо то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданием потенциальных участников ситуации»¹. Н. Д. Арутюнова определяет норму, описывая ее различные виды как центральную и наиболее важную точку отсчета, «по отношению к которой определяются значения антонимов в рамках скалярно-антонимического комплекса» [Арутюнова, 1999, с. 65].

На шкале градации норма (точка отсчета, или стандарт сравнения) может занимать различное положение в зависимости от семантического класса прилагательных. Вслед за Ю. П. Князевым, Р. Диксоном, Н. Д. Арутюновой можно выделить следующие классы прилагательных в положительной степени:

1. Параметрические прилагательные, которые характеризуются «видовой нормой», т. е. усредненным представлением о степени выраженности признака определенного класса объектов. Прилагательные, которые выражают больший полюс на шкале градации (большой), обозначают превышение нормы, а их антонимические пары (маленький) – недостижение нормы [Князев, 2007]. Тем самым логичным представляется их выделение в сферу неравенства категории компаративности.

В работе Р. Диксона также выделены отдельные классы прилагательных, в частности, прилагательные физических свойств (*тяжелый, легкий, жесткий и др.*), прилагательные скорости (*медленный, быстрый*) [Dixon, 1982]. К данным типам прилагательных возможно применение видовой нормы с расположением точки отсчета в середине шкалы градации. Положительная степень сравнения данных классов прилагательных выражает отклонение от нормы и, соответственно, может выражать неравенство в рамках категории компаративности. Далее для удобства анализа и количественного подсчета вышеперечисленные прилагательные мы объединяем в группу прилагательных измеряемых величин:

Ein großer Mann mit breiten Schultern (News. 27.02.2022).
– Высокий мужчина с широкими плечами².

¹Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. xxxi.

²Здесь и далее перевод наш. – А. У.

Auf der östlichen Seite des *schmalen* Ägäischen Meeres, in der Türkei, haben die Flammen *weite* Landstriche versengt, mehrere Menschen getötet, Wälder und Felder vernichtet und sich in Tourismushochburgen vorgefressen (SZ. 06.08.2021). – На восточной стороне *узкого* Эгейского моря, в Турции, пламя опалило *широкие* участки земли, убив несколько человек, уничтожив леса и поля и охватив популярные туристические места.

2. Общеоценочные прилагательные типа *хороший – плохой* и их синонимы с разными стилистическими и экспрессивными оценками (*прекрасный, превосходный, скверный*) и частнооценочные прилагательные [Арутюнова, 1999]. Для данных классов прилагательных норма является не видовой, ее расположение на шкале оценок обусловлено отношением «хорошо – плохо» и, как отмечает Н. Д. Арутюнова, совпадает с ее позитивным краем [Арутюнова, 1999]. Е. М. Вольф, в свою очередь, пишет, что оценка «хорошо» может означать соответствие норме или ее превышение (*очень хорошо*) [Вольф, 2002]. Меж тем, противоположный полюс, которому соответствует оценка «плохо», всегда является отклонением от нормы. Аффективные общеоценочные прилагательные (*прекрасный, великолепный, ужасный* и др.) автор дифференцирует в соответствии с их принадлежностью к положительной или отрицательной части оценочной шкалы и считает, что «их нельзя расположить в пределах одной зоны по порядку нарастания положительного или отрицательного признака» [Вольф, 2002, с. 52]. Разделяя данное мнение, мы рассматриваем аффективные оценочные прилагательные с положительной оценкой как соответствующие норме, а с отрицательной оценкой – как отклоняющиеся от нормы. В этой связи совпадение с нормой предполагает выражение отношений равенства в рамках категории компаративности, а отклонение от нее – выражение отношений неравенства:

In meinem Verständnis sollte die Schule Fakten lehren und für eine *gute* Grundbildung sorgen (Die Presse. 21.12.2021). – В моем понимании школа должна учить фактам и давать *хорошее* образование.

Wir fordern eine *faire* Matura! (Die Presse. 04.04.2022)
– Мы требуем *честных* выпускных экзаменов!

Zehn bis zwölf Prozent der Kinder mit einem Intelligenzquotienten über 120 bringen in der Oberstufe *schlechte* Noten nach Hause (Profil. 09.03.2022). – От десяти до 12 процентов детей с коэффициентом интеллекта выше 120 получают *плохие* отметки в средней школе.

3. Прилагательные цвета выражают имплицитную релятивность, а обозначаемые ими признаки имеют шкалу варьирования. Данные прилагательные, по мнению Ю. П. Князева, совпадают с нормой, «которая объективируется в ассоциативных связях с эталонными обладателями данного цвета» [Князев, 2007, с. 191]. Следовательно, совпадение признака с нормой предполагает выражение отношенческий равенства категории компаративности:

Die Vorschullehrerin zeichnet einen *roten* Kreis, ein *blaues* Quadrat und ein *gelbes* Dreieck auf die Tafel (Profil. 10.09.2011). – Воспитатель рисует на доске *красный* круг, *синий* квадрат и *желтый* треугольник.

Der *rote* deutsche Reisepass wirkt echt, bis Gruber ihn sich genauer ansieht: Max Mustermann steht da (SZ. 17.10.2021). – *Красный* немецкий паспорт выглядит настоящим, пока Грубер не присматривается к нему: там стоит Макс Мустерманн.

4. Для прилагательных необладания признаком, как *глухой*, *голый*, *чистый*, *одинокий* и др., как считает Ю. П. Князев, в процессе употребления свойственна «релятивизация», вследствие чего они становятся градуируемыми, при этом точкой отсчета для их градации является отсутствие признака. Именно отсутствие признака «характеризуется количественной определенностью и именно по отношению к нему устанавливаются различные градации наличия признака» [Князев, 2007, с. 193]. На основании этого прилагательные необладания признаком выражают отклонение от нормы, а значит, попадают в сферу выражения отношений неравенства категории компаративности:

So berichtet es seine Mutter, die ihre acht Kinder oft mit *leeren* Mägen ins Bett legen musste (Die Wiener Zeitung. 29.08.2020). – Так сообщает его мать, которой часто приходилось укладывать своих восьмерых детей спать с *пустым* желудком.

Dahinter grasen die für Brasilien typischen weißen Zebu-Rinder auf *kahlen* Weiden (Die Wiener Zeitung. 31.10.2021). – Позади на *голых* пастбищах пасутся типичные для Бразилии белые зебу.

Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс приводили семантический анализ имени прилагательного в положительной степени. В результате было установлено, что сема «компаративность» у прилагательных в положительной степени появляется в сравнительных конструкциях с союзами *wie* (*как*) и, как правило, выражает отношения равенства категории компаративности [Гулыга, Шендельс, 1969]. Однако

если позитиву предшествует отрицание *nicht* (*не*), то выражается разная степень качества объекта и эталона [Гулыга, Шендельс, 1969].

Im sibirischen Jakutien brennt eine Waldfläche *so groß wie kleinere EU-Staaten* (SZ. 11.08.2021). – В сибирской Якутии горит *такой большой лесной массив, как небольшие страны ЕС*.

Auch ohne Gas aus Russland wird uns sicher *nicht so kalt werden wie den Menschen* in den U-Bahn-Schächten unter Kiew oder entlang den verschneiten Fluchtwegen in den sicheren Westen (Kurier. 03.03.2022). – *Даже без газа из России нам точно не будет так холодно, как людям в подземных тоннелях под Киевом или вдоль заснеженных путей отхода на безопасный Запад*.

В данном случае возможна трансформация в придаточное предложение с союзом *als* (*чем*) и сравнительной степенью прилагательного, ср.:

Den Menschen in den U-Bahn-Schächten unter Kiew wird sicher *kälter werden als uns*. – Людям в подземных тоннелях под Киевом точно *будет холоднее, чем нам*.

Наряду с использованием союзов употребления положительной степени сравнения с наречиями-интенсификаторами, как *sehr*, *zu*, *höchst*, *schön* «весьма», «слишком» и др., также может усиливать степень проявления качества одного или нескольких предметов [Гулыга, Шендельс, 1969], а значит, может рассматриваться как конstituент подкатегории неравенства. В свою очередь, положительная степень с интенсификаторами равной меры и степени *so*, *genauso*, *völlig*, *total* «совершенно / полностью» и др. выражает совпадение признака с нормой и является частью подкатегории равенства:

Die Tests könnten vielleicht keine hundertprozentige Sicherheit bieten, aber *allzu* große Sorgen macht sich auch Katja Liebhart nicht (SZ. 14.09.2021). – Тесты могут не обеспечивать 100 % уверенности, но Катя Либхарт не испытывает *слишком* больших переживаний.

Passiert ist dies jedoch nur in *ganz* seltenen Fällen (SZ. 13.12.2014). – Однако это случается только в *совершенно* редких случаях.

Таким образом, начальную степень сравнения рассматриваемых семантических классов прилагательных и ее использование в лексико-синтаксических сочетаниях можно классифицировать в соответствии с входящими в категорию

компаративности отношениями равенства / неравенства. Отношения равенства выражаются прилагательными с положительной оценкой, прилагательными цвета, прилагательными в сравнительном обороте с союзом *wie* (как), а также с интенсификаторами *so*, *völlig*, *total* (совершенно / полностью) и др. Отношения неравенства передаются прилагательными отрицательной оценки, измеряемых величин, неobladaния признаком, с отрицанием в сравнительном обороте с союзом *wie* (как), прилагательными с интенсификаторами.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В ходе дальнейшего анализа был составлен корпус исследуемых прилагательных и наречий в положительной степени объемом в 1312 употреблений в выборке из комментариев и репортажей в немецких СМИ и в 1589 употребление в разножанровых текстах австрийских СМИ. На первом этапе методами контекстуального анализа и сплошной выборки были выявлены количественные показатели распределения рассматриваемых групп прилагательных в информационном и аналитическом жанрах немецкоязычных СМИ, что представлено на рисунке 1.

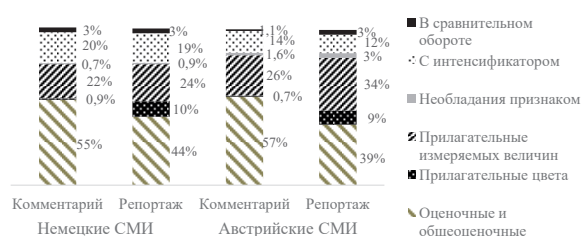

Рис. 1. Относительная частотность положительной степени прилагательных и наречий в текстах немецкоязычных СМИ

Однако в репортажах чаще, нежели в комментариях, встречаются прилагательные цвета и относительно чаще употребляются прилагательные измеряемых величин. Их преобладание особенно заметно в австрийских СМИ. Частотность употребления прилагательных неobladaния признаком с интенсификаторами и в сравнительном обороте не обнаруживают особенных различий в отобранном корпусе.

Для анализа особенностей функционирования объекта исследования речевой материал меняется. На новом этапе исследования положительная степень рассматриваемых классов прилагательных

и ее употребление в лексико-синтаксических сочетаниях распределяется в соответствии с категорией компаративности. Они, в свою очередь, выражаются отношениями равенства / неравенства. Результаты количественного подсчета представлены на рисунках 2–3.

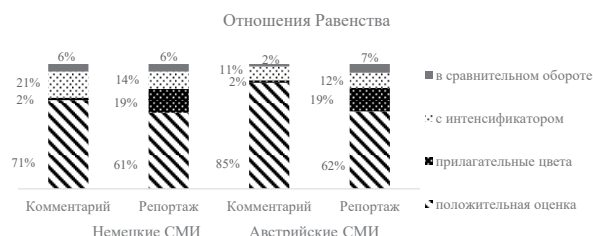

Рис. 2. Относительная частотность положительной степени прилагательных и наречий для выражения отношений равенства

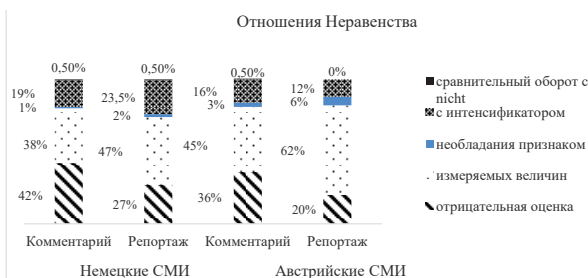

Рис. 3. Относительная частотность положительной степени прилагательных и наречий для выражения отношений неравенства

Как продемонстрировал выполненный количественный анализ, для выражения отношений равенства в комментариях к немецкоязычным СМИ преобладают прилагательные, которые несут в себе положительную оценку. Однако в репортажах преобладают прилагательные цвета. Для выражения отношений неравенства в немецких и австрийских репортажах преобладают прилагательные измеряемых величин, а в комментариях – прилагательные с отрицательной оценкой. В немецких СМИ в сфере равенства / неравенства также чаще встречаются прилагательные с интенсификатором. Остальные случаи употребления положительной степени прилагательных не показывают особых различий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, положительная степень является одним из средств выражения категории компаративности, так как она «обозначает признак с учетом типичной количественной меры его проявления для данного класса объекта» [Князев, 2007, с. 193–194]. Анализ функционирования положительной

степени в отобранном корпусе материала из немецких и австрийских комментариев и репортажей указывает на взаимосвязь употребления прилагательных с тематическим и смысловым полем исследуемых жанров. Так, для комментария характерен детальный анализ причинно-следственных отношений и авторская оценка развивающихся событий, вследствие чего заметно количественное преобладание общеоценочных и частнооценочных прилагательных в текстах данного жанра. В свою очередь, репортаж нацелен на детальное описание обстановки с места событий, что объясняет преимущественное употребление прилагательных измеряемых величин и прилагательных цвета. Для максимального погружения читателя в ситуацию репортер подробно описывает параметры, свойства и цвета окружающей обстановки.

Импликация прилагательными в положительной степени компаративных отношений равенства / неравенства наводит на мысль о влиянии немецкой и австрийской лингвокультур на функционирование отобранных средств выражения

компаративности. Особенности организации журналистской деятельности в Германии и Австрии также могут определять характер распределения объекта исследования. В австрийских СМИ чаще встречаются прилагательные положительной оценки и прилагательные измеряемых величин. Приведенная статистика показывает, что австрийской лингвокультуре предположительно присущ акцент на положительном описании и детализации объектов окружающей действительности. В немецких СМИ, наоборот, отмечается преобладание прилагательных с отрицательной оценкой, а также с наличием интенсификаторов. Данная статистика может объясняться тем, что в немецкой публицистике акцентируются отрицательные черты и проблемные стороны происходящего, а с помощью интенсификаторов подчеркивается эффект проявления признаками объектов или действия. Эти признаки коррелируют с факторами, выделяемыми в медиаведении в качестве значимых для выбора информации, в частности высокой ролью «негативности» [Колесниченко, 2018].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Т. Г. Акимова и др.; отв. ред. А. В. Бондаренко. СПб.: Наука, 1996.
2. Николаева А. В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2002.
3. Угринович А. Н. Категория компаративности в аналитических и информационных жанрах публицистических текстов (на материале немецких СМИ) // Германистика и Лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы: коллективная монография. Казань: Бук, 2022. С. 252–271.
4. Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene / J. Buscha et al. Ismaning: Verlag für Deutsch, 1998.
5. Хакимова В. Ш. Функционально-семантическая категория компаративности в современном башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997.
6. Жерновая О. Р. Структурно-семантические характеристики ядра поля компаративности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н-Новгород, 2000.
7. Карапетова Е. Г. Функционально-семантическая категория компаративности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2000.
8. Румянцева М. В. Типологические особенности сравнительных конструкций (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
9. Болгарова Р. М. Функционально-семантическое поле компаративности в русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011.
10. Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals. Foundations of language, 1967.
11. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979.
12. Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin: Walter de Gruyter, 1982.
13. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

14. Гращенков П. В., Кобозева И. М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сборник материалов Ежегодной международной конференции «Диалог», 31 мая – 3 июня 2017 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. Вып. 16 (23). Т. 2. С. 134–149.
15. Караулов Ю. Н. Русский язык: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
17. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
18. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
19. Колесниченко А. В. Критерии отбора новостей в современных российских СМИ // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. С. 1. DOI 10.30547/mediascope.3.2018.5.

REFERENCES

1. Akimova, T. G. et al. (1996). *Teorija funkcional'noj grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* = Theory of functional grammar. Quality. Quantification. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
2. Nikolaeva, A. V. (2002). *Funkcional'no-semanticheskoe pole komparativnosti v sovremennom anglijskom jazyke* = The functional and semantic field of comparativity in modern English: PhD in Philology. Rostov na Donu. (In Russ.)
3. Ugrinovich, A. N. (2022). The category of comparativity in analytical and informational genres of journalistic texts (based on the material of the German media). In *Germanistika i Lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennyh lingvisticheskikh universitetah: istoki, razvitie, perspektivy* (pp. 252–271): kollektivnaja monografija. (In Russ.)
4. Buscha, J. et al. (1998). *Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene*. Ismaning: Verlag für Deutsch.
5. Hakimova, V. Sh. (1997). *Funkcional'no-semanticheskaja kategorija komparativnosti v sovremennom bashkirskom jazyke* = The functional and semantic category of comparativity in the modern Bashkir language: PhD thesis in Philology. Ufa. (In Russ.)
6. Zhernovaja, O. R. (2000). *Strukturno-semanticheskie harakteristiki jadra polja komparativnosti v sovremennom anglijskom jazyke* = Structural and semantic characteristics of the core of the comparativity field in modern English: PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
7. Karapetova, E. G. (2000). *Funkcional'no-semanticheskaja kategorija komparativnosti v sovremennom anglijskom jazyke* = The functional and semantic category of comparativity in modern English: PhD thesis in Philology. Minsk. (In Russ.)
8. Rumjanceva, M. V. (2007). *Tipologicheskie osobennosti sravnitel'nyh konstrukcij (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov)* = Typological features of comparative constructions (based on the material of Russian and German languages): PhD thesis in Philology. Chelyabinsk. (In Russ.)
9. Bolgarova, R. M. (2011). *Funkcional'no-semanticheskoe pole komparativnosti v russkom i tatarskom jazykah* = The functional and semantic field of comparativity in Russian and Tatar languages: PhD thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)
10. Bierwisch, M. (1967). Some semantic universals of German adjectivals. *Foundations of language*.
11. Shramm, A. N. (1979). *Očerki po semantike kachestvennyh prilagatel'nyh (na materiale sovremennogo russkogo jazyka)* = Essays on the semantics of qualitative adjectives (based on the material of modern Russian). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
12. Dixon, R. M. W. (1982). *Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax*. Berlin: Walter de Gruyter.
13. Knjazev, Ju. P. (2007). *Grammaticheskaja semantika. Russkij jazyk v tipologicheskoi perspektive* = Grammatical semantics. The Russian language in a typological perspective. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.)
14. Grashenkov, P. V., Kobozeva, I. M. (2017). Semantic classes and government of adjectives. In *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii* (issue 16(23), vol. 2, pp. 134–149): Proceedings of an International scientific conference. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
15. Karaulov, Ju. N. (1997). *Russkij jazyk: jenciklopedija* = Russian language: an encyclopedia. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. (In Russ.)

16. Arutjunova, N. D. (1999). Jazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
17. Vol'f, E. M. (2002). Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
18. Gulyga, E. V., Shendels, E. I. (1969). Grammatiko-leksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke = Grammatical and lexical fields in modern German. Moscow: Prosvechshenie. (In Russ.)
19. Kolesnichenko, A. V. (2018). News Selection Criteria in Kriterii otbora novostej v sovremennykh rossijskikh SMI = Contemporary Russian Media. Mediaskop, 3, 1. DOI 10.30547/mediascope.3.2018.5. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Угринович Анна Николаевна

аспирант

Белорусского государственного университета иностранных языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ugrinovich Anna Nikolaevna

PhD student

Belarusian State University of Foreign Languages

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.07.2025
27.08.2025
16.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Семантика в мифопоэтической парадигме: опыт исследования лексической семантики

Е. Н. Цветаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elenatsvetaeva@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматриваются такие семантические процессы в немецком языке, которые отнесены к мифу как к способу мышления. Они репрезентируют ряд мифологем (представлений и мотивов). Лексемы и фраземы, их вербализующие, составляют материал исследования. Его цель – демонстрация возможностей мифосемантического описания лексики, которое дает необходимые инструменты для изучения семантических процессов, определяющих, в том числе, синтагматические и парадигматические отношения языковых единиц в лексической системе языка. Автор опирается на историко-этимологический анализ и сравнительный метод для выявления общих семантических тенденций; контекстный анализ позволит проанализировать значение слов в конкретные исторические моменты; а корпусный – судить о динамике лексических изменений.

Ключевые слова: историческая семантика, мифопоэтическая модель мира, мифосема, фразема, семантические изменения

Для цитирования: Цветаева Е. Н. Семантика в мифопоэтической парадигме: опыт исследования лексической семантики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 98–104.

Original article

Semantics Within the Mythopoetic Paradigm: Studying Lexical Semantics

Elena N. Tsvetaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elenatsvetaeva@yandex.ru

Abstract. The paper considers challenges arising while studying German language semantic processes determined by their relation to myth as a mode of thought and representing a corresponding set of mythologems (concepts and motives). Lexemes as well as phrasemes which articulate such lexemes comprise the data for this study, while the aim of the study is to showcase the capabilities of the mythosemantic approach to lexis description as applied to studies concerned with evolution of polysemy, syntagmatics and paradigmatics. The present study employs historical and etymological analysis as well as comparative approach in order to identify general semantic trends. Contextual analysis gives the opportunity to study the meaning of certain words at certain times throughout history meanwhile corpus analysis enables tracking of lexical change.

Keywords: historical semantics, mythopoetic world model, mythoseme, phraseological unit, semantic change

For citation: Tsvetaeva, E. N. (2025). Semantics within the mythopoetic paradigm: studying lexical semantics Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 98–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия лингвисты, занимающиеся проблемами лексической семантики, могут с удовлетворением констатировать серьезный поворот науки в сторону семантики вообще, и в особенности тех ее аспектов, которые связаны с понятием семантического перехода. Он осмысливается в качестве объекта семантической типологии и теории многозначности [The lexical typology of semantic shifts, 2016; Marzo, 2013; Traugott, Dasher, 2002; Zalizniak, 2018]. Чрезвычайно важным в этом смысле стал и «Лингвистический форум 2024: Семантические переходы в языках мира», организованный Институтом языкознания РАН и наметивший несколько актуальных векторов исследований этой области лингвистического знания, затронувшие, помимо лексической типологии, в том числе, историческую семантику и этимологию, когнитивные механизмы семантических переходов, мотивационные модели и стратегии номинации и др. В этой связи актуальность предлагаемого исследования видится в необходимости дальнейшей разработки подходов, предполагающих «сложение» лексико-семантических и историко-этимологических результатов анализа эмпирического материала, проводимого на фоне определенного лингвокультурного и лингвокогнитивного континуума.

Очевидно, что всякий глубокий «вход» в семантику немалым без этимологизирования, диахронического рассмотрения языковых фактов, однако этого недостаточно. Необходим соответствующий исторический анализ с учетом и релевантных внеязыковых факторов. Подобный подход приближает нас к более цельному представлению о сути языковых процессов, дает возможность судить о целом по части и о части по целому. Слово как таковое, проявляющее себя в разных взаимоотношениях и связях, предстает перед нами не застывшим памятником, но живым и динамичным явлением. Слово в его семантическом пространстве можно сравнить с произведением искусства. Подобно художественному образу (или системе образов) слово выступает и в качестве конкретного знака, и в качестве отвлеченной идеи¹. Абсолютно верной представляется мысль о том, что искусство «не считает времен, оно их показывает», в нем «соприкасаются не просто вчера – сегодня – завтра, но Древность, Средние

века и новое время» [Соколов, 2002, с. 10–14], и их разнообразные хронологические модусы мы можем наблюдать слитыми воедино в каком-либо одном проявлении. Так и семантика слова – не считает времен, заключенных в ее структуре, она отображает эти времена, иногда приближая, иногда отодвигая их на некоторое расстояние. Проследить и оценить это возможно, наблюдая лексему в ее парадигматических и синтагматических семантических отношениях, а также уделяя особое внимание аспекту многозначности. Слово, как и произведение искусства, хранит одновременно все временные пласты, через которые протекает его жизнь, и находится в форме и структуре сообразно со временем реализуемые смыслы.

Одним из универсальных концептуальных «окон» в семантику и своеобразным инструментом для решения исследовательских задач является мифопоэтическая парадигма. При этом исследователь исходит из идеи о том, что миф – это, прежде всего, «феномен сознания», а не только текст особого рода [Лотман, Успенский, 2010]. Именно такой подход позволяет выявлять, анализировать, объяснять языковые явления и процессы, обусловленные влиянием предлагаемой парадигмы.

В центре внимания – совокупность немецких лексем, объединенных одной «идеей»: в их семантической структуре содержится некое смысловое зерно. Оно реализуется в синтагматических и парадигматических отношениях лексемы, а также в процессах слово- и фразеобразования, в которых участвует соответствующая единица. Речь идет о выявлении влияния мифологического мировоззрения на эволюцию смысловой структуры лексических и фразеологических элементов немецкого языка. Они закрепляются в особых компонентах семантической структуры – мифосемах. *Мифосема* представляет собой когнитивные следы древнего мифопоэтического сознания, которые сохраняются и прослеживаются до наших дней. Этим аспектом исследования и определяется его научная новизна, так как попытка квалификации доминирующей семы (мотивационного признака) как элемента, манифестирующего в конкретной парадигме специфические смыслы, осуществляется впервые, а семантические процессы, выявляемые в этой связи в структуре слова, рассматриваются в общем понятийном пространстве семантических переходов.

Цель исследования – демонстрация возможностей мифосемантического описания лексики, которое дает необходимые инструменты для изучения семантических процессов, определяющих, в том числе, синтагматические и парадигматические отношения языковых единиц в лексической системе языка. Для достижения поставленной цели

¹Хотя этимологизирование не является для нас основным (но представляется весьма существенным) элементом анализа, не можем не сослаться на труд В. Н. Топорова по этимологии и семантике, где, рассуждая о сути этимологии, он относит ее и к эмпирическим наукам, и к теоретическим, и также соотносит с искусством (Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике // Индоевропейские языки и индоевропеистика. М.: Языки славянских культур, 2006. Кн. 1. С. 156).

предполагается решение ряда задач с использованием комплекса методов. Так, метод компонентного анализа и логико-смыслового моделирования применяется для отграничения релевантных для исследования языковых единиц, вербализующих характерные сегменты мифопоэтической парадигмы; для выявления семантических тенденций и изменений используются такие методы исторической семантики, как этимологический и исторический анализ значения слов, а также сравнительный метод; контекстный и дискурс-анализ применяются для анализа значения слов в конкретный период; корпусный анализ позволяет определить частотность использования слов и их значений, а также судить о динамике лексических изменений.

Источник эмпирического анализа – корпус (ок. 300 языковых единиц, лексем и фразем разной степени идиоматичности, рассмотренные в 520 микроконтекстах), сформированный автором на основании литературных памятников разных эпох, а также исторические и этимологические словари; корпусные (в том числе исторические) контекстные данные таких ресурсов, как *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*; *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm* и др.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Если искать когнитивные основания процессам, определяющим семантические трансформации и обеспечивающим постоянное движение смыслов и значений в одном знаке, то мы не найдем объяснения лучше того, что предоставляет философский словарь в статье, посвященной мифу и мифологическому мышлению: «Мифологическому мышлению свойственно неотчетливое разделение субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности, безразличие к противоречию и т. п.»¹. Человек не выделяет себя из окружающего мира, на элементы этого мира он переносит свои страхи, чувства, страсти, идеи, результаты действия и т. п. «Эта “еще-невыделенность” представляется нам не столько плодом инстинктивного чувства единства с природным миром и стихийного понимания целесообразности в самой природе, сколько именно неумением качественно отдифференцировать природу от человека» [Мелетинский, 2012, с. 148].

Называя мифологическое мышление также и первобытным, автор говорит о его *диффузности*,

¹Мелетинский Е. М. Мифология // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 377.

проявляющейся и «в неотчетливом разделении субъекта и объекта, материального и идеального (т. е. предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени), вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, статичного и динамичного, пространственных и временных отношений. Пространственно-временной синкретизм сказывается в изоморфизме структуры космического пространства и событий мифического времени» [Мелетинский, 2012, с. 148].

С этим свойством мифологического мышления исследователи связывают и синкретизм. Синкретизм первичного значения <...> лексем является отражением «синкретизма мироощущения» [Колесов, 1989, с. 145]. Таким образом, исходное значение слова по определению синкретично, а его семантическое пространство манифестирует многомерность лежащего в его основе ментального конструкта. Это обстоятельство не может не вызывать определенной семантической диффузности. Она, в свою очередь, способствует развитию метонимии как основного семантического механизма, ибо сообразно мифопоэтической модели мира – практически все аспекты некоего объекта действительности в той или иной степени взаимосвязаны и соположены. Это не исключает, однако, и доминирования одного из аспектов / признаков в разные периоды времени, что обуславливает специфику дальнейшего развития семантики лексемы.

Мифологический способ систематизации, категоризации, дифференциации и, в том числе, номинации явлений и объектов окружающего мира строится на основе чувственных характеристик последних. Чувственные характеристики окружающего мира и суть явлений в системе мифа практически неразрывны. Поэтому всякое явление, существующее в пространстве мира, существует одновременно в завершенности и в динамике. Последняя обусловлена процессами идеального осмысления чувственной реальности и одновременно – своего рода материализацией отвлеченных представлений.

При этом мы не отрицаем метафоричности мифологического мышления, оно, конечно, пользуется метафорой, об этом говорят многие исследователи. И это довольно «общее место», однако, по нашим данным, метонимия как механизм семантической деривации свойственна исследуемому кругу лексем, в не меньшей, если не в большей степени².

²Об особой роли метонимии для семантических трансформаций в диахронии см. подробнее: Рахманова Н. И. Метонимия как источник семантических трансформаций в диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 20 (731). С. 370–379.

Еще один аспект мифологического мышления, репрезентируемый уже не только семантическими, но и структурно-семантическими процессами и обусловленный синкретизмом, это бинарность, свойственная мифологической логике, которая проявляется как в оппозициях (типа «день – ночь», «верх – низ», «земля – небо», «свой – чужой», реализуемых соответствующим набором лексем), так и в комплементарных биномиалах, например, *Leib und Leben, Tür und Tor, Wind und Wetter*. Последние, как правило, представляют собой исторические тавтологии. Дифференцируя виды подобных конструкций, мы относим их к историческим биномиалам. Основа их сосуществования, как правило, этимологическая или семантическая общность.

Типичная для архаичного сознания стереотипность является в процессе концептуализации окружающего мира своего рода когнитивным инструментом и на современном этапе. Язык регулярно порождает конструкции не идиоматичные, но достаточно формульные по своей сути (*Hilfe und Förderung, Hilfe und Betreuung, Schutz und Geleit, Schutz und Beistand*), это *свободные биномиалы* (см. подробнее: [Цветаева, Панкратьева, 2024]). Причина их возникновения – уже существующая модель. Язык реализует присущее мифологическому мышлению бинарное восприятие мира в процессе его концептуализации.

Сферы, в которых мы находим компоненты биномиалов, – природные явления, элементы, характеризующие пространство и время, некоторые виды социальных отношений, уходящие корнями в архаику. Эта сфера немецкой лексики формирует свою семантику под влиянием определенного мотивационного признака (*мифосемы*). В известной мере его наличие может определять и степень идиоматичности конструкции.

Так, например, мифосема «свое пространство», обусловленная оппозицией «свой – чужой», проявляется в исторических биномиалах *Tür und Tor* и *Haus und Hof*; мифосистема «враждебные силы природы» связана с мифологемой ВОЗДУХ, ее олицетворяет плохая погода в биномиале *Wind und Wetter*. Мифосема «человек-созидатель» обусловлена мифологемой ГЕРОЙ-ДЕМИУРГ и проявляется в биномиале *Glück und Glas*. Все они входят также в состав соответствующих глагольно-именных фразем, фактор идиоматизации и контекстное употребление которых напрямую зависит от выделенной мифосемы. Например, выражение *einer Sache Tür und Tor öffnen* «открывать дорогу» (*букв.* «открывать дверь и ворота»), хотя и используется для описания вполне положительных явлений и событий, когда речь идет о проникновении в условно «свое»

пространство веяний и течений, которые приветствуются, однако, в большинстве случаев характеризует явления нежелательные. Ср.:

Kann das Parkpersonal nicht mehr bezahlt werden, **sind** illegaler Abholzung, Wilderei und anderer Ausbeutung der biologischen Ressourcen wieder **Tür und Tor geöffnet**. – Если сотрудникам [городского] парка больше не будут платить, это откроет дорогу, «даст зеленый свет» (*букв.* «откроет дверь и ворота») незаконной вырубке, браконьерству и иным способам нанесения вреда природным ресурсам.

Fehlerhafte Einstellungen am PC führen zu Sicherheitslücken und **öffnen** für Zugriffe von außen **Tür und Tor**. – Некачественные установки на PC приведут к возникновению брешей в системе безопасности и сделают совершенно открытым доступ к ней извне (*букв.* «откроют дверь и ворота для внешнего доступа»).

Проанализированный массив данных позволяет говорить о тенденции существенного превышения негативного употребления, соотношение составляет примерно 1:3. Обусловлено такое положение вещей именно наличием в исследуемых единицах мифосемы «свое пространство», мотивирующей идею недопущения враждебного и чужого / чуждого в «свое», что репрезентируется в пространстве мифопоэтической парадигмы такими ключевыми элементами, как *дверь* и *ворота*, *Tür und Tor* соответственно.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФА В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

Вслед за классиками филологии мы можем утверждать, что миф «проникает в художественные литературные тексты в виде неосознанных, утративших первоначальное значение обломков, незаметных для самого автора и оживающих лишь под рукой исследователя» [Лотман, 2002], когда работает мастер слова, ему доступно то, что недоступно многим, а именно «оживление забытых, утраченных смыслов слов», «...у него все синонимы в голове, а вся частота лексем – в сердце...» [Трубачев, 2005, с. 555]. На примере даже очень коротких поэтических текстов мы видим идейное проникновение мифа в процесс поэтической концептуализации мира вокруг – здесь и пространственно-временной континуум в его единстве, и человек во вселенной в этом континууме, а времена считаются и годами, и днями. Концептуальную универсальность в ее регулярной вербальной

репрезентации мы можем наблюдать в нижеследующих отрывках двух поэтов, представляющих разные (лингво) культуры, эпохи и направления:

Fr. Schiller

Hoffnung

Es reden und träumen die Menschen viel

Von bessern **künftigen Tagen**,

Nach einem glücklichen goldenen Ziel

Sieht man sie rennen und jagen.

Die **Welt wird alt und wird wieder jung**,

Doch der Mensch hofft immer Verbesserung.

<...>

А. Блок

Миры летят. Годы летят

Миры летят. Годы летят. Пустая

Вселенная глядит в нас мраком глаз.

А ты, душа, усталая, глухая,

О счастья твердишь, — который раз?

<...>

И уцепясь за край скользящий, острый,

И слушая всегда жужжащий звон, —

Не сходим ли с ума мы в **смене** пестрой

Придуманных **причин, пространств, времен...**

И если поэзия – это равно тонкий и яркий пример проявления мифа в слове, то и проза может быть весьма убедительной в этом смысле. Так, проникновение мифа в прозу наблюдается у романтиков, даже в тех случаях, когда речь не идет о типично романтических концептах и релевантных для этого дискурса явлениях:

„Sidonie!“ rief Linden aus und war tief erschüttert; „können Sie noch nach diesen schmerzhaften **Wochen und Monden** an meiner Liebe zweifeln? Und genügt es Ihnen nicht, wenn ich Ihnen mein Ehrenwort gebe, daß alles, was Sie von mir gehört haben, sei es von **Freund oder Feind**, die **elendeste** Verleumdung ist? Mögen Sie Ihr Herz denn nicht zu mir neigen und endlich, endlich **wahr und treu und einfach** mit mir umgehen, ohne alle jene Ausschmückungen der Koketterie und eines gesuchten Putzes, der Ihrem edlen Wesen nicht immer gut ansteht?“ (L. Tieck. *Waldeinsamkeit*. *Klassische deutsche Erzähler*. 1954. S. 28)

Этот небольшой отрывок показывает довольно существенную часть мифопоэтического спектра, причем все отмеченные элементы представлены в мифопоэтической модели мира, каждый в своем сегменте: счет мифопоэтического времени (*nach Wochen und Monden*, букв. ‘после недель и лун’); бинарность мировоззрения и – соответственно

ему – бинарные конструкции (*nach Wochen und Monden*; *Freund oder Feind* – букв. ‘после недель и лун; друг или враг’) и развитие их до тернарной (*wahr und treu und einfach*, букв. ‘истинно, надежно и просто’); оппозиция «свой – чужой» как элемент мифопоэтического пространства (*Freund oder Feind*, букв. ‘друг или враг’); прилагательное *elend* (букв. ‘несчастный, убогий’) в усилительной функции в связи с семантической диффузностью лексемы и отнесенностью к противопоставлению «свой – чужой» (этимологически восходит к корню со значением «внешний, чужой»; подробнее об этом см. [Цветаева, 2013]).

Но и в отрыве от художественного дискурса слова представляют собой живые и развивающиеся памятники времен, как и произведения искусства.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФА В СЛОВЕ

Анализ языковых фактов в их современном формально-семантическом воплощении предполагает довольно широкую интерпретацию материала. Как известно, логическое / научное мышление и мифологическое не исключают друг друга. Человек не может существовать в какой-либо одной парадигме. Элементы последнего обнаруживаются регулярно и в самом цивилизованном обществе, именно «...гетерогенный характер нашего мышления позволяет нам в конструировании мифологического сознания опереться на наш внутренний опыт. В некотором смысле понимание мифологии равносильно припоминанию» [Лотман, Успенский, 2010, с. 525].

Для демонстрации наиболее очевидных возможностей избранного подхода обратимся к такому «обычному» и простому обиходному слову в современном немецком языке, как *Welt*. Исторически эта лексема представляет собой композит, первый компонент которого – *wer* ‘Mann, Mensch’ (человек). Однако в современном облике слова (структурно и фонетически) об этом ничто не напоминает, а спектр лексических значений – от ‘мир’, ‘вселенная’, ‘человечество’ и др. до практически полностью десемантизированной единицы, выполняющей функцию усиления в составе фразем типа: *du bist doch der beste Mensch (von) der Welt! Was in aller Welt willst du noch mehr? Um nichts in der Welt würde er sich davon trennen* (ср. рус. Ты лучше всех на свете! Ради бога – чего же ты еще хочешь?! Он ни за что [на свете] с этим не расстанется).

Семантическая структура лексемы хранит в себе следы архаического восприятия мира, исходное ее значение – «время человеческое», собственно «жизнь» (*Menschenalter*, *Menschenzeit*): *двн. weralt*, *свн. we(r)lt*, это значение сохранялось отчасти и вплоть до ранневерхнемецкого. По

наблюдениям исследователей, термины, обозначающие время у германцев и восходящие к глубокой древности, почти все указывают на цикличность его восприятия людьми или на связь течения времени с человеческой жизнью [Гуревич, 2006]. Мировоззренческая синкретичность обуславливает и синкретичность лексико-семантического порядка, являясь источником метонимического сдвига. Выделяемая нами здесь мифосема – время, соотносимое с понятием времени как мифологемы и мифопоэтически относимое также к человеку в этом времени и пространстве.

Принимая участие во фразеοοбразовании, а именно в образовании бинарных фразем (бинамиалов), представляющих собой типичный и довольно многочисленный (в силу исторически обусловленной продуктивности этой конструкции) пласт немецкой фразеологии, лексема *Welt* противопоставляется с одной стороны, *Gott*, а с другой – *Geld*. В первом случае *разг. Gott und die Welt* «всё возможное» противопоставляет в своей семантической, еще не-фразеологической, основе Бога человеку вообще, а также человеку как олицетворению светской власти в разных ее ипостасях. Во втором – *Geld ist Geld und Welt ist Welt* («в жизни важны не только материальные аспекты», ср. с рус. не хлебом единым) цивилизация противопоставляется культуре, в этом противопоставлении сохраняется архаичная антропоцентричность мировосприятия, в современных условиях вошедшая в понятия этики и морали. Пословица имеет продолжение, зафиксированное, в частности, в словаре Вандера¹: *Geld ist Geld und Welt ist Welt; ein guter Nam behält das Feld.* – *Победа будет за тем, у кого доброе имя.* Это употребление значительно более позднее, но и оно позволяет увидеть семантическую преемственность.

¹URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=Wander&lemid=G00430DeutschesSprichwörter-LexiconvonKarlFriedrichWilhelmWander> (дата обращения: 10.06.2025).

В приведенном примере следует отметить два обстоятельства: лексемы, сопоставляемые с мифопоэтической моделью мира, несут в себе типичную для нее синкретичность и диффузность (в данном случае мы наблюдали диффузность в развитии у лексемы функции усиления в ряде выражений разговорного спектра). И именно эти два аспекта в рассмотрении семантики в заданной парадигме следует считать определяющими, они не исключительны, однако во многом определяют семантические процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, представленный подход к рассмотрению семантических процессов в мифопоэтической парадигме позволяет раскрыть их глубинные смыслы, которые лежат в основе формирования и развития семантики целого лексико-фразеологического языкового массива. Лексическая семантика регулярно проявляется в слово- и фразеοοбразовании, определяет парадигматику и синтагматику лексем в самом широком смысле слова. В их основе лежит мифологический синкретизм, предопределивший синкретизм семантический, а также метонимию, как основной механизм для создания семантической деривации. Выделение в структуре одной лексемы или в группе семантически близких лексем *мифосемы* предполагает всякий раз рассмотрение структуры лексического значения в связи с концептуальной основой соответствующей мифологемы. Причем она в условиях синкретизма может варьироваться в зависимости от контекста словоупотребления. Последнее требует дальнейшего углубленного рассмотрения, что представляется одним из перспективных исследовательских направлений, равно как и более четкое определение влияния выделенного мотивационного признака на расширение семантики языковых единиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The lexical typology of semantic shifts / P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. (Cognitive Linguistics Research, 58).
2. Marzo, D. Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Tübingen: Narr Verlag, 2013.
3. Traugott, E. C., Dasher, R. B. Regularities in semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
4. Zalizniak, Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 years later // Russian journal of linguistics. 2018. Vol. 22 (4). P. 770-786.
5. Соколов М. Н. Время и место: Искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
6. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 525–543.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект; Мир, 2012.
8. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

9. Цветаева Е. Н., Панкратьева Е. С. Формирование и развитие семантики бинарных фразем в немецком языке // Эмпирические исследования германских языков: сборник статей по материалам VII Чтений памяти В. Н. Ярцевой / ред. Д.Б. Никуличева, Н.С. Бабенко, Е.Б. Кротова. М.: Языкознание, 2024. С. 141–152.
10. Лотман Ю. М. Литература и мифология // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 727–743.
11. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2005. Т. 2.
12. Цветаева Е. Н. Диффузность семантики лексемы ELEND в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 18 (678). С. 67–72.
13. Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

REFERENCES

1. Juvonen, P., Koptjevskaja-Tamm, M. (Eds.). (2016). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton. (Cognitive Linguistics Research, 58).
2. Marzo, D. (2013). Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Tübingen: Narr Verlag.
3. Traugott, E. C., Dasher, R. B. (2002). Regularities in semantic change. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
4. Zalizniak, Anna A. (2018). The Catalogue of Semantic Shifts: 20 years later. Russian journal of linguistics, 22(4), 770–786.
5. Sokolov, M. N. (2002). Vremja i mesto: Iskusstvo Vozrozhdenija kak pervorubezh virtual'nogo prostranstva = Time and place: Renaissance art as the frontier of virtual space. Moscow: Progress-Tradicija. (In Russ.)
6. Lotman, Ju. M., Uspenskij, B. A. (2010). Mif – imja – kul'tura = Myth – name – culture. In Lotman, Ju. M. Semiosfera (pp. 525–543). St.Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
7. Meletinskij, E. M. (2012). Pojetika mifa = Poetics of myth. Moscow: Akademicheskij Proekt; Mir. (In Russ.)
8. Kolesov, V. V. (1989). Drevnerusskij literaturnyj jazyk = Old Russian literary language. Leningrad: Leningrad State University Press. (In Russ.)
9. Tsvetaeva, E. N., Pankratyeva, E. S. (2024). Formation and development of binary phrasemes in the German language. In Empirical studies of Germanic languages (pp. 141–152): proceedings of the VII Readings in memory of V.N. Yartseva. Moscow: Jazykovedenie. (In Russ.)
10. Lotman, Ju. M. (2002). Literatura i mifologija = Literature and mythology. Istorija i tipologija russkoj kul'tury (pp. 727–743). St.Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
11. Trubachev, O. N. (2005). Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura = Works on etymology: Word. History. Culture (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
12. Tsvetaeva, E. N. (2013). Semantic diffusiveness of the word elend in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 18(678), 67–72. (In Russ.)
13. Gurevich, A. Ja. (2006). Izbrannye trudy. Krest'janstvo srednevekovoj Norvegii = Selected works. Peasantry of medieval Norway. St.Petersburg: Saint Petersburg University Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsvetaeva Elena Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German
Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.07.2025
17.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Озеро (der See) и пруд (der Weiher) в поэзии высокого бидермейера

Е. И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elena_seifert@list.ru

Аннотация. Целью работы является осмысление изображения озер и прудов мастерами бидермейера. Исследование проведено на материале поэзии мастеров высокого бидермейера А. фон Дросте-Хюльсхофф, Э. Мёрике и Й. В. фон Шеффель, которые проявляют высокий интерес к озерам и прудам как к locus amoenus. С помощью структурно-описательного метода в статье проанализированы роль и функции изображения озер и прудов в высоком бидермейере. Эти водные локусы в большинстве случаев направляют жанровый модус произведения высокого бидермейера к идиллическому. В случае соперничества жанров при появлении в стихотворении высокого бидермейера пруда или озера оно освобождается от влияния грустной элегии и тревожной баллады и получает подпитку доминантами оптимистических жанров – стихотворной молитвы и отрывка. Научная новизна работы состоит и в том, что в ней впервые проведено обзорное сопоставление мотивов и образов озёр и прудов в русской и немецкой литературе.

Ключевые слова: высокий бидермейер, жанр, локус, locus amoenus, хронотоп, идиллия, жанровая диффузия, молитва, отрывок, элегия, баллада, Анnette фон Дросте-Хюльсхофф, Эдуард Мёрике, Йозеф Виктор фон Шеффель

Для цитирования: Зейферт Е. И. Озеро (der See) и пруд (der Weiher) в поэзии высокого бидермейера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 105–112.

Original article

The Lake (der See) and the Pond (der Weiher) in High Biedermeier Poetry

Elena I. Seifert

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elena_seifert@list.ru

Abstract. The aim of the work is to understand the depiction of lakes and ponds by the Biedermeier masters. The study is conducted on the material of the poetry of the High Biedermeier masters A. von Droste-Hülshoff, E. Mörike and J.W. von Scheffel, who show a great interest in lakes and ponds as locus amoenus. Using the structural-descriptive method, the article analyzes the role and functions of the depiction of lakes and ponds in the High Biedermeier. In the overwhelming majority of cases, these water loci direct the genre mode of the High Biedermeier work to the idyllic. In the case of rivalry of genres, when a pond or lake appears in a High Biedermeier poem, it is freed from the influence of a sad elegy and an anxious ballad and resorts to feeding on the dominants of optimistic genres – a poetic prayer and a fragment. The scientific novelty also lies in the fact that the article is the first to conduct a review comparison of the motifs and images of lakes and ponds in Russian and German literature.

Keywords: High biedermeier, genre, locus, locus amoenus, chronotope, idyll, genre diffusion, prayer, fragment, elegy, ballad, Annette von Droste-Hülshoff, Eduard Mörike, Joseph Viktor von Scheffel

For citation: Seifert, E. I. (2025). The Lake (der See) and the Pond (der Weiher) in High Biedermeier Poetry. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 105–112. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ. ПОНЯТИЕ *LOCUS AMOENUS*

Жанроведение уже начало осмыслять роль локусов¹ в формировании жанров высокого бидермейера. Однако подобные исследования редки и в литературоведении пока носят дискретный характер. Так, Х. Й. Шнайдер, обстоятельно анализируя «Wald-Idylle» («Лесную идиллию») Эдуарда Мёрике и идиллически-сказочное приятное местечко в ней, обращает внимание на взаимопроникновение в стихотворении сказки и идиллии [Schneider, 2004, с. 222].

Явление, обозначаемое термином «бидермейер (бидермайер)», изучается в литературоведении (Полубояринова, 2001)², искусствоведении [Geismeyer, 1979], музыковедении [Романова, 2011]. Бидермейер проявляется в отдельных видах искусства в период после окончания наполеоновских войн (Венский конгресс) до революционных событий во Франции, Италии, Германии и других странах Европы в 1848–1849 гг. Географический охват – Германия и Австрия, виды искусства – литература, живопись и музыка. Бидермейер разнолик, ученые особо выделяют высокий бидермейер (Л. Полубояринова), отмечая его стремление к возвышенности и религиозности.

Locus amoenus (лат. приятное место) – подчеркивающий блаженство человека на лоне природы утопический локус, возникший в античности и развитый в средневековье. Как топоним (общее место) *locus amoenus* подробно исследован Э. К. Курциусом в книге «Европейская литература и латинское Средневековье» [Курциус, 2021]. По Курциусу, набор элементов топоса включает деревья, луг, ручей или родник, пение птиц, цветы, легкий ветерок и др. Н. Пахсарьян и Т. Саськова так описывают канон *locus amoenus*: «Согласно идиллической топике, описывается, как правило, весенний, летний или раннеосенний ландшафт: ясный солнечный день, зеленеющие склоны холмов, цветущие поляны, рощи с тенистыми деревьями, где в полдень можно спрятаться от палящего зноя, чистый источник, журчащий ручеек и т. д.» [Пахсарьян, Саськова, 2001, с. 73].

Одними из наиболее распространенных водных элементов классического *locus amoenus* являются ручей и родник. Однако в поэзии высокого

бидермейера отмечается большой интерес к озерам и прудам, создающим вкупе с другими мотивами и образами «приятный уголок», а то и своими границами организующим этот локус. Озеро (der See) и пруд (der Weiher) – высокочастотные мотивы в поэзии высокого бидермейера, способные вызывать ощущение блаженного покоя. Эти слова встречаются как в названиях, так и в самих текстах стихотворений: см. лирические циклы А. Дросте-Хюльсхофф «Der Weiher» («Пруд») и «Am Weiher» («У пруда»), стихотворения Э. Мёрике «Die Geister am Mummelsee» («Духи на озере Муммельзее»), Й. В. фон Шеффеля «Am Traunsee» («На Траунзее») и др.

Поэты восхищаются озерами и прудами, благостным покоем побуждающие их к отдыху и вдохновению. Известная немецкая поэтесса А. фон Дросте-Хюльсхофф (1797–1848) из-за слабого здоровья редко совершала путешествия и наслаждалась местностью возле Мюнстера с красивейшими прудами, где находился ее родовой замок Хюльсхофф. С начала 1840-х годов свои последние годы жизни поэтесса провела в Баден-Вюртемберг, в городке Мерсбург у Боденского озера, где Верхнее озеро (Obersee) переходит в Юберлингское (Überlinger See). Живописная земля Баден-Вюртемберг с ее озерами – источник вдохновения и для Э. Мёрике (1804–1875), проведшего здесь в уединении немалую часть своей зрелой жизни и написавшего свой стихотворный эпос «Idylle vom Bodensee» («Идиллия Боденского озера», 1846). Мёрике в 1834 году получил место пастора, но из-за болезненного состояния в 1851 году оставил его, предпочтя еще большее уединение. Й. В. фон Шеффель (1826–1886) из-за дефекта глаз сначала был вынужден оградиться от социума в Хайдельберге, богатом водоемами, а затем жил в Швейцарии у берегов Боденского озера.

Выбор поэтов для исследования в настоящей статье базируется на принадлежности их соответственно к классическому (Дросте-Хюльсхофф), промежуточному (Мёрике) и позднему, угасающему (Шеффель) этапам бидермейера.

Актуальность проблемы определяется объективной необходимостью ее последовательного решения. Оно востребовано, поскольку изображение немецких, австрийских и швейцарских озер и прудов комплексно не исследовалось на материале высокого бидермейера. Научных работ, соответствующих заявленной теме, не обнаружено.

Задачами исследования является составление корпуса исследуемых текстов, анализ озер и прудов в составе *locus amoenus*, выявление жанрового статуса стихотворений с такими элементами. Метод исследования – структурно-описательный.

¹Понятие «локус» в отечественном литературоведении ввел фольклорист С. Неклюдов, его учение продолжил Ю. Лотман. См.: Неклюдов С. Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былинной поэме // Тезисы докладов II Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966. С. 42–44; Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

²См.: История зарубежной литературы XIX века: учебник / отв. ред. Е. М. Апенко. М.: Проспект, 2001.

ОЗЕРО И ПРУД В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Мастера бидермейера в отличие от поэтов других направлений последовательно включают озеро и пруд в *locus amoenus*. Озеро – важный элемент романтической эстетики, отразившийся, к примеру, даже в названии «озёрной школы», кружка поэтов-романтиков У. Вордсворта, С. Кольриджа, Р. Саути и др., чья деятельность была связана с Озёрным краем в северо-западной Англии. Однако даже в их творчестве не отмечается столь благоговейного отношения к озерам, как у бидермейеристов. Немецкие романтики и в особенности экспрессионисты нередко создают тяжелые образы прудов. Так, например, в известной сказке братьев Гримм «Die Nixe im Teich» («Русалка в пруду») пруд у мельницы таит опасность: живущая в запруде русалка в обмен на возвращение обеспеченной жизни мельнику через некоторое время забирает его сына. Жена юноши спасает его, но пруд разливается по широкому полю, сделав героев долгими странниками в поисках друг друга. Экспрессионист Г. Тракл в стихотворении «Im Winter» («Зимой») создает образ пруда, окруженного «сухим, долговязым» камышом под «чрезвычайно одиноким» небом в соседстве с истекающим кровью зверем и вязнувшими в крови воронами. Другой экспрессионист Г. Бенн в стихотворении «Einst» («Прежде») пишет о «сумраке прудов».

В русской литературе пруд также нередко предстает как негативный, inferнальный образ. «Пространство Лизинго пруда», место утопления «Бедной Лизы» из одноименной повести Н. Карамзина как печальный московский локус подробно исследовано учеными [Люсый, 2014] и описано художниками слова (к примеру, в стихотворении В. Микушевича «Лизин Пруд»). Не менее изучены и Патриаршие пруды, известные читателю, в первую очередь, по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Л. Сорокина подчеркивает, что «в географии романа существует сакральное противопоставление света и тьмы – Патриарших прудов и Чертолья: святое место противопоставлено названию оврага, «прорытого чёртом» [Сорокина, 2010, с. 9–10]. Однако и сами Патриаршие возникли на месте Козьего болота, места, связанного как с нечистой силой, так и с московскими святыми. Это сакральное московское место, но именно здесь изображается гибель Берлиоза и появляется Воланд со свитой [Ши Янань, 2018]. У А. Ремизова пруд в одноименном романе и место обитания нечисти, и место утопления:

«густо заросший со всех краев старыми ветлами, на конце которого шипит и трясется бумаго-прядельная фабрика с черной, закопченной трубой», «стал

пруд серым, – всеми лежал он покинутый, с одинокими брошенными льдинами, с тёмной, как проломленный глаз, прорубью», берег «черный» и «тинистый», «и сад и пруд проклятые, – шла молва, – нечистый ходит!», «в пруду у плотика, стоя, с разинутым рыбьим ртом, плыл мертвым поплавком захлебнувшийся Прометей с веткою березы за плечами и не откликался, не мог откликнуться – мертвый» (Ремизов А. М. *Собрание сочинений*. Т. 1. Пруд: Роман. М.: Русская книга, 2000. С. 34, 71, 122).

Роман «Пруд» анализировался под разной оптикой: в нем осмыслены поэтика двоемирия как «сакральное / inferнальное» [Гусева, 2006], художественное пространство как условная модель [Ефремова, 2014] и др. Н. Лихина в своей статье «Бестиарный мотив в русской литературе» сообщает в числе других образов о бестиарном обитателе «маленького, мутного пруда» в рассказе В. Пелевина «Кормление крокодила Хуфу» [Лихина, 2011].

НЕМЕЦКИЕ СИНОНИМЫ СЛОВА «ПРУД»

Конечно, восторженное описание озер и прудов можно встретить у представителей разных направлений, но доминантой это становится именно у бидермейеристов. В их стихах мы находим преобладающее большинство употребления слова *der Weiher* в сравнении с синонимами слова пруд – *der Teich* и *der Tümpel*, которые используются редко. Это объяснимо. Под прудом понимается водоем в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке¹. Поэтов высокого бидермейера привлекает именно *der Weiher*, потому что данный синоним пруда обозначает небольшой водоем со стоячей водой, который обычно не пересыхает, поэтому вода в нем чистая и прохладная. *Der Weiher* часто окружен полосой камыша. Он глубже, чем *der Teich* и *der Tümpel*. *Der Teich* создается искусственно, к примеру, для разведения рыбы. При необходимости воду из него можно слить. Это садовый пруд. *Der Tümpel* представляет собой небольшой стоячий водоем, который время от времени может пересыхать, но после продолжительного дождя снова наполниться водой. *Der Teich* довольно мелкий и поэтому нередко мутный, вода в нем быстрее прогревается. Тем не менее бидермейеристы, если и обращаются к данному синониму слова пруд, то создают его чистым, «хрустальным», как, к примеру, в «Auf eine Christblume I» («К цветку Христа I») Мёрике:

¹Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Пруд // Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 628.

Im nächt'gen Hain, von Schneelicht überbreitet,
wo fromm das Reh an dir vorüber weidet,
bei der Kapelle, am krystall'nen Teich,
dort sucht' ich deiner Heimat zauberreich
(Mörke E. *Gedichte. Stuttgart u. Tübingen, 1838, c. 78*).

В ночной дубраве, залитой сиянием снега,
где олень благочестиво пасётся рядом,
у часовни, у хрустального пруда,
там я искал твою волшебную родину.

По преимуществу мастеров высокого бидермейера привлекают природные, но ухоженные и чистые водоемы с прозрачной водой. Очевидно, это связано со спецификой *locus amoenus* у бидермейеристов. Данный локус находится на перекрестье домашнего благополучия и природного покоя, тогда как очень чистые озеро и пруд кажутся рукотворными, хотя и являются природными объектами.

ТИПЫ СТИХОТВОРЕНИЙ ОБ ОЗЕРАХ И ПРУДАХ

Стихотворения поэтов высокого бидермейера об озерах и прудах делятся на разные группы. Опишем четыре из них.

1. Озеро или пруд своими границами организуют всё стихотворение. В этих случаях *locus amoenus* нередко совпадает своими границами со всем произведением и переходит в его хронотоп.

В высоком бидермейере преобладают описания прудов и озер как первозданных природных ландшафтов, похожих на картины рая. Именно поэтому водоемы и вызывают такое благоговейное умиление. Нетронутый водоем словно символизирует гармонию божественного творения. Таково изображение прудов Анnette фон Дросте-Хюльсхофф в её лирических циклах «Der Weiher» («Пруд»), «Die Elemente» («Стихии»), «Am Weiher» («У пруда») и др. Эти стихотворения были обстоятельно проанализированы мной в других работах об идиллии высокого бидермейера. Поэтесса передает божественный покой, исходящий от пруда. Мотивы *locus amoenus* здесь многочисленны: это «стрекозы», «сияние солнца», «ирисы», «колыбельные камыша», «берег», «покой», «тишина», «камушек на берегу», «облако», «крона старого дерева», «птица», «рыбка», нитевидные водоросли («водяные нити»), «гнездо», «широкая ветка», «полог из листьев», «скамейка», «солнце», «ветки», «звезды», отражение цветов и облаков в пруду, «орешник» и др. Дети на берегу воспринимают пруд как святилище (*Der Weiher*. Пруд). В своей лодке, отдыхая, дремлет рыбак. Он обращается к воде, называя ее «драгоценной кровью земли»,

и, вспоминая ручей и гладь пруда у своей хижинки, просит ласково окутать его¹. В диптихе «Am Weiher» («У пруда») *locus amoenus*, «сухой безветренный уголок», сотканный из мотивов «тишины», «тихого пруда», «еловых стен», ограждающих пруд, «солнечных лучей», «берега», «рябь», «бухты», «зелени», «сверчка», «камышей», перерастает в свойственный жанру отрывка *locus artis* (место творчества), приобретая специфические мотивы творчества. Обладая «природой как праздником», лирическая героиня – поэтесса черпает из нее вдохновение, рассматривая приятное местечко как свою мастерскую. А. Дросте-Хюльсхофф свойственно восприятие пруда как райского локуса, девственного природного водоема, по своей чистоте близкого рукотворному.

«Am Traunsee» («На Траунзее») – стихотворение другого мастера бидермейера, в котором водоем (озеро) как *locus amoenus*, переходящий в хронотоп, также занимает собой всё стихотворение. Этот водоем, название которого похоже на Озеро Мечты (Traumsee), привлекает внимание Йозефа Виктора фон Шеффеля, лирический герой которого восхищается озером как успокаивающим его образом. Озеро Траунзее в Австрии, расположенное в регионе Зальцкаммергут, является самым глубоководным озером страны. Оно и довольно большое – 12 км в длину и 3 км в ширину. На северном берегу Траунзее стоит городок Гмунден, который славится ручной керамикой. Возле Гмундена находится живописный замок на воде Schloss Ort, а немного западнее, у подножия хребта Traunstein, располагается деревушка Траункирхен – одно из самых древних австрийских поселений. Вода в озере невероятно чистая и прозрачная. Озеро получило название от протекающей через него реки Траун, правого притока Дуная.

Вместе с лицезрением озера к лирическому герою возвращается «мягкий покой»:

Endlich, endlich, milder Friede,
Kehrst du wieder in mir ein
(Scheffel J. V. von. *Frau Aventiure, Lieder aus Heinrich von Oftendingens Zeit. Stuttgart, 1886. S. 187*) –
Наконец, наконец, мягкий покой,
Ты возвращаешься ко мне.

Стихотворение делится на две части, пронумерованные римскими цифрами. В первой части поэт начинает описание озера с его зеркальной глади и затем изображает весь *locus amoenus*, совпадающий с озером и прибрежной зоной. Зеленые волны, темные еловые холмы как стражи-границы озера, горный снежный воздух, создающий охлаждающее

¹В книге «Die Elemente» («Стихии») входит в рубрику «Fels, Wald und See» («Скала, лес и озеро»).

сияние в душе, вдохновляют лирического героя. Словно чайки, кружат его песни. Воодушевление, творческую истому дарит наслаждение созданным Богом пейзажем. Благодаря озеру мир, «такой большой, такой широкий», преображённым сияет лирическому герою в ответ. От озера человек получает благословение и становится смиренным. «Фиолетовые тёплые вечерние тени» раскрашивают снегом горы. Пейзажная элегия здесь быстро уступает место величественной идиллии, которая при описании озера не знает себе равных.

Интересна диффузия жанров и во второй части. Пейзажные элементы христианизуются: у острова теперь «монастырские залы», а лирический герой «выходит из потопа» и слышит звук соборных колоколов и благочестивый хор сестер. Следует молитва на латинском языке. Сердце лирического героя сладко замирает в этом пении.

Таким образом, стихотворение Шеффеля вначале словно выныривает из элегии в идиллию, быстро оставляя элегию в прошлом (боль лирического героя растворяется в песне, при виде озера пробуждается его творчество, муки улетают с ветром, ночь уходит в могилу, голубые альпийские края – знак того, что день будет веселым), не задерживаясь на ней, а затем идиллия сливается со стихотворной молитвой, используя ее мотивы.

Озеро как райское место охватывает своими границами, к примеру, и художественный мир двухчастного стихотворения Шеффеля «Seebilder» («Картины озера»).

2. Озеро или пруд своими границами организуют *locus amoenus* внутри стихотворения.

Так, озеро в стихотворении Э. Мёрике «Die Geister am Mummelsee» («Духи на озере Муммельзее») организует собой *locus amoenus* внутри сложного в жанровом плане текста (диффузия баллады, идиллии и антологического стихотворения), изображающего похоронную процессию, хотя и сопровождающуюся радостно звучащими песнями, танцами, жужжащими молитвами, ярко зажженными факелами. *Locus amoenus* имеет здесь четкие границы: это не только берега озера, но и туман сверху. Для изображения озера как блаженного места, спрятанного внутри стихотворения (4-я и 5-я строфы), автор меняет интонацию: от яркой радости и буйства эмоций переходит к безмятежному покою («Nur still!» – «Только покой!») и затем, завершив описание *locus amoenus*, снова возвращается к громкому мистическому действию. Место блаженства состоит здесь из открывающихся в него зеленых зеркальных ворот, живой лестницы, сияющих вод. Озеро, которое поэт называет и пруд (der Weiher), расширяется до моря.

В данном стихотворении отсутствует стилизация под ясную Античность, свойственная антологическому жанру, однако произведение подпитывается его дионисийством. Внутри плясок и песен духов и покоится аполлоновское описание озера. Танцующие духи у Мёрике спускаются к озеру с гор, что обусловлено географией изображаемого озера. Муммельзее, находящееся в северной части Шварцвальда, не зря привлекает внимание мистически настроенного поэта. Известная «дорога в Шварцвальде» проходит прямо мимо Муммельзее. Живописное озеро возникло в результате обрушения подземных пещер. Вокруг Муммельзее расположены крутые лесистые горные склоны, к западу от озера возвышается гора Каценкопф высотой более километра, к северу гора Хорнисгринде, чуть выше Каценкопф. Тихое озеро, в котором отражаются темные леса, часто называют «глазом Шварцвальда». О водоеме ходят различные легенды и мифы. В них повествуется о русалках, призраках, а также о короле Муммельзее. Согласно старинной легенде, озеро даже считается входом в центр Земли.

Озеро как *locus amoenus* находится внутри художественного мира стихотворения Й. В. фон Шеффеля «In den Alpen» («В Альпах») и др.

3. Озеро или пруд являются элементом *locus amoenus* в стихотворении, в центре которого крупно описан другой элемент прекрасного места.

Таково стихотворение Э. Мёрике «Auf eine Christblume I» («К цветку Христа I»). Под цветком Христа здесь имеется в виду морозник (он же зимовник, или чемерица). Лирический герой с радостью наконец находит эту «дочь лесов», «родственницу лилий», «незнакомку» на церковном погосте, его «волшебной родине». Парадоксальным образом кладбище как место упокоения души становится здесь *locus amoenus*. Это возможно только в высоком бидермейере, чья эстетика устремлена к религиозности. Чью могилу украшает цветок Христа? Если здесь лежат юноша или девушка, их участь была прекрасна, они были благочестивы. Кладбище – мотив, высокочастотный для элегии, но у Мёрике парадоксальным образом он становится идиллическим. Здесь побеждает безмятежное мироощущение глубоко верующего человека.

Постепенно собирается комплекс мотивов необычного ночного, зимнего, кладбищенского *locus amoenus*: залитая снежным сиянием ночная роща, благочестиво пасущийся олень, часовня, хрустальный пруд, приятный запах, прекрасный холод. Это «волшебная родина» цветка Христа, который лирический герой называет «дитя луны, а не солнца». Кладбище находится в роще, это лесное место, но оно не дикое благодаря христианским мотивам.

Стихотворение построено на обращении лирического героя к цветку, полном благоговения и умиления. Как Христос проникновенно описал лилии, так лирический герой Мёрике – цветок Христа. Многогранный образ этого растения строится из мотивов детскости (*Doch kindlich zierst du, um die Weihnachtszeit. – Ведь ты по-детски украшаешь себя на Рождество*), красоты (*o schöne – о, красавица*), благоговения (*vor deiner mystischen Glorie steht er scheu neugierig still von fern – он издалека с любопытством тихо робует перед твоей мистической славой*), цветения (*Von welcher Hand gepflegt du hier erblühtest – благодаря какой заботливой руке ты здесь расцвела*), открытия прекрасного (*so lang von mir gesuchte, unbekannte – как долго я искал тебя, незнакомку*), волшебства (*dort sucht' ich deiner Heimat zauberreich – там я искал твою волшебную родину*), ночи (*Kind des Mondes, nicht der Sonne – дитя луны, не солнца; in mittenächt'ger Stunde – в полночный час*), прекрасного холода (*himmlischer Kälte – небесный холод*), зимы (*im fremden Kirchhof, öd' und winterlich – на чужом погосте, пустынном и зимнем*), аромата (*balsam süße Luft – ароматный сладкий воздух*) и др. «Ароматный сладкий воздух» тлена и «небесный холод» питают тело цветка. Запах его похож на аромат свадебного платья Богородицы. В полночный час спешащий на танцы эльф робко притихает и удаляется. Именно цветок и сопровождающие его элементы («пруд», «сияние» и др.) делают «чужой погост» волшебным, блаженным местом. Для Мёрике в целом характерно сплетение христианских, мифологических и авторских фантазийных мотивов. Здесь кодой произведения становится появление на фоне христианского кладбища спешащего по своим развлечениям ночного эльфа, что усиливает особую мифопоэтику Мёрике.

Как видим, пруд здесь лишь часть декорации вокруг другого благодного образа. Пруд, как и другие элементы *locus amoenus*, освещен и освящен сиянием и святостью цветка Христа. Даже олень становится благочестивым.

4. Озеро или пруд перечисляются в числе других элементов *locus amoenus*. В лирике Й. В. фон Шеффеля нередко упоминание (но не изображение) красивого озера как элемента прекрасного места. Так, в стихотворении «Die Herberge am See» («Гостевой дом на озере») границы *locus amoenus* образует изображаемый гостевой дом. Это «прославленное радостными песнями», блаженное место для лирического героя – гедониста. Он ощущает себя здесь принцем Венеции, и гостевой дом становится для него маленькой Венецией, проекцией этого города мечты:

Eine enge Dachkemenate
Herbergt mich als Dogenpalast,

<...>

Ein Bänklein im Schatten der Linde
Ist mein heiliger Markusplatz
(Scheffel J. V. von. *Frau Aventure, Lieder aus Heinrich von Ofterdingens Zeit*. 1886. S. 118) –

Небольшая беседка на крыше
Размещает меня, как Дворец Дожей,

<...>

Скамеечка в тени лип –
Моя площадь св. Марка

Разомлевший от удовольствия лирический герой устремляет воображаемые взоры к другим красотам земли, однако сам он счастлив в своей таверне. Он уютно и умиротворенно чувствует себя в прекрасном местечке – в благодати весны с пенным напитком на столе, детьми рыбаков, играющими в теньке с монастырским котом, фоновыми разговорами о весне. Озеро, упомянутое в названии, – важный элемент этого приютившегося на его берегу *locus amoenus*.

Подобное описание райского места отдыха у озера мы находим и у Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф в стихотворении «Die Schenke am See» («Таверна у озера»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируем результаты наблюдений над лирикой А. фон Дросте-Хюльсхофф, Э. Мёрике и Й. В. фон Шеффеля. Несмотря на то что классическими водными элементами *locus amoenus* являются ручей или родник, в высоком бидермейере сохраняется устойчивый интерес к озерам и прудам. Эти немецкие, австрийские и швейцарские водоемы способны не только создать *locus amoenus*, но и своими границами охватить весь хронотоп, весь художественный мир стихотворения. Поэты-бидермейеристы восхищаются чистыми озерами и прудами как райскими, девственно прекрасными картинами и в то же время их как ценителей домашнего уюта умиляет сходство ухоженных прудов с рукотворными. В русской, а также в немецкой романтической и экспрессионистической литературе нередко создаются негативные, даже inferнальные образы прудов и озер. В отличие от представителей других литературных направлений для мастеров бидермейера характерно восторженное и благоговейное изображение озер и прудов как доминанта творчества. Озеро или пруд поэтами высокого бидермейера могут быть описаны обстоятельно или только перечислены в комплексе мотивов *locus amoenus*. Появляясь в тексте, эти водные элементы в преобладающем большинстве случаев

направляют жанровый модус произведения высокого бидермейера к идиллическому. Обращаясь к озеру или пруду, автор стихотворения обретает идиллический модус художественности, а в случае

соперничества жанров освобождается от влияния грустной элегии и тревожной баллады и прибегает к подпитке доминантами оптимистических жанров – стихотворной молитвы и отрывка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schneider H. J. Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes ‚Wald-Idylle‘ // Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit / hrsg. von W. Braungart, R. Simon. Tübingen: Niemeyer, 2004. S. 221–238.
2. Geismeyer W. Biedermeier. Leipzig: E. A. Seeman Verlag, 1979.
3. Романова Л. В. Венский бидермейер и альбом из Гавриловки // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2011. № 7. С. 49–54.
4. Курциус Э. К. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. / пер., коммент. Д. С. Колчигина, под ред. Ф. Б. Успенского. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. Т. 1.
5. Пахсарьян Н. Т., Саськова Т. В. Историческая поэтика пасторали // Вопросы филологии. 2001. № 2. С. 69–82.
6. Люсий А. П. В пространстве Лизиного пруда // Человек. Культура. Образование. 2014. № 2 (12). С. 41–60.
7. Сорокина Л. М. Сакральная география Москвы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2010.
8. Ши Янань. Топонимы Москвы в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Патриаршие пруды: история и литература // Научный диалог. 2018. № 2. С. 210–217.
9. Гусева Е. В. Роман «Пруд» А. М. Ремизова: поэтика двоemiрия: дис. ... канд. филол. наук. Йшкар-Ола, 2006.
10. Ефремова О. А. Художественное пространство как условная модель в романе А. М. Ремизова «Пруд» // Вестник ТГПУ. 2014. № 11 (152). С. 36–38.
11. Лихина Н. Е. Бестиарный образ в русской литературе // Вестник Балтийского университета им. И. Канта. 2011. № 8. С. 149–154.

REFERENCES

1. Schneider, H. J. (2004). Vom Zünden der Tradition. Märchen, Idylle und lyrisches Subjekt in Mörikes ‚Wald-Idylle‘. In Braungart, W., Simon, R. (Hrsgs.), Eduard Mörike: Ästhetik und Geselligkeit (S. 221–238). Tübingen: Niemeyer.
2. Geismeyer, W. (1979). Biedermeier. Leipzig: E.A. Seeman Verlag.
3. Romanova, L. V. (2011). Vienna biedermeier and the album from Gavrilovka. Diskussiia. Zhurnal nauchnyh publikacij, 7, 49–54. (In Russ.)
4. Kurcius, E. K. (2021). Evropejskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e = European Literature and the Latin Middle Ages (vol. 1): in 2 vols. Moscow: Izdatel'skij dom YASK. (In Russ.)
5. Pahsar'yan, N. T., Sas'kova, T. V. (2001). Istoricheskaya poetika pastorali = Historical poetics of pastoral. Voprosy filologii, 2, 69–82.
6. Lyusyij, A. P. (2014). V prostranstve Lizinogo pruda = In the space of Liza's pond. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie, 2(12), 41–60. (In Russ.)
7. Sorokina, L. M. (2010). Sakral'naya geografiya Moskvyy v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Sacred Geography of Moscow in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita": abstract of PhD thesis in Philology. Arhangel'sk. (In Russ.)
8. Shi, Yanan'. (2018). Moscow place names in "Master and Margarita" by M. A. Bulgakov. Patriarshiye ponds: history and literature. Nauchnyj dialog, 2, 210–217. (In Russ.)
9. Guseva, E. V. (2006). Roman «Prud» A. M. Remizova: poetika dvoemiriya = The Novel "The Pond" by A. M. Remizov: the Poetics of Dual Worlds: PhD thesis in Philology. Yoshkar-Ola. (In Russ.)
10. Efremova, O. A. (2014). Hudozhestvennoe prostranstvo kak uslovnaya model' v romane A. M. Remizova «Prud» = Artistic space as a conditional model in the novel by A. M. Remizov "The Pond". Vestnik TGPU, 11(152), 36–38. (In Russ.)
11. Lihina, N. E. (2011). Bestiarnyj obraz v russkoj literature = Bestiary image in Russian literature. Vestnik Baltijskogo universiteta im. I. Kanta, 8, 149–154. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зейферт Елена Ивановна

доктор филологических наук

профессор Российского государственного гуманитарного университета

ведущий научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seifert Elena Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.)

Professor of Russian State University for the Humanities

Leading Researcher of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	27.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо: имагопоэтический аспект

А. В. Карпова¹, И. А. Семина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹a.v.karpova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние художественной практики и эстетических воззрений Л. Н. Толстого на французского автора первой половины XX века А. Бордо. Цель исследования – определить особенности рецепции творчества Л. Н. Толстого и ее роль в формировании художественно-эстетической системы избранного французского автора. В работе использован комплексный методологический подход, включающий сравнительно-исторический, имагологический, тезаурусный, аксиологический и биографический методы. Материалом исследования послужил очерк А. Бордо «Граф Лев Толстой. Воскресенье» в контексте сборника эссе «Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления» и в более широком контексте художественного творчества автора. В результате проведенного исследования доказаны значительная степень и комплексный характер влияния творчества Л. Н. Толстого на формирование художественно-эстетической системы А. Бордо.

Ключевые слова: имагология, имагопоэтика, русско-французские литературные связи, Л. Н. Толстой, А. Бордо

Для цитирования: Карпова А. В., Семина И. А. Рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо: имагопоэтический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 113–123.

Original article

Reception of L. N. Tolstoy's Work in the Artistic-aesthetic System of H. Bordeaux: the Imagopoetic Aspect

Anastasia V. Karpova¹, Irina A. Semina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹a.v.karpova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of L. N. Tolstoy's artistic practice and aesthetic views on the French author of the first half of the 20th century, H. Bordeaux. The aim of the study is to identify the specifics of the reception of L. N. Tolstoy's work and its role in shaping the artistic and aesthetic system of the selected French author. The study employs a comprehensive methodological approach, including comparative-historical, imagological, thesaurus, axiological, and biographical methods. The material for the study is H. Bordeaux's essay "Count Leo Tolstoy. Resurrection" in the context of the essay collection "Writers and Morals: Notes, Essays, and Reflections" and the broader context of the author's artistic work. The research demonstrates the significant degree and complex nature of the influence of L. N. Tolstoy's work on the formation of H. Bordeaux's artistic and aesthetic system.

Keywords: Imagology, imagopoetics, Russian-French literary connections, L. N. Tolstoy, H. Bordeaux

For citation: Karpova, A. V., Semina, I. A. (2025). Reception of L. N. Tolstoy's work in the artistic-aesthetic system of H. Bordeaux: the imagopoetic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 113–123. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается сборник эссе А. Бордо «Les Écrivains et les Mœurs : notes, essais et figurines» («Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления»)¹ с точки зрения отражения в нем художественно-эстетических концепций Л. Н. Толстого в оптике русско-французских связей и взаимодействий рубежа XIX–XX веков. Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: доказать факт влияния творчества Л. Н. Толстого на формирование художественно-эстетической системы А. Бордо, проанализировать специфику пост-интерпретационной рецепции идей Л. Н. Толстого в эссеистике и художественном творчестве А. Бордо, определить степень влияния современных имагологических образов Л. Н. Толстого и русской литературы на рецепцию идей Л. Н. Толстого в творчестве А. Бордо.

Предметом исследования является очерк «Граф Лев Толстой. Воскресенье» в контексте сборника эссе, включающего в себя как эссе, посвященные собственно творчеству Л. Н. Толстого и других значимых для Бордо авторов второй половины XIX века, так и тексты на общегуманитарные темы, содержащие развернутый авторский комментарий о французской и мировой литературе в контексте рубежа веков.

Актуальность представленного исследования обусловлена вниманием отечественных литературоведов к имагологии как интердискурсивной отрасли гуманитарного знания, а также обозначившейся в конце XX века тенденцией к дифференциации имагологических направлений, связанных с различными сферами гуманитарного знания, что подтверждается исследованиями, посвященными становлению и актуализации имагологического теоретико-методологического аппарата в современной отечественной гуманитаристике. Так, В. А. Луков предлагает тезаурусный подход к освоению имагологического материала [Луков, 2012]; О. Ю. Поляков рассматривает имагологию как раздел компаративистики [Поляков, Полякова, 2013]; В. П. Трыков развивает и уточняет концепции, предложенные В. А. Луковым, О. Ю. Поляковым, В. Б. Земсковым, А. Ю. Большаковой [Трыков, 2015]. Работая в русле их концепций, В. П. Трыков отделяет имагологический подход от имагопоэтического. А. А. Забияко и Е. В. Сенина изучают специфику художественного образа как центральной категории имагопоэтики [Забияко, Сенина, 2021].

Новизна исследования обусловлена обращением к проблеме рецепции творчества Л. Н. Толстого в

формировании художественно-эстетической системы А. Бордо, не являвшейся ранее предметом имагопоэтического исследования.

В основу исследования положен комплексный подход, объединяющий элементы сравнительно-исторического, имагологического, тезаурусного, аксиологического, биографического методов, мотивированный неопределенным статусом имагологии в современной гуманитаристике [Трыков, 2015] и необходимостью подчеркнуть литературоведческую оптику проводимого исследования, ввиду чего мы считаем целесообразным обратиться к уточненному понятию «имагопоэтика», предложенному В. П. Трыковым [там же]. Выбор методологии исследования также обусловлен «имманентной зависимостью» восприятия художественного образа от общественно-политических, религиозных установок своей эпохи и биографически обусловленных установок реципиента [Веселовский, 2018; Забияко, Сенина, 2017].

Теоретическую основу настоящей статьи составляют литературоведческие работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные становлению и развитию имагологии и имагопоэтики [Поляков, Полякова, 2013; Луков, 2008; Луков, 2012; Трыков, 2015], проблеме рецепции русской литературы во французском культурном сознании XIX века и рубежа веков [Трыков, 2021; Ощепков, Трыков, 2010], творчеству Л. Н. Толстого как предмету имагологического исследования [Трыков, 2014; Трыков, 2021; Чистякова, 1937; Григорьев, 1964; Гладкова, 2023], а также творчеству А. Бордо [Сапиро, 2017; Ferchat, 1912; Григорьев, 1964].

ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ЧАСТЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНЦЕНТРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОЗНАНИИ РУБЕЖА ВЕКОВ

На рубеже XIX–XX веков во французском литературном сознании происходит формирование русского литературного центра [Трыков, Ощепков, 2010, с. 146] как специфического центра инациональных литературных взаимодействий в рамках культуры-реципиента, обладающего кумулятивным характером, однако имеющего тенденцию к диссоциации культурной специфики в результате сближения с культурой-реципиентом и ее ответного влияния [Луков, 2008, с. 18–19].

До второй половины XIX века русская литература не являлась предметом концентрированного интереса и оставалась на периферии французского художественного сознания: в XVIII веке произведения отдельных русскоязычных авторов, в их числе А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, переводились на французский

¹Здесь и далее перевод наш. – А. К., И. С.

язык и публиковались, однако не привлекали внимания широкой публики [Трыков, Ощепков, 2010]; в первой половине XIX века предметом по-прежнему весьма ограниченного интереса французского читателя становятся русская драматургия, творчество И. А. Крылова как баснописца и драматурга, творчество Н. М. Карамзина, специфическую рецепцию получает творчество А. С. Пушкина.

Современные исследователи русско-французских литературных связей и рецепции русской литературы во французском культурном пространстве отмечают общую для французской критики XVIII–XIX веков тенденцию к определению русской литературы как подражательной и неоригинальной [там же]. В числе причин манкирования произведениями русской литературы в рассматриваемый период исследователи называют утвердившееся при Старом порядке и сохраняющееся до середины XIX века «убеждение в абсолютном превосходстве французской литературы» [там же, с. 147], ангажированное гетеротопическое восприятие России как «варварской страны» [там же, с. 147], а также качество переводов на французский язык произведений русской литературы [там же], не позволявшее составить развернутое представление об их специфике.

Во второй половине XIX века исследователи отмечают усиление интереса к русской литературе, пристальное внимание французской критики к творчеству И. С. Тургенева, с изучения которого начинается «серьезное освоение русской литературы во Франции» [там же, 2010, с. 148], к творчеству А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Интерес к русскому роману во второй половине XIX века объясняется «реакцией на французский натурализм» [там же, с. 149]: русский роман представляется альтернативой декадентским тенденциям в современной французской литературе [Григорьев, 1964] и благодаря этому крайне положительно воспринимается авторами-традиционалистами, не признающими ни натуралистическую деформацию и ее «грубое преувеличение реальности» [Bordeaux, 1902, с. 26], ни концепцию «искусства для искусства» с ее формоцентричным дискурсом, стремлением к размежеванию искусства и жизни [там же, с. 15].

Одним из первых французских критиков и исследователей, в положительном ключе обратившихся к русской литературе и к русскому роману в частности, отметивших «самобытность, оригинальность и художественные достоинства русской литературы» [Трыков, Ощепков, 2010, с. 150], был Э.-М. де Вогюз, опубликовавший в 1886 году работу «Русский роман», посвященную творчеству Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и затем

в 1892 году совместно с Э. Эннекеном работу, посвященную собственно творчеству Л. Н. Толстого.

В исследовании Ш. Корбе, посвященном русско-французским связям в XIX веке и в том числе рассматривающем проблему французской рецепции русской литературы, подчеркивается пристальное внимание в конце 1880 – начале 1890-х именно к фигуре Л. Н. Толстого, интерес к творчеству которого, по словам исследователя, многократно превзошел интерес к «прочим русским писателям в сознании французов» [цит. по: Трыков, 2014, с. 345]. Во французской критике к творчеству Л. Н. Толстого обращались также Ж. Пелисье («Études de littérature contemporaine», 1901), [Григорьев, 1964; Трыков, 2010], Р. Роллан («Жизнь Толстого», 1911), А. Сюарес («Толстой», 1899), Ж. Дюма («Толстой и философия любви», 1893), Ф. Шрёдер («Толстовство», 1893), Э. Род («Нравственные идеи современности», 1891), Л. Леже («История русской литературы», 1905) [Трыков, 2014], М. Леблон («La justice russe. D'après les oeuvres de Gogol, Dostoiewski, Tourgueneff et Tolstoi», 1899), А. Бретон («La pitié sociale dans le roman», 1900), [Григорьев, 1964] и др. Исследователи утверждают, что творчество Л. Н. Толстого достигает апогейной точки читательского интереса в европейском культурном пространстве с публикацией романа «Воскресенье» [там же] (первые переводы романа на французский, немецкий, английский языки выходят уже в 1899 году). Отдельно необходимо отметить, что не только художественная проза Л. Н. Толстого, но и его эстетико-философские произведения, среди которых главное место занимает трактат «Что такое искусство?» 1898 года, где автор рассматривает в том числе французские эстетические теории XVIII века [Гладкова, 2023], становились предметом изучения современной французской критики. Бесспорно воздействие философской и художественно-эстетической мысли Л. Н. Толстого и на современную автору французскую художественную прозу – мы можем говорить о создании широкого ряда романов в результате непосредственного влияния идей и произведений Л. Н. Толстого, в числе которых роман Э. Рода «Бесполезное усилие» (1903), романы М. Прево «Тайный сад» (1897), «Сильные девы» (1900) [там же], роман Ш.-Л. Филиппа «Бюбю с Монпарнаса» (1901), драматическое переложение романа «Воскресение» А. Батайля (1902) [Григорьев, 1964] и др.

Подобное усиление влияния русской литературы и творчества Л. Н. Толстого в частности может обуславливаться изменившейся динамикой восприятия русской литературы, которая в оптике французской критики может прослеживаться в соответствии критерию универсальности – если творчеству А. С. Пушкина во французской критике

«отказывают во всемирности» [Трыков, 2021, с. 54], то в статьях, посвященных творчеству А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, французские критики-современники отмечают общезначимость, «эссенциальность» их творчества [цит. по: Владимирова, 1978, с. 36].

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БОРДО: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ПОСТ- ИНТЕПРЕТАЦИОННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Среди прочих французских авторов рассматриваемого периода к творчеству Л. Н. Толстого через рецептивную оптику обращается А. Бордо – французский автор первой половины XX века, оставшийся в памяти зарубежного литературоведения как автор-традиционалист, член Французской академии, крупный представитель французского католического возрождения рубежа XIX–XX веков, обращающийся в своем творчестве к проблеме идентичности в контексте современного автору кризиса аксиологических категорий. Творческое наследие А. Бордо составляет более 30 романов, а также ряд критических сборников, посвященных актуальным проблемам литературы и искусства. Художественно-эстетическая система А. Бордо складывается под влиянием социально-исторических изменений второй половины XIX – начала XX веков и последовавшей за ними трансформацией философско-эстетического сознания, обусловивших специфику художественных средств и проблематики французского романа рубежа веков. Значительную роль в формировании данной системы играет погруженность А. Бордо в современный автору национальный и зарубежный литературный контекст. Отдельный интерес представляет внимание А. Бордо к творчеству Л. Н. Толстого как на уровне художественной критики, так и на уровне рецепции и пост-интерпретационной репрезентации отдельных нарративных стратегий романов автора, чем обуславливается имагопоэтический фокус проводимого исследования.

Единственным текстом сборника А. Бордо «Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления», посвященным непосредственно творчеству Л. Н. Толстого, является эссе «Граф Лев Толстой. Воскресенье». Однако А. Бордо неоднократно обращается к фигуре Л. Н. Толстого и в прочих статьях сборника. Особый интерес представляет трехчастная структура сборника: первая часть включает в себя эссе, посвященные кризису современного романа, тенденциям в современной романной прозе, а также творчеству французских авторов XIX века и рубежа веков. Вторая часть сборника посвящена французской социокультурной критике. В третьей

части автор рассматривает избранные произведения писателей мировой литературы.

17. Первоочередно необходимо обратить внимание на название сборника эссе А. Бордо, уже в заглавие вынесшего проблему морали и нравов, а через нее вопрос роли дидактической составляющей в построении художественного текста и проблему социальных роли и ответственности писателя, ставшую предметом дебатов во Франции первой половины XX века [Сапиро, 2017], в которых А. Бордо принимал участие в составе группы консервативно настроенных писателей-традиционалистов под предводительством П. Бурже и Ф. Брунетьера [там же], на работы и творчество которых А. Бордо активно ссылается в своей эссеистике [Bordeaux, 1902]. Представленные эстетико-философские проблемы, вопросы формы и содержания художественного текста, а также отдельные тексты писателей-современников А. Бордо рассматриваются автором с опорой на конкретизированную аксиолого-этическую систему координат, которую современная эпохе деятели философии и культуры, а также исследователи французской литературы рассматриваемого периода обозначают как «национальный морализм» [Сапиро, 2017, с. 149], представляющий собой реакцию на литературный и художественный модернизм. Сам Бордо обозначает представленную систему как «католический морализм» [Bordeaux, 1902, с. 70], подчеркивая ее неотъемлемую религиозную составляющую. Внимание автора к данной системе особенно важно в контексте имагопоэтического подхода к представленному исследованию как системе, сочетающей в себе и этнические константы, и ценностные доминанты, необходимые для «формирования образов взаимного восприятия при взаимодействии культур» [Забияко, Сенина, 2021, с. 167]..

Отдельно необходимо отметить авторский комментарий касательно соотношения понятий «мораль» и «нравы», определяемых автором в открывающем эссе сборника «Кризис романа» через степень их социальной динамики – А. Бордо отмечает статичность моральных категорий, строящихся на неизменных принципах, и исторически обусловленную изменчивость категории нравов [Bordeaux, 1902], утверждая таким образом примат морали над нравами, подверженными циклической деградации в периоды цивилизационного кризиса, один из которых приходится на современный автору рубеж веков и сопоставляемый самим А. Бордо [Bordeaux, 1902], как и многими его современниками, с Римской империей периода упадка и «античным декадансом» [Гаспаров, 1975, с. 556]. В этой связи в русле вышеупомянутой полемики им поднимается вопрос об ответственности писателя

перед современным читателем и его принципиальной роли в сближении морали и нравов.

Статья, посвященная Л. Н. Толстому, открывает третью часть сборника, куда также входят очерки, посвященные художественному творчеству и теоретическим работам Д. Рескина, романам «Свет погас» Р. Киплинга и «Огонь» Г. д'Аннунцио. Обращение к творчеству Л. Н. Толстого развернуто не обосновывается А. Бордо в тексте, автор кратко объясняет его интересом к публикации нового романа Л. Н. Толстого «Воскресенье» в 1899 году [Bordeaux, 1902], однако мы находим выбор как автора, так и произведения в качестве предмета исследования в рассматриваемом эссе показательным с точки зрения моральной-этической оптики, которую А. Бордо формулирует в открывающем эссе сборника – можно утверждать, что творчество Л. Н. Толстого представляется А. Бордо репрезентативным для актуальной художественно-эстетической проблематики, являющейся предметом сборника и определившей его структуру.

Мы находим данный интерес также мотивированным в числе прочего вышеупомянутой полемикой традиционалистов и модернистов, свидетельствующей о кризисном положении и неопределенном самоидентификационном статусе современного французского романа. На наш взгляд, обращение в заключительной части сборника к романам не национальной, но мировой литературы, в том числе к произведениям авторов, в творчестве которых так или иначе представлена французская тема, соответствует общим задачам сборника, отвечая на потребность в цивилизационной рефлексии и самопознании через восприятие «своего» в «чужом» [Забияко, Сенина, 2021; Трыков, Ощепков, 2010]. Обращение к произведениям, опубликованным в последнее десятилетие и позднее, также обуславливает полемический характер очерков и предполагает возможность дискурсивного продолжения.

Как отмечает сам А. Бордо, его знакомство с текстами Л. Н. Толстого осуществлялось через переводы на французский язык, которым, например, в контексте толстовского трактата «Что такое искусство?» сам Бордо приписывает «пренебрежение <...> деталями и непонимание общего замысла» [Bordeaux, 1902, с. 282]. Примечательно, что и вышеупомянутый трактат, и роман «Воскресение» на момент написания эссе французского критика существует в двух переводах: переводе Т. де Визева и И. Д. Гальперина-Каминского, причем перевод Гальперина-Каминского был выполнен в сокращенном виде с элементами частичного пересказа на французский язык [Гладкова, 2023]. На проблемы с переводами активно указывали

современники: в 1900 году в литературно-художественном журнале «La Revue blanche» французский переводчик и журналист А. Субербель публикует критическую заметку «Comment on traduit Tolstoï», в которой указывает на значительные недостатки перевода Т. де Визева, в числе которых сокращения и симплификация оригинального текста (вплоть до удаления целых сцен с изображением православного богослужения), намеренное опущение деталей, составляющих национальную специфику текста, результатом чего становится сохранение только общей сюжетной канвы романа [Souberbielle, 1900]. В опубликованном ответе переводчика [Souberbielle, Wyzewa, 1900] содержится как признание в некотором сокращении текста, обусловленного его чрезмерной сложностью для французского читателя, так и указание на то, что перевод осуществлялся не с опубликованного итогового варианта романа, но с рукописной версии, переданной переводчику сыном Л. Н. Толстого. Иными словами, мы можем утверждать, что рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо является опосредованной и обусловлена уже несущей на себе имагологический отпечаток оптикой перевода.

Статью открывает подчеркнуто стереотипизированное сопоставительное обращение к этническим образам холодных северных и жарких южных стран, через их гиперболизацию переходящее к описанию произведений авторов «чрезмерного темперамента» и таким образом формулирующее специфическую дихотомию русской и французской литературы через предвосприятие читателя, заданное в том числе указанием на автора и его конкретный роман в заголовке эссе – А. Бордо намеренно погружает читателя в широкий контекст современных русско-французских литературных связей. Здесь же критик обозначает Л. Н. Толстого как «темпераментного гения», предпочитающего «характер произведения красоте» и совмещающего в последнем романе «свои самые прекрасные достоинства и самые страшные недостатки» [Bordeaux, 1902, с. 281]. Здесь же А. Бордо отсылается к высказыванию Т. Б. Маколя об обоснованности критики Данте, опосредованно сближая творчество Данте и Толстого, и призывает отказаться от безусловного восхищения из уважения к гениальному автору. Иными словами, уже во вступительной части статьи через стереотипизированные этнические образы автор создает яркий, почти архетипический портрет Л. Н. Толстого, чье творчество заведомо противопоставляется французской литературе, – далее мы увидим углубление и развитие данного противопоставления. В условиях намеченного противопоставления национальных

литератур образ Толстого как «темпераментного гения» работает на предварительное формирование гетерообраза русской литературы, отличающегося внутренней страстностью, эмоциональной насыщенностью, что противопоставляется более рационализированному и эстетически ориентированному автообразу французской литературы.

Продолжая одну из магистральных тем сборника, утверждающую двойственность творческой личности всякого деятеля искусства и литературы в частности и ее разделение на «мыслителя» и «писателя», А. Бордо в своем эссе старается распределить те или иные авторские решения Л. Н. Толстого по этим двум ипостасям, утверждая, во-первых, их теснейшее смешение в творчестве Толстого именно в романе «Воскресение», во-вторых, выражая свое восхищение писательской и категорическое несогласие с концепциями философской. Здесь же А. Бордо утверждает, несмотря на признание гениальности последнего романа Л. Н. Толстого в «изображении прекрасных человеческих страстей» [Bordeaux, 1902, с. 282], свое предпочтение более ранних романов автора.

Можно утверждать, что эссе о Толстом выполняет генерализирующую функцию относительно современной А. Бордо русской литературы, о чем свидетельствует выбор романа 1899 года. Аналогичным образом представляется, что избранные авторы, творчеству которых посвящены другие статьи третьей части сборника, выполняют генерализирующую функцию для британской и итальянской литературы соответственно, с которыми А. Бордо вступает в условный диалог о природе искусства и кризисе современного романа. Отдельным аргументом в пользу данного тезиса представляется выбор сопоставляемых авторов – необходимо отметить взаимную критику Л. Н. Толстого (*Л. Н. Толстой. Письма к С. А. Толстой, 1887–1910*) и Р. Киплинга [Григорьев, 1964]. Также А. Бордо неоднократно противопоставляет в тексте эссе, посвященного роману «Воскресение», творчество Л. Н. Толстого как «русского романиста» творчеству «французов» и «англичан», «латинского гения» [Bordeaux, 1902].

Принципиальной точкой соположения романов Л. Н. Толстого и романов европейских авторов (примечательно, что в статье А. Бордо не всегда обращается при сопоставлении к конкретной национальной литературе, но обращается ко всей европейской традиции под знаком «латинского гения») становится масштаб описываемых событий. Критик отмечает «эпические пропорции» русского романа, которые противопоставляются им «безупречной лаконичности» европейского [там же, с. 283]. Однако именно в масштабном эпическом повествовании Л. Н. Толстого А. Бордо отмечает «мощнейшее

жизненное содержание», «парад человечества», «воплощение всего того, что мы чувствовали, думали и любили», «живую ... эпоху во всей ее полноте» [там же, с. 283], недоступные, по мнению критика, французским реалистам, тексты которых строятся вокруг единичных героев и ситуаций и могут детально изобразить только «обрывок жизни» [там же, с. 283]. Нам представляется необходимым обратить внимание на использование здесь местоимения «мы», выраженного в оригинальном тексте эссе местоимением «nous», а не неопределенно-личным местоимением «on», что подчеркивает космополитическую гуманистическую рецепцию критиком творчества Л. Н. Толстого и позволяет последовательно преодолеть в эссе ту дистанцию, которую А. Бордо сам устанавливает ранее, обособляя русскую литературу от французской и европейской.

На широту гуманистической рецепции автором творчества Л. Н. Толстого указывает также упомянутый фокус в эссе А. Бордо на коллективном, а не индивидуальном образе как центральном для произведений русского романиста: творчество Л. Н. Толстого, утверждает А. Бордо, это «...творчество <...>, которое не говорит больше о кризисе отдельного человека, но о жизни всех слоев общества» [там же, с. 283] – фокус, который в художественном произведении самого А. Бордо позднее станет центральным. Отдельно необходимо отметить, что все художественные произведения А. Бордо были написаны после публикации романа «Воскресение» – его первые романы, в числе которых «Родной край», «Страх жизни» и «Роквиллары», публикуются в 1900–1906 годы и испытывают на себе несомненное влияние творчества Л. Н. Толстого как на аксиолого-этическое уровне (А. Бордо в своем творчестве активно обращается к родственным толстовскому роману проблеме разрыва индивидуального и коллективного образов, проблеме дихотомии внутреннего индивидуального образа на физический и моральный [там же, с. 17], предпринимает попытку встроить образ индивидуальной семьи в более широкий историко-национальный контекст и т. д.), так и на уровне заимствования отдельных элементов мотивно-сюжетного комплекса романов автора (так, например, сюжетная канва романа «Роквиллары» частично повторяет отдельные сюжетные элементы романа «Анна Каренина»).

А. Бордо отмечает в очерке свое принципиальное несогласие позицией Л. Н. Толстого – «мыслителя» о природе искусственного и естественного – теме, к которой русский автор обращается в самой первой сцене романа «Воскресение», описывающей весеннее буйство природы, которое не может сдерживать искусственное пространство – сперва городское, затем тюремное. В результате

столкновение искусственного и естественного ложится в основу одной из центральных проблем романа. Критик обвиняет Л. Н. Толстого в анархизме и руссоизме [там же, с. 291] и отстаивает примат рукотворного порядка над природным хаосом, отделяя образ коллективный искусственный, т. е. организованный, от естественного, т. е. хаотического, стремление к которому Бордо ошибочно, на наш взгляд, приписывает Л. Н. Толстому, выводя его из критического взгляда русского романиста на правовую и пенитенциарную систему, которые сам А. Бордо, получивший юридическое образование и много лет работавший адвокатом, защищает.

К вопросу влияния идей Ж.-Ж. Руссо на свое творчество в это время неоднократно обращается сам Л. Н. Толстой – в отдельных беседах, в письмах и дневниках: «В моей жизни было два великих и благотворных влияния: Руссо и евангелие», – пишет Л. Н. Толстой в письме жене в Женеве «Обществу Руссо» 1905 года [цит. по: Чистякова, 1937, с. 984]. В схожей формулировке описывает творчество Л. Н. Толстого в своем эссе А. Бордо: «Автор черпал без стеснения и из Евангелия, и из Ж.-Ж. Руссо: отсюда он взял теорию, чей посыл был сам по себе новым и отвергал всякий принцип авторитета» [Bordeaux, 1902, с. 282], неразрывно связывая руссоистскую концепцию и понятие анархизма. Однако сам Л. Н. Толстой позднее обращается к данному вопросу в своих дневниках: «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую» [там же, с. 984]. Иными словами, А. Бордо связывает понятия искусственной системы и систем религиозной, государственной и социальной как рукотворных, рассматривая отрицание любой из них как проявление анархизма, предполагающее отрицание всех систем. Здесь мы находим точку принципиального расхождения взглядов Л. Н. Толстого и А. Бордо: для Толстого естественный божественный закон противостоит искусственным урбанистическим конструкциям, разрушающим духовного человека. Бордо же, игнорируя эту дихотомию и трактуя религию как еще одну форму упорядоченной системы, интерпретирует философию Толстого как моральную анархию, упрощая ее до радикального отрицания любых систем, включая религиозные. Этот подход отражает имагологическую специфику восприятия Толстого во французской интеллектуальной среде, где его образ формируется под влиянием национальных представлений о Ж.-Ж. Руссо как символе радикального свободомыслия, в котором «любой мыслящий человек представляется не иначе как развращенный зверь» [Bordeaux, 1902, с. 291]. В результате Бордо отрицает нравственно-религиозную

основу толстовской мысли, которая в романе «Воскресение» проявляется как естественный порядок, что приводит к специфической ангажированной рецепции идей русского писателя в контексте французской традиции.

Вышеупомянутое столкновение рукотворного и хаотического коллективного образов встречается во многих романах А. Бордо. Центральным для произведений автора нередко становится коллективный образ семьи с четко выделенной фигурой патриарха, следование за которым обеспечивает продолжение и сохранность семейного образа, а потеря ставит под угрозу само существование семьи. Вместе с тем А. Бордо разделяет взгляд Л. Н. Толстого на городское пространство как развращенное и развращающее, а также беспамятное. И в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», и в романах А. Бордо столкновение человека с городским пространством приводит к потере духовной памяти и примату животного эгоистического начала у Толстого, потере коллективной памяти и примату физического начала у Бордо.

Вслед за Э.-М. де Вогюэ, отмечающим в русском романе в целом и в творчестве Л. Н. Толстого в частности человеколюбие, «христианский дух сострадания и любовь к человеку» [Трыков, Ощепков, 2010, с. 150], А. Бордо обращает внимание на бесконечную любовь «к живым душам» в романе Л. Н. Толстого [Bordeaux, 1902, с. 281]. Именно через проблему любви и различные национальные образы любви прочитываются все эссе Бордо, посвященные современной зарубежной литературе: через оптику морали в романе Л. Н. Толстого для русской литературы, через двойную оптику красоты и человеческого триумфа над страданием в творчестве Д. Рескина и Р. Киплинга для английской литературы, через оптику страсти и любви к жизни в романе д'Аннунцио для итальянской литературы. Мы можем говорить о формировании национального образа любви посредством генерализации.

А. Бордо противопоставляет Л. Н. Толстого и французских авторов-современников – Ж.-К. Гюисманса, Г. Флобера, Г. де Мопассана – первоочередно через гуманистическую перспективу, утверждая, что творчество его соотечественников отличается от толстовского «иронией и нахальством», «человечеконенавистничеством» или «хладнокровием», в то время как Л. Н. Толстой неизменно смотрит на человека с любовью и жалостью [Bordeaux, 1902, с. 284]. Данное сопоставление крайне примечательно в контексте той глубокой рецептивной связи, которая существует между Л. Н. Толстым и классической французской литературой [Чистякова, 1937], а также взаимной рецептивной связи между Л. Н. Толстым и современным французским

романом [Гладкова, 2023]. Важно отдельно отметить сопоставление двух писателей в очерке творчества Л. Н. Толстого и Г. де Мопассана, рассказ которого «В порту» 1889 года построен вокруг сходной сюжетной канвы об узнавании в проститутке некогда близкой и невинной девушки – сестры у Мопассана, первой возлюбленной у Толстого. Рассказ был переведен Л. Н. Толстым в свободной форме с художественными правками и под названием «Франсуаза» опубликован в 1891 году. Несомненна некоторая степень влияния рассказа Мопассана на формирование сюжетной канвы романа «Воскресение», однако А. Бордо отмечает принципиальное различие в средствах реализации избранного сюжета.

Сопоставление Л. Н. Толстого и избранных авторов в представленном гуманистическом ключе говорит о специфическом восприятии А. Бордо вслед за современными французскими писателями-традиционалистами русской литературы как сближающейся с французской, выбирающей родственные сюжеты и тематико-проблематические поля, но представляющей альтернативные решения для избранной проблематики и вместе с этим для современного кризисного романа – источником этой альтернативы является, согласно А. Бордо, глубоко укорененный в художественном пространстве текстов гуманизм, не позволяющий отделить дидактическое начало произведения, ориентированное на актуальную современному читателю проблематику, от эстетического. Воплощением русского романиста в критике А. Бордо и позднее в его художественном творчестве становится именно Л. Н. Толстой – А. Бордо не обращается развернуто ни к одному другому русскому писателю в своих очерках и эссе, несмотря на пристальное внимание его французских современников к творчеству расширяющегося круга русских авторов.

Одновременно с выделением и обособлением специфического образа русской литературы, воплощенного в творчестве Л. Н. Толстого, А. Бордо выносит его в один ряд с творчеством «мэтров» – У. Шекспира, Г. Флобера и О. де Бальзака – авторов, которые отбираются А. Бордо по критерию универсальности [Bordeaux, 1902, с. 284]. Примечателен выбор авторов, результатом которого, на наш взгляд, становится формирование в эссеистике А. Бордо понятия специфического мирового центра, основанного не на национальном, но гуманистическом основании. Данный тезис впервые формулируется уже в открывающем эссе сборника, где автором в контексте кризиса романного жанра поднимается вопрос о его задачах, ответственности писателя первоочередно перед современным ему читателем за формирование нравственного аппарата, о природе искусства как такового, отмечается

принципиальное объединяющее воздействие искусства [Bordeaux, 1902] – сборник эссе А. Бордо в определенном смысле может считаться дискурсивным продолжением трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» (к которому А. Бордо обращается в том же эссе), завершающим утверждением которого является тезис о назначении искусства в современную эпоху – «осуществлении братского единения людей» (Л. Н. Толстой. *Что такое искусство?*).

Иными словами, А. Бордо через первичный имагологический образ Л. Н. Толстого, сформулированный общей национальной рецептивной традицией и существующий в современном французском художественном сознании, а также неточными переводами, старается сформулировать комплексный имагопоэтический образ Л. Н. Толстого, хоть и сохраняющий в себе гетерообразную специфику национальной литературы, но стремящийся к принципиальному разрыву с национальным основанием через гуманистическую оптику, маркированную А. Бордо как инструмент универсализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование раскрывает сложную рецепцию литературных и эстетических идей Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо. Анализ представленного эссе «Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления» как в оптике сборника эссе, так и в более широкой оптике художественного творчества французского автора демонстрирует, что творчество Л. Н. Толстого оказало значительное влияние на становление представлений А. Бордо о задачах искусства и литературы в решении моральных и социальных вопросов, а также на формирование аксиолого-этической системы писателя. Отмечается двойственность представленного влияния: с одной стороны, А. Бордо видит в творчестве Л. Н. Толстого и опосредованно в русской литературе с ее эпическим размахом и гуманистической глубиной альтернативу ограничениям современного французского романа, которую он стремится имплементировать и концептуально развить в своих эссеистике и художественном творчестве; с другой – А. Бордо настаивает на избирательной рецепции и по ряду вопросов вступает в дискуссию с «социалистическими» тезисами Л. Н. Толстого, в результате которой полемически выводит некоторые основания художественно-эстетической системы, на которую автор будет в дальнейшем опираться в своем творчестве. Эта амбивалентность восприятия философских идей Толстого отражает более широкие культурные и идеологические различия между русской и французской литературными

традициями, подчеркивая роль взаимодействия культурно-национальных идентичностей в процессе литературной рецепции.

Доказывается, что образ Л. Н. Толстого в эссе А. Бордо эволюционирует от национального стереотипа к более универсальной фигуре, сохраняя при

этом определенную инаковость, укорененную во французских представлениях о русской литературе. Эта эволюция подчеркивает динамичную природу литературной рецепции, где образ автора может преодолевать национальные границы, оставаясь при этом под влиянием культурных контекстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луков В. А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. О. Ю. Поляков. Киров: Радуга-Пресс, 2012. С. 15–32.
2. Поляков О. Ю. Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-Пресс», 2013.
3. Трыков В. П. Имагология и имагопэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. Вып. 3. С. 120–129.
4. Забияко А. А., Сенина Е. В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. Вып. 1. С. 166–171.
5. Веселовский А. Н. Социальные идеалы и идеалы искусства // Традиционная культура. Научный альманах. 2018. Т. 19. № 1. С. 13–35.
6. Луков В. А. Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 18–23.
7. Трыков В. П. Статьи о русской литературе XIX века в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» // Литература в школе. 2021. № 1. С. 50–66.
8. Ощепков А. Р., Трыков В. П. Русский концентр во французском литературном сознании XIX века // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 146–151.
9. Трыков В. П. Л. Н. Толстой и русские в очерке Ромена Роллана «Жизнь Толстого» // Преподаватель XXI век. 2014. № 3–2. С. 345–353.
10. Чистякова М. М. Лев Толстой и Франция // Литературное наследство. Т. 31/32 : Русская культура и Франция, кн. 2. М., 1937. С. 981–1025.
11. Григорьев А. Л. Роман «Воскресение» за рубежом // Толстой Л. Н. Воскресение. М.: Наука, 1964. С. 552–573.
12. Гладкова (Калюжная) Л. В. Л. Н. Толстой и его франкоязычные корреспонденты об искусстве. Рецепция трактата «Что такое искусство?» во Франции // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 253–267.
13. Сапиро Ж. Дебаты об ответственности писателя во Франции и США (1920-е - 1950-е гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 4 (39). С. 148–161.
14. Ferchat J. Le Roman De La Famille Francaise: Essai Sur L'oeuvre De M. Henry Bordeaux. Paris: Plon-Nourrit, 1912.
15. Bordeaux H. Les Écrivains et les Mœurs: notes, essais et figurines (1900-1902). Paris: Plon-Nourrit, 1902.
16. Владимирова А. И. Достоевский во французской литературе XX века // Достоевский в зарубежных литературах: сборник научных трудов / отв. ред. Б. Г. Реизов. Л.: 1978. С. 37–60.
17. Гаспаров М. Л. Брюсов и античность // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 5. Алтарь победы. Юпитер поверженный.
18. Souberbielle A. Comment on traduit Tolstoï // La Revue blanche. № XXII. 1900. P. 44–52.
19. Souberbielle A. Wyzewa T. de. À propos de la traduction de «Résurrection» : Deux lettres // La Revue blanche. 1900. № XXII. P. 130–134.

REFERENCES

1. Lukov, V. A. (2012). Imagologiya: tezaurusnye rasshireniya = Imagology: Thesaurus Expansions. In Imagologicheskie aspekty russkoi i zarubezhnykh literature (pp. 15–32): collection of papers. Kirov: Raduga-Press. (In Russ.)
2. Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. (2013). Imagologiya: teoreticheskoe-metodologicheskoe osnovy = Imagology: Theoretical and Methodological Foundations. Kirov: Raduga-Press. (In Russ.)
3. Trykov, V. C. (2015). Imaginology and Imagopoetics. Knowledge. Understanding. Skill, 3, 120–128. (In Russ.)

4. Zabiako, A. A., Senina, E. V. (2021). Imagery perception of foreign culture as a category of imagological poetics. *The Humanities and social studies in the Far East : научно-теоретический журнал*, 18(1), 166–171. (In Russ.)
5. Veselovsky, A. N. (2018). Social'nye idealy i idealy iskusstva = Social Ideals and Ideals of Art. *Scholarly almanac "Traditional culture"*, 19(1), 13–35. (In Russ.)
6. Lukov, V. A. (2008). Literaturnye koncentry Evropy v predpochteniyakh russkogo kul'turnogo tezaurusa = Literary Concentrates of Europe in the Preferences of the Russian Cultural Thesaurus. *Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 18–23. (In Russ.)
7. Trykov, V. C. (2021). Articles on the 19-th century Russian literature in the Parisian magazine "Revue deux mondes". *Literature at school*, 1, 50–66. (In Russ.)
8. Oschepkov, A. R., Trykov, V. C. (2010). The Russian Concentrate in the French Literary Consciousness of the 19th Century. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 146–151. (In Russ.)
9. Trykov, V. C. (2014). L.N. Tolstoy and Russians in the essay "The life of Tolstoy" by Romain Rolland. *Prepodavatel' XXI vek*, 3-2, 345–353. (In Russ.)
10. Chistyakova, M. M. (1937). Lev Tolstoj i Franciya = Leo Tolstoy and France. In *Literaturnoe nasledstvo* (vol. 31/32, book 2. Russkaia kul'tura i Frantsiia, pp. 981–1025). Moscow. (In Russ.)
11. Grigoriev, A. L. (1964). Roman "Voskresenie" za rubezhom = The Novel "Resurrection" Abroad. In Tolstoy, L. N., *Voskresenie* (pp. 552–573). Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Gladkova (Kalyuzhna), L. V. (2023). L. N. Tolstoj i ego frankoyazychnye korrespondenty ob iskusstve. *Receptiya traktata «Chto takoe iskusstvo?» vo Francii = L. N. Tolstoy and His Francophone Correspondents on Art: Reception of the Treatise "What Is Art?" in France*. *Literary fact*, 4(30), 253–267. (In Russ.)
13. Sapiro, Zh. (2017). The Debates on the Writer's Responsibility in France and the United States from the 1920-s to the 1950-s. *Perm university herald. History*, 4(39), 148–161. (In Russ.)
14. Ferchat, J. (1912). *Le Roman De La Famille Francaise: Essai Sur L'oeuvre De M. Henry Bordeaux*. Paris: Plon-Nourrit.
15. Bordeaux H. (1902). *Les Écrivains et les Mœurs : notes, essais et figurines (1900–1902)*. Paris: Plon-Nourrit.
16. Vladimirova, A. I. (1978). Dostoevsky in French Literature of the 20th Century. In *Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh* (pp. 37–60): collection of papers. Leningrad: Nauka (In Russ.)
17. Gasparov, M. L. (1975). Bryusov and Antiquity. In *Bryusov, V.Ya., Sobr. soch.: in 7 vols (Vol. 5. The Altar of Victory. Jupiter is defeated)*. Moscow. Izdatel'stvo Khudozhestvennaya literature. (In Russ.)
18. Souberbielle, A. (1900). Comment on traduit Tolstoi. *La Revue blanche*, XXII, 44–52.
19. Souberbielle, A., Wyzewa, T. de. (1900). À propos de la traduction de «Résurrection»: Deux lettres. *La Revue blanche*, XXII, 130–134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова Анастасия Владимировна

преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karpova Anastasia Vladimirovna

Lecturer at the Department of Russian and World Literature

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	17.09.2025	accepted for publication

Феномен зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы»

Ю. В. Чернова¹, И. А. Семина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹iu.v.chernova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении особенностей зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы» как в многоуровневом литературном феномене, интегрирующем психологические, философские и культурные аспекты. Рассматривается семантика зеркала в структуре произведения, где оно выступает как предмет-символ, связывающий сюжет с традиционными японскими представлениями, как инструмент раскрытия кризиса идентичности главного героя. Его отражение становится проекцией «Тени» (Юнг) и расколотого «Я» (Лакан). Зеркало является читателю и в качестве метафоры исповедального дискурса, в рамках которого формальная исповедь героя перед казнью превращается в симулякр покаяния (Бодрийяр). Особое внимание уделяется тому, как Рампо трансформирует архетипические мотивы двойничества через призму модернистской эстетики, умело синтезируя японскую культурную традицию и западные психологические теории. На материале системного анализа текста авторы приходят к выводу о том, что «зеркальность» в рассказе служит не только сюжетообразующим элементом, но и универсальным механизмом репрезентации экзистенциального кризиса личности.

Ключевые слова: зеркальность, Эдогава Рампо, архетип Тени, исповедальный дискурс, кризис идентичности, симулякр

Для цитирования: Чернова Ю. В., Семина И. А. Феномен зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (903). С. 124–131.

Original article

The Phenomenon of Mirroring in Edogawa Rampo's Short Story "The Twins"

Iuliia V. Chernova¹, Irina A. Semina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹iu.v.chernova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to examine the distinctive features of mirroring in Edogawa Rampo's story as a multi-layered literary phenomenon that integrates psychological, philosophical, and cultural dimensions. The study explores the semantics of the mirror within the structure, where it functions as a symbolic object connecting the plot with traditional Japanese conceptions; as an instrument of the protagonist's identity crisis, wherein his reflection becomes a projection of the "Shadow" (C.G. Jung) and a fragmented "Self" (J. Lacan); as a metaphor for confessional discourse, where the formal death-row confession devolves into a simulacrum of repentance (J. Baudrillard). Special attention is given to Rampo's transformation of doppelgänger archetypes through modernist aesthetics, creating a synthesis of Japanese cultural tradition and Western psychological theories. The conclusion posits that "mirroring" in the story serves not only as a plot-forming device but also as a universal mechanism for representing existential crisis.

Keywords: mirroring, Edogawa Rampo, Shadow archetype, confessional discourse, identity crisis, simulacrum

For citation: Chetnova, Iu. V., Semina, I.A. (2025). The Phenomenon of Mirroring in Edogawa Rampo's Short Story "The Twins". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 124–131. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Становление Эдогавы Рампо (1894–1965) происходило в период интенсивного культурного обмена между Японией и западными странами на рубеже XIX–XX веков. Длительная политика сакоку, проводившаяся сёгуном Токугава (1603–1868), существенно ограничила развитие национальной литературы, в частности детективного жанра, который в XIX веке начал активно развиваться в Европе и Америке. Значительные изменения в японском обществе наступили после принудительного открытия страны в 1854 году и последующей реставрации Мэйдзи (1868), когда интеллигенция получила доступ к западно-европейской литературе [Конрад, 1974].

В данном историко-культурном контексте фигура Эдогавы Рампо занимает особое положение. Писатель не только создал новую для японской литературы модель детективного повествования, но и осуществил важную просветительскую миссию, последовательно занявшись переводами произведений западноевропейских и американских писателей, что способствовало популяризации детективного жанра в японской литературе.

Анализ творческого наследия Эдогавы Рампо позволяет утверждать, что, несмотря на очевидное влияние, прежде всего, американской детективной традиции (особенно сильна ориентация японского писателя на творчество Эдгара Аллана По), автор соединяет элементы западного детектива, открытия психоанализа и японскую культурную традицию.

Исследование направлено на раскрытие функций зеркала в тексте; авторы рассматривают его роль не только как сюжетообразующего элемента, но и как ключевого механизма репрезентации кризиса идентичности. Попутно авторы совершают деконструкцию исповедального дискурса и ставят проблему границы между реальностью и иллюзией. Задачи исследования:

- продемонстрировать символическую функцию зеркал в контексте традиционных японских культурных представлений и их трансформацию в модернистской литературной традиции;
- выявить роль зеркальности в кризисе идентичности героя;
- доказать деконструкцию традиционной исповедальной формы посредством зеркальной образности;
- раскрыть синтетический характер творчества Рампо.

Эмпирической базой данного исследования послужил рассказ Эдогавы Рампо «Близнецы» (1924), в котором главный герой, убивший своего

брата-двойника, сталкивается с пугающей трансформацией собственного отражения: зеркало возвращает ему образ жертвы, становясь визуальным воплощением неискупленной вины.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественном и зарубежном литературоведении наблюдается устойчивый интерес к японскому модернизму [Napier, 1996; Seiji, 2002; Orbaugh, 2007; Селимов, 2022; Дуткина; 2024].

1920–1930-е годы представляют собой уникальный этап в истории японской литературы. Он характеризуется интенсивным поиском новых художественных форм и переосмыслением традиционных образов. В этом контексте исследование феномена зеркальности в рассказе «Близнецы» представляется особенно перспективным, поскольку данный мотив выступает своеобразным узлом, связывающим нарративные стратегии, психологическую проблематику и культурные коды.

Зачастую в японской культуре зеркало выступает как сакральный объект, медиатор между мирами и символ истины. У Рампо, напротив, зеркало становится инструментом деконструкции идентичности, носителем тревоги и средством создания гиперреальности, что позволяет по-другому взглянуть на проблему культурного синтеза в творчестве писателя.

Научная новизна исследования проявляется в комплексном подходе к анализу зеркальности как многоуровневого феномена. Впервые в отечественном литературоведении предпринимается систематическое исследование, рассматривающее зеркало у Рампо одновременно как структурный элемент повествования, психологический механизм кризиса идентичности и как культурный код, укорененный в японской традиции. Особый интерес представляет предложенная в работе интерпретация исповедальной формы через призму бодрийеровской концепции симулякра: покаяние главного героя предстает не как акт искреннего сожаления о содеянном, а как перформативный акт самообмана, что принципиально меняет понимание поэтики исповедального дискурса у Рампо.

Методологической основой исследования стали семиотический анализ знаковой природы зеркала, психоаналитический подход к материалу через концепции Юнга (архетип Тени) и Ж. Лакана (стадия зеркала), а также философская интерпретация в рамках теории гиперреальности Бодрийера. Это позволяет выявить особенности поэтики Рампо, в частности, характерный для писателя синтез западных психологических теорий с японской культурной традицией. Этот особый синтез культур (и синтез этнических мировоззрений) находит выражение в нетрадиционной трактовке архетипа двойника.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ЗЕРКАЛЬНОСТИ

Особый интерес представляет обращение Эдогавы Рампо к художественному осмыслению мистического и сверхъестественного. В раннем рассказе «Близнецы» (1924) представляется важным обращение к анализу зеркал, которые выступают одновременно как инструмент исследования человеческой психики и способ демонстрации кризиса идентичности.

В литературном осмыслении зеркал находит свое воплощение архетип Тени, поскольку отражающая поверхность становится метафорой встречи сознательного «Я» со своим отвергнутым двойником. По утверждению К. Г. Юнга, Тень формируется через сложный психологический механизм проекции. Человек, не осознающий свою Тень, постоянно проецирует ее на других, наделяя их собственными качествами [Юнг, 2023]. В художественных текстах этот процесс наглядно проявляется в зеркальных отражениях, которые перестают быть нейтральными, обретая несвойственную им автономность. Особую значимость также приобретает юнгианское понимание Тени как необходимого компонента процесса индивидуации, без которого невозможно достичь целостности личности.

Зеркало как семиотический объект занимает значительное место в современных гуманитарных исследованиях. Концепция, разработанная Жаком Лаканом, раскрывает ключевой механизм формирования человеческого «Я» через идентификацию с собственным отражением. Этот процесс, наблюдаемый у младенца, становится основой для последующего развития субъективности, но одновременно закладывает в нее разрыв между реальным и воображаемым. «Человеческий детеныш в том возрасте, когда он на короткое, но всё-таки еще заметное время превзойден шимпанзе в орудийных способностях мышления, уже узнает, однако, в зеркале как таковой свой образ»¹.

Этот момент первичного узнавания знаменует рождение «идеального Я» – целостного гештальта, который субъект принимает за свою сущность, однако, как подчеркивает Лакан, этот образ не является тождественным реальности: «Целокупная форма тела, посредством которой субъект опережает в мире созревании своих возможностей, дана ему лишь как гештальт, то есть во внешности, где, без сомнения, форма эта более устанавливающая, нежели установленная»².

¹Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я / пер. с фр. А. Скард-Лапидуса. 1966. URL: <https://psychic.ru/articles/modern/modern64.htm> (дата обращения: 22.05.2025).

²Там же.

Таким образом, зеркальная стадия становится источником парадоксального отчуждения: субъект идентифицирует себя с образом, который одновременно и принадлежит ему, и является иллюзией. «Я» оказывается заложником воображаемой целостности, противоречащей внутренней фрагментарности. Теория Лакана позволяет интерпретировать зеркало в литературе не просто как символ, а как онтологический инструмент, раскрывающий конфликт между реальным и воображаемым, а также насильственную природу формирования «Я».

Особого внимания заслуживает бахтинская концепция зеркального образа, изложенная в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Ученый подчеркивает принципиальную ограниченность зеркального отражения как инструмента самопознания: «Мы остаемся в себе самих и видим только свое отражение, которое не может стать непосредственным моментом нашего видения и переживания мира... зеркало может дать лишь материал для самообъективации, и притом даже не в чистом виде» [Бахтин, 2003, с. 112].

Значительный вклад в решение проблемы внес труд представителей московско-тартуской семиотической школы «Зеркало. Семиотика зеркальности». Авторы определяют зеркало как важный «инструмент индивидуального самоотождествления» [Зеркало. Семиотика зеркальности, 1988, с. 3]. Таким образом, феномен зеркала рассматривается московско-тартускими учеными не только в психологическом, но и в культурно-семиотическом аспекте. В работе представлен широкий спектр интерпретаций данного явления в художественных текстах, что свидетельствует о его многомерной семантической природе.

ЗЕРКАЛА КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Особую значимость для понимания произведения Рампо приобретает культурный контекст. Японская традиция восприятия зеркал (кагами) как сакральных объектов, границ между мирами, позволяет Рампо усилить юнгианскую концепцию. Если в западной традиции зеркало преимущественно инструмент самопознания, то в интерпретации Рампо оно становится порталом в ту область, где Тень обретает автономное существование.

На мифопоэтическом уровне зеркало выступает важнейшим элементом космогонического нарратива, что находит свое отражение в ключевых текстах японской литературы – «Кодзики». Зеркало выполняет важную роль в формировании циклической модели мироздания, обеспечивая возвращение солярного божества и, соответственно,

восстановление космического порядка. В данном контексте зеркало приобретает статус не просто ритуального объекта, но сакрального медиатора, обеспечивающего связь между миром богов и миром людей [Главева, 2003].

В синтоистской традиции зеркало знаменует принцип временного воплощения божества, что подчеркивает его онтологический статус в религиозной практике. Примечательно, что в противовес западной традиции, где зеркало преимущественно ассоциируется с репрезентацией (Лакан) или симуляцией (Бодрийяр), в японском контексте оно становится неотъемлемой частью теургического акта, материализуя присутствие kami в физическом мире.

Буддийская интерпретация зеркала как символа просветленного сознания вносит в его семантику дополнительные смысловые слои. В этом отношении зеркало становится метафорой идеального состояния ума, что свидетельствует о семантической гибкости предмета, способного одновременно иллюстрировать и синтоистскую концепцию материального присутствия божества, и буддийскую идею трансцендентной реальности.

В народной культуре зеркало реализует пограничную функцию, оно выступает одновременно как средство защиты и как потенциально опасный объект, связанный с потусторонним миром [Ермакова, 2002]. Эта амбивалентность находит выражение и в многочисленных суевериях, согласно которым зеркало может как отражать злые силы, так и становиться каналом их проникновения в человеческий мир.

Таким образом, зеркало в японской культурной парадигме представляет собой уникальный семиотический феномен. Он интегрирует в себе мифологические архетипы, религиозные доктрины и философские концепты, которые в рассказе Эдогавы Рампо трансформируются под влиянием модернистской эстетики и психологизма, а традиционный для европейского сознания детективный сюжет превращается в глубокое исследование механизмов человеческой психики. Специфика японской культурной традиции при этом позволяет Рампо вывести классическую западную концепцию на новый уровень художественного осмысления.

МЕЖДУ ДВОЙНИКОМ И ТЕНЬЮ: ЗЕРКАЛО КАК КАТАЛИЗАТОР КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ ЭДОГАВЫ РАМПО «БЛИЗНЕЦЫ»

В литературном контексте зеркало часто становится катализатором столкновения героя со своей Тенью. В романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» магическое зеркало-портрет выполняет именно данную функцию: оно визуализирует

нравственную деградацию, которую сам персонаж отказывается признать. Таким образом, в западной литературе (например, у Гофмана, Уайльда, Стивенсона, к тексту которого Рампо обращается напрямую) зеркало чаще всего выступает в качестве инструмента морального испытания, тогда как в восточной традиции оно нередко наделяется мистическими свойствами портала в потусторонний мир [Дуткина, 2024].

Текст рассказа Эдогавы Рампо «Близнецы» (1924) построен на взаимодействии двух нарративных стратегий: с одной стороны, это классический детективный сюжет о преступлении и его расследовании, с другой – глубокое психологическое исследование кризиса идентичности сквозь призму феномена зеркальности.

Центральный психологический механизм рассказа – проекция Тени главного героя на образ убитого брата-близнеца. Согласно юнгианской теории, Тень как архетип персонифицирует все вытесненные аспекты личности, которые человек отказывается признавать в себе. В рассказе Рампо эта концепция получает буквальное воплощение: физическое сходство братьев становится материальной метафорой их психологического тождества. Совершая убийство, герой фактически пытается уничтожить часть собственного «Я», что приводит к обратному эффекту: Тень не исчезает, а начинает доминировать в психике убийцы. В сюжете рассказа подмена человека Тенью проявляется в том, что протагонист проецирует на образ брата собственные подавленные эмоции и желания.

Зеркальные поверхности в произведении выполняют функцию психологического катализатора. Каждая встреча героя с зеркальным образом актуализирует процесс раздвоения личности: отражение постепенно трансформируется, приобретая черты убитого брата; разрушается граница между «Я» и «Другим», а в дальнейшем реальность замещается иллюзией.

В нарративной структуре рассказа Эдогавы Рампо «Близнецы» зеркало функционирует как сложный семиотический конструкт. В нем синтезируются психологические и культурные коды. Анализ образа протагониста показывает, как внутренний конфликт воплощается в образе «враждебного духа», материализующегося в зеркальных поверхностях. Процесс раздвоения и кризиса личности отражает амбивалентность зеркала как феномена: с одной стороны, оно выступает в качестве инструмента самопознания, с другой – становится источником экзистенциальной угрозы.

Как отмечает Ю. М. Лотман, зеркало в художественном тексте всегда маркирует границу между мирами [Зеркало. Семиотика зеркальности, 1988].

После трагической гибели брата зеркала трансформируются для протагониста из нейтральных объектов в предметы, вызывающие ужас и агрессию. «И всякий раз оттуда на меня глядели налитые ненавистью глаза брата, хотя, разумеется, то было всего лишь мое собственное отражение» (*Э. Рампо. Близнецы*). Писатель подчеркивает когнитивный диссонанс между рациональным пониманием отражения как собственного образа («мое отражение») и его переживанием как иной сущности («глаза брата»).

В философской трактовке Ж. Бодрийера данный феномен получает дальнейшее концептуальное развитие через теорию симулякра. Зеркальное отражение в этом контексте предстает как гиперреальность – знак, утративший связь с референтом и существующий как самостоятельная семиотическая единица. В литературном тексте эта подмена приобретает особую драматичность – отражение начинает диктовать свою волю оригиналу.

Образ погибшего брата в тексте выступает как внутренний голос отчаяния, неосознанный зов совести или попытка апелляции к сознанию главного героя. Этот образ можно интерпретировать как альтернативное «Я» персонажа, поскольку изображения, возникающие в зеркале, остаются отражениями самого героя. Когда в отражении лицо брата приобретает выражение ненависти, загнанности и ледяного презрения, это становится проекцией внутреннего состояния самого героя, охваченного мыслями о совершенном преступлении. «Всё, что отражает свет – посуда, металлические предметы и тому подобное, – являет мне его образ. Когда <...> в камеру пробиваются солнечные дни, я пугаюсь своей же тени» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Наказание, воплощенное в виде образов в зеркалах и витринах, представляет собой подсознательные муки, а собственное отражение становится регулярным напоминанием о том, что ранее существовал человек с такими же чертами внешности и он теперь мертв.

Согласно традициям японской культуры, зеркала рассматриваются как медиаторы, приоткрывающие завесу между мирами живых и мертвых. Они обладают духовной силой и способны влиять на судьбы людей. Протагонист принимает решение совершить убийство, основываясь на том факте, что он и его брат были настолько схожи внешне, что почти являлись отражениями друг друга. «Мы были полным подобием друг друга. Это-то абсолютное сходство и натолкнуло меня на мысль о преступлении. <...> Даже если бы не существовало других иных причин, однако этого сходства было бы достаточно, чтобы прийти к мысли об убийстве» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Протагониста терзает невозможность вынести присутствие человека, обладающего такой же внешностью, глазами и фигурой, как у него самого, однако значительно более успешного. У брата было всё: богатство, уважение, высокий социальный статус и любимая женщина. Взирая на своего двойника, главный герой видит в нем все те достижения, которых он сам не смог добиться, хотя потенциально мог бы. «Скажу прямо, ненавижу его никаких особых причин у меня не было. Если не считать сведавшей меня зависти» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Именно тогда протагонист испытывает страшное озарение. Впоследствии он утверждает, что некий демон вселился в него и подтолкнул к совершению преступления: «Тут меня осенила одна идея, и внушил мне ее, конечно же, не Бог, а дьявол. <...> Казалось сам бес-искуситель нашепывал мне на ухо эти слова» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Братья-близнецы обладали идентичными чертами лица и строением тела. Главный герой отмечает, что даже количество волос на головах братьев совпадало бы вплоть до последней пряди, если бы кто-нибудь решил их сосчитать. «Дело дошло до того, что даже вид собственного тела стал внушать мне ужас, ведь мы с братом и сложены были совершенно одинаково, вплоть до мельчайшей складочки» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Таким образом, герой оказывается обреченным на постоянное преследование со стороны умершего брата. Он избегает любых отражающих поверхностей, таких как зеркала и стекла, что лишь усиливает его параноидальные состояния. Не имея возможности смотреть в зеркало и встретиться лицом к лицу с «братом», герой ощущает постоянное присутствие пугающего фантома, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Психическое расстройство героя постепенно усиливается, сначала под влиянием отражений, затем из-за их отсутствия. Даже отказываясь смотреть в зеркала, герой продолжает испытывать тревогу из-за их существования, а также из-за присутствия мстительного духа брата.

Зеркала становятся причиной безумия, вызывая галлюцинации и создавая мосты в потусторонний мир, где всё иллюзорно и эфемерно. Однако эта иллюзия оказывает влияние на реальную действительность. Мир зеркал соткан из ложных образов и отблесков, но одновременно он открывает истинную природу вещей. Погибший брат главного героя, чье отражение постоянно присутствует в сознании героя, не существует физически, но напоминает о совершенном преступлении, делая всю «реальную» жизнь героя всего лишь театрализованным представлением,

в котором он играет роль старшего брата. Отражение брата в сознании главного героя оказывается более реальным и правдивым, чем его маска в реальном мире.

Финал рассказа демонстрирует классический юнгианский парадокс: попытка уничтожения Тени приводит к тотальному доминированию архетипа в психическом поле человека. Герой Рампо становится живым воплощением тезиса о том, что подавленная Тень всегда возвращается в самых уродливых формах.

Рассказ Эдогавы Рампо «Близнецы» по форме представляет собой исповедь осужденного перед казнью, однако при этом традиционная исповедальная форма подвергается систематической деконструкции. Для исповедального канона ключевым становится искреннее раскаяние, признание вины перед высшей инстанцией и стремление к искуплению, однако уже в открывающем монологе герой демонстрирует принципиальное отклонение от этой модели: «Я хочу признаться во всех своих прегрешениях, чтобы хоть напоследок пожить с чистой совестью» (*Э. Рампо. Близнецы*). Таким образом, мотивом исповеди выступает не очищение души, а прагматичное желание «пожить с комфортом» перед казнью, что десакрализирует природу исповеди, превращая ее в акт расчета.

Дальнейший монолог персонажа строится на последовательном самооправдании его действий. Он перекладывает вину за собственные поступки на родителей, брата, судьбу, тем самым, стремясь, очистить свое имя. «Если уж кого и винить, то, скорее, наших родителей, которые щедро одарили одного сына и обделили другого» (*Э. Рампо. Близнецы*). Исповедь становится, с одной стороны, проявлением гордыни: «Преступление, столь великолепно задуманное, никогда не будет раскрыто» (*Э. Рампо. Близнецы*), а с другой – частью манипуляции: «Мне хочется, святой отец, чтобы жена узнала от Вас всю правду» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Таким образом, Рампо трансформирует модель исповеди в инструмент психологической манипуляции и самооправдания. Автор показывает, как вина без раскаяния ведет к экзистенциальному краху. Как отмечает Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» (1981), подобные практики характерны для эпохи, когда ритуал существует, но его смысл исчез [Бодрийяр, 2015]. «Близнецы» Рампо – это не исповедь, а ее призрак, где форма сохраняется, но наполняется принципиально иным содержанием. Такой подход позволяет автору исследовать кризис идентичности в современном мире сквозь призму традиционных жанровых форм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассказе «Близнецы» Эдогава Рампо органично соединяет три культурно-исторических пласта. Во-первых, архаические японские представления о зеркале как сакральном объекте и медиуме между мирами. Во-вторых, литературную традицию мотива двойничества, в соответствии с которым зеркало выступает как граница между реальным и потусторонним. В-третьих, современные автору психологические теории.

Данный синтез порождает особую поэтику рассказа, заключенную в реинтерпретацию традиционных символов. Зеркало, сохраняя свою традиционную функцию медиатора между мирами, становится, прежде всего, инструментом репрезентации внутреннего конфликта. Эдогава Рампо не просто использует традиционные мотивы – он включает эти мотивы в новую систему координат, поскольку архетипические образы японской культуры проявляются через модернистские нарративные техники. Мотив двойника, традиционно связанный с представлениями о загробном мире, трансформируется в психологическую проекцию вины и страха. Этот процесс соответствует общему движению японской литературы 1920–1930-х годов к психологизации традиционных сюжетов.

Важным элементом поэтики становится психологизация сакрального. Если в синтоистской традиции зеркало было вместилищем божественного начала, то у Рампо оно становится средоточием психических травм и вытесненных желаний. Этот переход отражает общую тенденцию модернистской литературы к секуляризации сакральных символов.

Таким образом, Рампо создает многослойный текст, в котором культурная память взаимодействует с современными психологическими концепциями, порождая новую эстетическую форму, которая позволяет сохранить связь с традицией, актуализировать архаические образы в современном контексте и исследовать универсальные психологические механизмы через специфически японский культурный материал.

Как отмечает Сьюзен Напьер в работе «The Fantastic in Modern Japanese Literature», именно этот синтез делает прозу Рампо столь значимым явлением в истории японской литературы, представляя собой уникальный случай адаптации западных литературных форм к японскому культурному контексту без потери национальной специфики [Napier, 1996]. Разработка темы искаженного сознания в творчестве Рампо предвосхитила ключевые тенденции японской литературы XX века, что подтверждает исключительную значимость Эдогавы Рампо как основоположника национальной традиции психологического детектива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конрад Н. И. Японская литература. От Кодзики до Токутomi. М.: Наука, 1974.
2. Napier S. J. The fantastic in modern Japanese literature: the subversion of modernity. London: Routledge, 1996.
3. Seiji M. L. Topographies of Japanese Modernism. New York: Columbia University Press, 2002.
4. Orbaugh S. Japanese Fiction of the Allied Occupation. Brill Academic Pub, 2007.
5. Селимов М. Г. Нервное истощение» (синкэй суйдзяку) и писатель Танидзаки Дзюньитиро // Ежегодник Японии. 2022. № 51. С. 252–265. DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-252-265.
6. Дуткина Г. Б. Об изучении японских демонов на Западе и в России // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 1. С. 20–39. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-1-20-39.
7. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2023.
8. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. Фило-софская эстетика 1920-х годов.
9. Зеркало. Семиотика зеркальности: сборник статей / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1988. (Труды по знаковым системам. Т. XXII. Вып. 831 / ред. тома З. Г. Минц).
10. Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М.: Восточная литература, 2003.
11. Ермакова Л. М. Магическое и эстетическое в японском обрядовом фольклоре и ранней литературе. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1.
12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.

REFERENCES

1. Konrad, N. I. (1974). Yaponskaya literatura. Ot Kodziki do Tokutomi = Japanese literature. From Kodziki to Tokutomi. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Napier, S. J. (1996). The fantastic in modern Japanese literature: the subversion of modernity. London: Routledge.
3. Seiji, M. L. (2002). Topographies of Japanese Modernism. New York: Columbia University Press.
4. Orbaugh, S. (2007). Japanese Fiction of the Allied Occupation. Brill Academic Pub.
5. Selimov, M. G. (2022). "Neurasthenia" (Shinkei Suijaku) and Writer Tanizaki Jun'ichirō. Ezhegodnik Yaponiya, 51, 252–265. DOI 10.55105/2687-1440-2022-51-252-265. (In Russ.)
6. Dutkina, G. B. (2024). On the study of Japanese demons in the West and in Russia. East Asia: Facts and Analytics, 1, 20–39. DOI 10.24412/2686-7702-2024-1-20-39. (In Russ.)
7. Yung, K. G. (2023). Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe = Archetypes and the collective unconscious. Moscow: AST. (In Russ.)
8. Bakhtin, M. M. (2003). Sbranie sochinenii = Collected works (vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s): in 7 vols. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
9. Lotman, Yu. M. (Ed.). (1988). Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti = Mirror. Semiotics of Mirroring (vol. XXII, issue 831: Trudy po znakovym sistemam, ed. by Z. G. Mints): collection of papers. Tartu. (In Russ.)
10. Glaveva, D. G. (2003). Traditsionnaya yaponskaya kul'tura: Spetsifika mirovospriyatiya = Traditional Japanese culture. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)
11. Ermakova, L. M. (2002). Magicheskoe i ehsteticheskoe v yaponskom obryadovom fol'klore i rannei literatura = Magical and aesthetic in Japanese ritual folklore and early literature (vol. 1). St.Petersburg: Giperion. (In Russ.)
12. Bodriiyar, Z. H. (2015). Simulyakry i simulyatsii = Simulacra and Simulation. Moscow: Postum. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернова Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

заведующий кафедрой отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета

старший научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Московского государственного лингвистического университета

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernova Iuliia Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor

Head of the Department of Russian and World Literature, Faculty of Translation and Interpreting

Senior Researcher of the Laboratory for Comparative Literature and Cultural Diplomacy

Moscow State Linguistic University

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.07.2025
21.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

О языке «Книги песен» Петрарки в контексте русских переводов последних лет

Т. В. Якушкина

Университет РЕАВИЗ, Санкт-Петербург, Россия
yaku0149@hotmail.com

Аннотация. Последние переводы «Книги песен» актуализировали вопрос о языке источника. Несмотря на разные стратегии, их объединяющей особенностью стала лексическая неоднородность, которая представляет книгу Петрарки как памятник, в котором совмещаются разные лексические пласты и стилистические регистры. Цель работы – охарактеризовать языковые свойства «Книги песен» в их соотношении с задачами перевода. Анализ и обобщение лингвистических исследований последних лет позволили заключить: язык памятника – это не живой народный язык, а язык облагороженный и возвышенный, следующий задаче *volgare illustre*. Соответственно, лингвистическая стратегия переводчика «Книги песен» должна совпадать с магистральной лингвистической задачей самого памятника – сублимацией языка. Только при таком условии удастся передать языком перевода эффект, порождаемый на языке оригинала.

Ключевые слова: переводы «Книги песен», «Книга песен» на русском языке, язык «Книги песен», Петрарка как языковая личность

Для цитирования: Якушкина Татьяна Викторовна. О языке «Книги песен» Петрарки в контексте русских переводов последних лет // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 132–139.

Original article

On the Language of Petrarch's *Canzoniere* in the Context of Recent Russian Translations

Tatiana V. Yakushkina

REAVIZ University, St. Petersburg, Russia
yaku0149@hotmail.com

Abstract. Recent Russian translations of Petrarch's *Canzoniere* have raised the issue of his language: in spite of different strategies, their unifying feature is lexical heterogeneity, due to which *Canzoniere* appears as a book with different lexical layers and stylistic registers. The purpose of the article, therefore, is to characterize the linguistic features of Petrarch's *Canzoniere* in their correlation with the tasks of translation. The author of the article has analyzed and summed up linguistic research studies over the recent years and highlights: the language of *Canzoniere* is not a living folk language, but an elevated and refined one created with the idea of *volgare illustre*. Thus, the linguistic strategy of a book translator, the author of the article states, should coincide with the main linguistic task of the literary monument itself, which is the vernacular language sublimation. Pursuing this objective, a translator is highly to convey the original effect of the source-language text.

Keywords: *Canzoniere* in Russian translations, translations of Petrarch's *Canzoniere*, the language of *Canzoniere*, Petrarch as a linguistic personality

For citation: Yakushkina, T. V. (2025). On the Language of Petrarch's *Canzoniere* in the Context of Recent Russian Translations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 132–139. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Последние годы в области русской петраркианы отмечены появлением трех новых переводов «Книги песен»: в 2017 году вышел полный перевод А. Бердникова; в 2019-м были опубликованы отдельной книгой 150 новых переводов А. Триандафилиди, которые выглядят как заявка на еще один вариант полного перевода, и, наконец, в 2021-м вышел полный перевод В. Г. Маранцмана. Отличительной особенностью всех переводов является их лексическая неоднородность. Так, в переводе Бердникова можно найти: архаическую лексику и «бытовизмы», славянизмы и воровской жаргон, неологизмы и вулгаризмы, фольклорные элементы и цитаты из русской, советской и мировой классики, в том числе песенной¹. В переводе Маранцмана признаков интертекстуальности значительно меньше. Тем не менее на уровне лексики у него можно найти и просторечья с ярким русским колоритом («молодуха» CXXI, «судачит» CL, «худой чурбан» CCXVI), и очень современные разговорные выражения («сверхнравится» CXLIII, «фантазий кутерьма» CXXXI, «другие вещи не интересуют» CIX, «сказал, как перед иностранкой» CXXVI, «не знаю, как и быть» CL), и устаревшие слова «ужель», «коль», «сей», и строки, как будто заимствованные из русской классической поэзии («плеч нежнейших появленье» CCCXX, «очи, ... что душу отнимают и лелеют» CCXIII)². В книге Триандафилиди обилие славянизмов («стеся», «тем паче» VII); «поколе», «торопкий», «подаде», «вестимо», «оратай», «тенета» (LXX); «туга́» (в значении «печаль», LXVII), «вотще» (LXX, CXXXIII); «кабы», «днесь» (CCCL); «ристать» (XCVIII), «зане́» (CXIX, CCCLXVI) не исключает присутствия рядом с архаизмами неологизмов и измененных форм слов: «лучит» (в значении «излучает», CLI), «примана» (в значении «приманка», XXXVII), «злоковарный» (CCCLXVI), «предстательствуй» (в значении «предстань перед», CCCLXVI) и др. Можно встретить и строки, которые звучат как современная разговорная речь: «Из-за нее себя забыл, и точка / Та страсть внутри, я – только оболочка» (XXIII)³.

Сохранение единства стиля на уровне лексики на протяжении всей книги – а ее составляют 366 текстов – непростая переводческая задача. Как выясняется, она по плечу далеко не каждому переводчику. Вместе с тем, следует отметить желание

современных переводчиков найти иной – отличный от традиций советской школы перевода, придерживавшейся «среднего слоя официальной русской лексики»⁴ и выступавшей за «сглаживание» авторского стиля⁵, – путь в передаче стилистических особенностей памятника. Поиск «подлинного Петрарки», заставляет современных переводчиков по-разному решать проблему лексического выбора, искать новых путей в передаче стилистики памятника средствами русского языка. Так, Бердников в предисловии к своему переводу пишет: «Даже беглый взгляд на подлинник немедленно отметит в нем в гуще итальянского просторечия, если не прямые латинизмы, то лексику, находящуюся на полдороге от них к более позднему формальному воплощению». Соглашаясь с правильностью выбора Вяч. Иванова, одного из самых ярких переводчиков «Книги песен», в пользу русско-славянской архаики, Бердников ставит ему в упрек полное отсутствие «бытовизмов», «также характерных для Петрарки»⁶. Другими словами, для Бердникова язык подлинного Петрарки – это итальянский язык в процессе его становления, что допускает сочетание флорентийского просторечия с латинизмами или производными от них, стиль, который в русском переводе требует сочетания архаичных слов и «бытовизмов». Маранцман, напротив, не пишет ничего конкретного о лексическом своеобразии книги Петрарки, но категорически не приемлет «высокопарности и архаизма Вяч. Иванова». Петрарка, «и это почувствует даже плохо знающий итальянский язык читатель», – пишет переводчик, – говорит «много проще, изящнее и гораздо поэтичнее»⁷. Он, – подчеркивает Маранцман, – первый дал чувству любви «живой реальный язык и показал его движение в самых разных обстоятельствах»⁸. Триандафилиди также не комментирует особенности языка поэта, но выбор в пользу русско-славянской архаики в качестве основной переводческой стратегии свидетельствует о его ориентации на лексическую архаику Вяч. Иванова и Ю. Верховского⁹.

Показательно, что все современные переводчики в поисках иных, не присущих советской школе

¹Петрарка Ф. Канцоньере / пер. с ит., предисл., прим. А. Бердникова. М.: Летний сад, 2017.

²Петрарка Ф. Книга песен / пер. с ит. В. Г. Маранцмана; предисл. В. Г. Маранцмана, И. И. Докучаева. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.

³Петрарка Ф. Избранные сонеты и канцоны / сост., пер., прим. и предисл. А. Триандафилиди. М.: Текст, 2019.

⁴Бердников А. Предисловие переводчика // Петрарка Ф. Канцоньере. М.: Летний сад, 2017. С. 7.

⁵В истории русской «Книги песен» эта стратегия перевода наиболее ярко представлена переводами Е. Солоновича и изданием Н. Б. Томашевского: Петрарка Ф. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза / пер. с итал.; Н. Б. Томашевский (сост., предисл. и примеч.). М.: Правда, 1984.

⁶Бердников А. Там же.

⁷Маранцман В. Г. «Книга песен» – поэтическая исповедь Петрарки // Петрарка Ф. Книга песен. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 5.

⁸Маранцман В. Г. Там же, с. 3.

⁹Триандафилиди А. Поклонник лавра и ветерка // Петрарка Ф. Избранные сонеты и канцоны. М.: Текст, 2019. С. 28.

перевода ориентиров, обращаются к переводу Вяч. Иванова, который первым намеренно архаизировал лексику памятника¹. Этот перевод вызвал долговременный резонанс у читательской аудитории, он стал полноценным событием не только русской петраркианы, но и русской литературы. Всё это побуждает переводчиков с воодушевлением размышлять над его стратегией. Принятие или неприятие перевода Вячеслава Иванова – это фактически заявление о том, каким языком следует переводить «Книгу песен», что из особенностей стилистики памятника должно быть сохранено в переводе для создания его адекватного образа в чужой культуре.

Не давая оценки трем новым переводам (об этом мы писали в других своих работах [Якушкина, 2024]), автор статьи так определил для себя цель исследования: охарактеризовать особенности языка поэтической книги Петрарки в их соотношении с задачами перевода. Движение к поставленной цели осуществлялось на основе лингвистических исследований последних лет. Параллельно автор статьи обращался и к практике перевода. Так, русские переводы прошлых лет (Вяч. Иванов, Е. Солонович) сопоставлялись с переводами 2000 годов. Вынесение вопроса о языке «Книги песен» в центр исследовательского внимания представляется важным не только с точки зрения его актуальности для перевода, но и потому, что на русском языке есть только одна работа, небольшая глава (написана Т. Б. Алисовой), ему специально посвященная, – «Франческо Петрарка (1304–1374). Лингвистические особенности “Canzoniere”» [Алисова, Чельшева, 2009, с. 85–91]. Отдавая дань уважения известным отечественным итальянистам, автор статьи считает необходимым уточнить некоторые положения, высказанные в работе Алисовой и Чельшевой. Все другие рассуждения в связи с проблемой языка «Книги песен», накопленные в течение последних двух столетий, – от читательско-переводческих в лице К. Н. Батюшкова, написавшего первую серьезную статью о Петрарке [Батюшков, 1816], до научно-литературоведческих в лице Р. И. Хлодовского, написавшего диссертацию и главу в академической истории итальянской литературы [Хлодовский, 1974; Хлодовский, 2000], – относятся к разряду замечаний или наблюдений. В них внимание сосредоточено на художественных приемах, а не на языке.

ЛАТЫНЬ И ВОЛЬГАРЕ В ИТАЛИИ XIV ВЕКА И В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРАРКИ

Языковая ситуация в Италии XIV века, времени жизни Петрарки (1304–1374), с лингвистической

¹Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты / пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915.

точки зрения может быть охарактеризована как ситуация диглоссии. Италия, как и вся Западная Европа средних веков, живет в условиях сосуществования двух языков: «высокой» латыни, используемой как язык письменной культуры, а также как язык церкви, науки, судопроизводства и государственного администрирования, и «низких» разговорных языков (романских, германских, славянских и др.) [Ferguson, 1959]. Несмотря на то, что многие итальянские простонародные языки, вольгари, включая флорентийский, материнский язык поэта, обрели свою письменность веком ранее и во времена Петрарки уже заметно теснили латынь в привычных сферах ее влияния, равенства в использовании языков и их оценки не существовало. Жители Апеннинского полуострова, как справедливо замечает Т. Б. Алисова, по-прежнему называли себя «homines latini». Для них латынь была, по-видимому, более понятной, чем итальянские диалекты, которые отличались неустойчивостью норм и лексической скудостью в обозначении отвлеченных понятий, «и, следовательно, представляла большие удобства для общения» [Алисова, Чельшева, 2009, с. 7–8]. Обучение грамоте, т. е. чтению и письму, велось на латыни, освоение письменного вольгара также начиналось с латыни. Для образованного человека с университетским образованием, каким был Петрарка, латынь – не вольгаре – являлась языком общественной и научной деятельности, профессионального общения и переписки (переписку даже с неофициальными лицами, с друзьями, с братом, Петрарка вел на латинском языке). Вольгаре в среде образованных итальянцев использовался, по-видимому, только для повседневных нужд и в очень узком кругу – со слугой, с женщинами, с близкими родственниками.

Несмотря на то, что материнским языком поэта был флорентийский диалект, Петрарка сделал изучение великой римской культуры и ее языка предметом своего главного жизненного интереса. На общности этого интереса зародилось и движение гуманизма, объединившее последователей Петрарки в разных странах. Вместе они занимаются поиском рукописей античных авторов, их атрибуцией, филологическим комментированием и подражанием стилю и жанрам разных авторов в своем творчестве.

Латынь – основной язык всех сочинений Петрарки: многочисленных трактатов, рифмованных эпистол, писем, речей, жизнеописаний, поэмы «Африка». Петрарка остался в истории литературы блестящим и требовательным стилистом, который многократно переписывал свои тексты, отделяя, чтобы не сказать, отчеканивая каждое свое слово. Разговорная латинская речь, как об этом

свидетельствуют «Письма о делах повседневных», была для него такой же стилистической задачей, как и создание эпической «Африки». Не рискуя ошибиться, можно сказать, что именно латынь стала для Петрарки основным языком творчества и активной филологической деятельности, выполнения служебных обязанностей и дипломатических миссий, переписки и общения. Это язык, в котором он осознает себя как поэт, как личность, как итальянец; в стремлении соединить себя настоящего с культурным и историческим прошлым Рима латинский язык имел для Петрарки ключевое значение. Как латинский поэт Петрарка был увенчан лавровым венком и признан первым поэтом современности.

Из обширного наследия Петрарки на вольгаре написано только два сочинения – аллегорическая поэма «Триумфы» и книга стихов, получившая уже после смерти поэта название «Книга песен». В отличие от «высокой» латыни, тосканский, как и другие вольгари XIV века, оставался языком «низким». На нем уже существовала поэзия сицилийцев и стильновистов, были написаны «Новая жизнь» и «Божественная комедия» Данте. Однако о том, сколь двойственным в глазах поэта выглядел выбор в пользу вольгаре, а не латыни, говорит заголовок. Начав работу в 1336–1338 годы и не прекращая ее вплоть до смерти, Петрарка задумался над собранием своих сонетов как о книге в 1357 году. Тогда была подготовлена беловая рукопись, известная сегодня как Vat. Lat. 3195. На ней своей рукой поэт поставил: «Francisci Petrarchae laureati poetae rerum vulgarium fragmenta» – «Франческо Петрарки, поэта, увенчанного лавровым венком, отрывки на простонародном языке». Здесь важно все: выбор языка заголовка – латынь, упоминание о своей славе и статусе первого поэта Италии, отсылка к римской культурной традиции, частью которой поэт себя мыслил. Другими словами, это отрывки на простонародном языке, представленные в отблеске славы Петрарки – латинского поэта и продолжателя античных традиций.

Учитывая культурно-лингвистическую ситуацию XIV века, можно сказать, что выбор в пользу вольгаре был поступком особого рода. Это стремление проявить себя в новой области – лирической поэзии; это стремление откликнуться на призыв Данте (с трактатом которого «De vulgari eloquentia» Петрарка был знаком) к созданию литературы на народном языке; это, наконец, стремление принять вызов, брошенный из прошлого автором «Божественной комедии», «первым поэтом на нашем народном языке», как назвал его сам Петрарка¹, ему, поэту-лауреату, первому поэту на языке латинском².

¹Ille nostri eloquii dux vulgaris (Petrarca. Seniles V 2).

²О неоднозначном отношении Петрарки к Данте см.: [Trovato, 1979; Pastore Stocchi, 2004].

ЯЗЫК «КНИГИ ПЕСЕН»

Петрарка, как и Данте, не случайно считается создателем итальянского литературного языка. Вольгаре, на котором он пишет свою «Книгу песен», это не тот вольгаре, на котором поэт общался в домашнем кругу. Данте, первым поставивший задачу создания *volgare illustre*, видел ее решение не в опоре на конкретный диалектный материал (роль тосканского в создании литературного языка Италии, как справедливо отмечает Л. Г. Степанова, – это во многом «историческая случайность» [Степанова, 2000, с. 140]), а в следовании эталонным поэтическим текстам, написанным на вольгаре. Первые подходы к осуществлению этой задачи намечались в «Новой жизни», как эталонный текст была написана «Божественная комедия» [Степанова, 2000]. Однако с лингвистической точки зрения работа Данте над своим произведением может быть охарактеризована как позиция многоязычия. Контини обозначил ее термином «плюрилингвизм» («*plurilinguismo*»), имея в виду, что Данте смешивает не только жанры, но и стили, использует разные лексические регистры и не ограничивается словами только флорентийского диалекта. Петрарка, также ориентированный на идею образца, решает ту же задачу иначе. В терминологии Контини это позиция монологичия («*unilinguismo*») – скрупулезный выбор лексики, единство стиля и тона. Рано покинув Италию и не являясь географически привязанным к Флоренции или Тоскане, Петрарка создает свой флорентийский язык искусственно, кропотливой работой и целенаправленными усилиями. Не случайно Контини назвал его флорентийский язык «трансцендентным» («*fiorentinità trascendentale*»), выходящим за границы реального жизненного опыта, а саму работу над языком «экспериментом» [Contini, 1992, с. xxx–xxxiv].

Усилия Петрарки как поэта направлены на гармонизацию и облагораживание языка, что предполагало, во-первых, достижение фонического благозвучия, во-вторых, тщательную работу в выборе лексики и синтаксических конструкций. Задача благозвучия решается за счет «полной фонологической флорентизации» (термин Маурицио Витале), т. е. преимущественного выбора в пользу тех форм тосканского наречия, которые имели хождение во Флоренции. Петрарка активно опирается на язык предшественников – сицилийцев и стильновистов, но заимствованные у них слова и рифмовки он подчиняет этому общему принципу. Так, вместо форм сицилийского, провансальского или латинского происхождения укореняются флорентийские формы: *Dio* вместо *Deo*, *degno* вместо *digno*, *mondo* вместо *mundo*; формы с дифтонгом, свойственные

флорентийскому наречию, преобладают над теми, которые их не имеют: *aurο* и *oro*, *fuoco* и *foco*, *fiero* и *fero*. Характерной особенностью «Книги песен» является отказ от сицилийских глагольных форм в рифмовке (*-aggio* для будущего времени, *-ia* для имперфекта); отказ от так называемой «сицилийской рифмы», т. е. рифмы, построенной на сочетании закрытых «é» и «ó» с «i» и «u» (во всей «Книге песен» рифма *voi – altrui* встречается только один раз). Взамен утверждается более благозвучное сочетание: закрытых «e» и «o» с их открытыми вариантами [Contini, 1992, с. xxxvi-xxxvii; Vitale, 1996, с. 36–139; Manni, 2003, с. 191–203]. Благозвучие достигается и за счет широкого арсенала чисто художественных приемов: аллитерации, ассонанса, перечисления, анафоры, устойчивого эпитета, метафоры, оксюморона, перифразы.

Исследования последних лет подчеркивают фактическое богатство и широту словарного запаса поэта, объективно «более обширного, чем у любого другого лирика» [Vitale, 1996, с. 416]. С одной стороны, словарь «Книги песен» изобилует заимствованиями из латинского, естественного для итальянского языка ресурса расширения своей лексики. Так, появляются такие новые слова, как *flagro*, *delibo*, *folce*, *repulse*, *palustre*, *trilustre* и др. Следуя примеру Данте, Петрарка вводит целые ряды слов из разных тематических блоков: из мира растений (*herba*, *lauro*, *mirto*, *visco*, *lappole*, *olmi*, *quercie*, *faggio*), птиц и животных (*passero*, *lupi*, *aquile*, *colombe*, *serpi*, *vermi*), из перечня инструментов, используемых в человеческой деятельности (*focile*, *fune*, *remo*, *martello*, *chiovì*) [Vitale, 1996, с. 522–526].

С другой стороны, тщательному отбору подвергнуты вольгаризмы. Прежде всего, среди них нет практически ни одного «случайного» слова. Как подчеркивает Роберта Челла, за исключением примерно десятка, все просторечные слова «Книги песен» заимствованы у предшественников, поэтов-стилювистов и Данте, т. е. апробированы в поэтической речи до Петрарки, прошли горнило литературной обработки, а значит – обрели иное качество. Из словарного наследия предшественников убраны многие устаревшие сицилианизмы и галлицизмы, простонародные тосканизмы; оставлено только то, что отвечает принципам благозвучия и благородства значения [Cella, 2023].

Трудно согласиться с Т. Б. Алисовой, которая считала, что «очищение» словаря «Книги песен» «приводит к его обеднению и “обесцвечиванию”» [Алисова, Челышева, 2009, с. 88]. Такое впечатление может возникнуть только за счет сравнения Петрарки с Данте. Но язык эпической поэмы, которую сам автор называл комедией, и язык лирической книги – это разный охват мира, требующий разных

языков и стилистических регистров. Как лирический поэт Петрарка заметно обогатил язык поэзии, открыв новые возможности для самовыражения, именно его языку будут учиться несколько поколений поэтов Италии и многих европейских стран.

Синтаксис Петрарки, с одной стороны, подчиняется задачам экспрессивной выразительности речи, с другой – является отражением его рефлексии над противоречиями собственного «я». В построении фразы поэт придерживался трех основных стратегий: длина предложения должна соответствовать метру, чаще всего, строфе, что помогает усилить ритмичность поэтической речи; предложения, выходящие за границы метра, организуются по латинскому образцу с нарушением прямого порядка слов. Особую группу составляют предложения, в которых используются различного рода повторы. Они могут быть построены на перечислении объектов одного ряда, составляющих один-два стиха или целую стопу; на повторе разных частей речи; на повторе одинаковых слов или конструкций, вынесенных в начало стиха или строфы (анафора); на синтаксическом параллелизме (часто как антитеза). Всегда подчиненные музыкальной организации стиха, такие предложения вызывают сильное воздействие на читателя.

Синтаксис Петрарки – это не простые и линейные конструкции, а предложения с большим количеством соединительных и подчинительных связей. Как тип высказывания они обладают своими особенностями. Как подметил еще Контини, возникает первое впечатление, что мысль не движется – она как будто топчется на месте, ходит кругами. Движение, однако, есть – развивает наблюдение Контини Р. Челла. В отличие от стильовистов, лирическая мысль которых развивалась с обилием логических связок (*dunque*, *perciò*, *laonde*, *così*) – итак, потому, поэтому, таким образом), т. е. как рассуждение, основанное на принципах причинно-следственных связей и направленное на постижение объективных законов мира, мысль Петрарки сосредоточена на себе. Субъективность позиции говорящего, сфокусированность на собственном внутреннем мире, его непоследовательных и противоречивых движениях заставляет поэта строить свои фразы либо путем нагнетания ассоциаций, либо как высказывания с резкими поворотами. Они маркируются с помощью противопоставления *ma (no)*. Синтаксис Петрарки, таким образом, – это отражение трудности, с которой лирическое «я» пытается объективировать события своей души, и в то же время это попытка их выявить и упорядочить, по крайней мере, в своем сознании [Cella, 2023, с. 100–102].

Наблюдение итальянского исследователя помогает понять еще одну особенность языка

Петрарки – использование одного прилагательного в разных, часто неожиданных или несовместимых по смыслу контекстах (*dolce mal*, *dolce affanno*, *e dolce peso* – сладостный грех, сладостная печаль и сладостная ноша; *la mente vaga* – сомневающийся ум и *sua vaga bellezza* – ее очаровательная красота). Слово теряет точность значения, его смыслы размываются, становятся неопределенными. В глазах лингвиста такие сочетания слов, как и длинные перечислительные ряды у Петрарки, оказываются проявлением «безразличия к смыслу» [Алисова, Чельшева, 2009, с. 89–90]. С нашей точки зрения, – наоборот. С помощью такого приема поэт открывает ресурс для расширения смысловых возможностей языка и познания неустойчивых, смутных состояний души.

Особенностью мышления эпохи и Петрарки-гуманиста является постоянное обращение к классикам: античным, библейским, средневековым. В сочинениях Петрарки римские авторы, естественно, преобладают, за ними следуют греческие. Высокая насыщенность цитатами и парафразами – с указанием имени / источника или без упоминания – характерна не только для исторических или философских сочинений. Она присуща практически любому средневековому тексту. Обилие цитат, парафраз, аллюзий наблюдается и в произведениях, рассчитанных на «широкого» читателя (научно-популярных в современном понимании). Так, в трактате Петрарки «О средствах против превратностей судьбы» («*De remediis utriusque fortunae*») упомянуто 30 авторов, число «прямо цитируемых сочинений приближается к 50 трудам, а вместе с использованными без упоминания – к 100» [Девятайкина, 2014, с. 121–122].

Не меньшая степень интертекстуальности присуща и «Книге песен». Это не только прямые или скрытые цитаты из провансальских трубадуров и тосканских поэтов, из Данте [Trovato, 1979], предшественников Петрарки в области вольгаре. Для Петрарки как для человека с четким разграничением языков в сознании сделать сочинение на вольгаре возвышенным можно только за счет его латинизации. Разграничение между двумя языками проходило не по линии свой-чужой, а по линии разговорный-книжный, т. е. не обработанный-обработанный. Язык Вергилия и Цицерона для Петрарки – это «наш язык»¹, которому следует подражать, чтобы придать разговорному языку благозвучности и художественной выразительности равноценных латинскому. Петрарка использует латынь не только

для расширения лексики, заимствования грамматических структур, но и для обогащения поэтической образности и – шире – для сопряжения поэзии на вольгаре с миром античной классики, проводником в который выступает лирическое «я» поэта. В «Книге песен» этот мир воссоздается на разных уровнях: как простое упоминание имен (Вергилия, Гомера, Цицерона, Катулла, Луцилия, Демосфена, Пиндара, Горация); как использование мифологических образов и сюжетов, заимствованных преимущественно у Вергилия и Овидия (например, Дафны, Аполлона, Орфея). Наряду с переводом отдельных словосочетаний, стихов – особенно часто Петрарка использует стихи из «Буколик» и «Георгик» Вергилия, у него нередко встречаются и вольные переводы целых фрагментов (например, стихи 1–4 сонета CCCXI являются вольным переводом из «Георгик» IV, 510–514) [De Nolhac, 1892]. Наконец, подражание классикам, прежде всего, Вергилию, означает также постоянную, на протяжении всей книги, рефлексию над ролью поэта и поэтического слова, и – через миф об Орфее – соотнесение себя с великим мантаунцем [Giardini, 1995].

Таким образом, язык «Книги песен» – это не вольгаре в процессе своего становления, это вольгаре, который создается поэтом-латинистом обдуманно, шаг за шагом, на протяжении 40 лет в тщательной работе над каждым текстом. Усилия Петрарки как поэта, пишущего на вольгаре, направлены на работу над всеми компонентами языка как инструмента литературы: фоническим, лексическим, синтаксическим, стилистико-экспрессивным. Фонологическая флорентизация и многовекторная латинизация – это два инструмента, которыми пользуется Петрарка для того, чтобы придать языку «низкому» качества языка «высокого» – благозвучие и благородство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свете всего вышесказанного закономерно возникают два вопроса: каким языком следует переводить «Книгу песен» и может ли архаизация языка перевода быть адекватным способом передачи языковых особенностей памятника?

В отличие от Вяч. Иванова, для которого использование архаизмов являлось органичным свойством его поэтики, современные переводчики тем же приемом пользуются не без затруднения. В их руках он выглядит порой либо как проявление переводческой беспомощности, либо как неумелое пользование словарем устаревших слов. С нашей точки зрения, ошибка подобного решения состоит не только в том, что русскоязычный читатель вряд ли сможет такой прием адекватно – как отсылку

¹В «Триумфе славы» Петрарка называет Вергилия и Цицерона «глазами нашего языка» – «gli occhi de la lingua nostra», *Trionfo della Fama*, III, 21, имея в виду, что первый учит тому, какой должна быть поэзия, второй – проза.

на присутствие латинизмов в оригинале – оценить. Выбор в пользу славянской лексической архаики не учитывает специфику современного читателя, не похожего на читателя эпохи Серебряного века, и лишь усиливает и без того огромный культурный разрыв между ним и памятником литературы. У итальянского средневекового поэта появляется ненужный славянский дух. Смешение же стилей и языковых регистров (если это не эпатаж, как у Бердникова) еще дальше уводит читателя от адекватного образа оригинала и усиливает впечатление переводческой беспомощности.

Переводы Вяч. Иванова не случайно считаются одними из лучших. Русский поэт не просто архаизировал лексику «Книги песен». Несмотря на то, что он перевел всего 33 из 366 текстов книги, ему удалось создать целостный и единый в своей стилистике образ итальянского источника. Он не совпадает с оригиналом, однако передает важные его особенности: музыкальность и «книжность», возвышенно-классический и одновременно утонченно-изысканный характер. Это возвышенно-приподнятый русский язык, и в этом своем качестве он адекватно передает главную задачу

«Книги песен» – сублимацию вольгаре. Ориентация на сохранение ведущих свойств памятника, а не его лексических особенностей, сделала успешной и переводческую работу Е. Солоновича. Его переводы, созданные в другую эпоху и построенные на других пластах русского языка, также отличаются благозвучностью и стилистической выверенностью. Ориентация на язык русской поэзии пушкинской эпохи для советского читателя 1970–1980-х годов создавала такой же налет книжности и классичности, стилистической возвышенности, как церковные славянизмы для читателя начала XX века, а введение разговорных интонаций и некоторое упрощение синтаксиса сокращало историческую дистанцию между литературным памятником и читателем.

Таким образом, лингвистическая стратегия переводчика «Книги песен», на наш взгляд, должна совпадать с магистральной лингвистической задачей самого памятника. При таком условии, как показывает история русской петраркианы, удастся осуществить главное назначение перевода – передать языком перевода эффект, порождаемый на языке оригинала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якушкина Т. В. «Книга песен» Петрарки в России: трудный путь обретения или все еще впереди? // Сборник по итогам международной конференции. Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики, 13-15 ноября, 2023 года / составители: Т. В. Шевцова, С. А. Дулова. Архангельск: Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2024. С. 252–258.
2. Алисова Т. Б., Челышева И. И. История итальянского языка: от первых памятников до XVI в. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2009.
3. Батюшков К. Н. Петрарка // Вестник Европы. 1816. Ч. LXXXVI. № 7. С. 171–192.
4. Хлодовский Р. А. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М.: Наука, 1974.
5. Хлодовский Р. А. Франческо Петрарка // История литературы Италии. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 1. Средние века / отв. ред. М. Л. Андреев, Р. И. Хлодовский. С. 399–449.
6. Ferguson C. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. P. 325–340.
7. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Издательство Российского христианского гуманитарного института, 2000.
8. Trovato P. Dante in Petrarca. Firenze: Olschki, 1979.
9. Pastore Stocchi M. Petrarca e Dante // Rivista di studi danteschi. 2004. Fasc. 1. P. 184–204.
10. Contini G. Preliminari sulla lingua del Petrarca: saggio introduttivo // Petrarca F. Canzoniere. Torino: Einaudi, 1992. P. XXVIII–XXXVIII.
11. Vitale M. La lingua del Canzoniere (“Rerum vulgarium fragmenta”) di F. Petrarca. Roma: Antenore, 1996.
12. Manni P. Storia della lingua italiana. Il Trecento toscano. La lingua di Dante, Petrarca, Boccaccio / a cura di F. Bruni. Bologna: Mulino, 2003.
13. Cella R. La lingua di Petrarca. Bologna: Mulino, 2023.
14. Девятайкина Н. И. Цели и способы цитирования авторов в трактате Петрарки «О средствах против превратностей судьбы» (диалог «О пении и приятности музыки») // Люди и тексты: исторический альманах. 2014. № 4. С. 119–137.
15. De Nolhac P. M. Pétrarque et Humanisme, d'après un essai de restitution de sa bibliothèque. Paris: Émile Bouillon, 1892.
16. Gardini N. Un esempio di imitazione virgiliana nel Canzoniere petrarchesco: Il mito di Orfeo // Modern Language Notes. 1995. Vol. 110, № 1 (Italian Issue). P. 132–144.

REFERENCES

1. Yakushkina, T. (2024). Petrarch's Canzoniere in Russia: Is It Finally Discovered or Still Expected? In Shevtsova, T. V., Dulova, S. A. (Eds.), Problemi khudozhestvennoj antropologii i literaturnoj komparativistiki pp. 252–258: collection of papers. Arkhangel'sk: Severnyj Arkticheskiy federal'nyj universitet imeni M. V. Lomonosova. (In Russ.)
2. Alisova, T. Chelisheva, I. (2009). Istoriya italianskogo yazika: ot pervikh pamyatnikov do XVI veka = History of Italian Language: from the first documents to the Sixteenth century. Moscow: Lomonosov Moscow State University. Moscow university press. (In Russ.)
3. Batyushkov, K. (1816). Petrarka = Petrarch. Vestnik Evropi, LXXXVI, 7, 171–192. (In Russ.)
4. Khlodovskij, R. (1974). Franchesko Petrarka. Poesiya gumanizma = Francesco Petrarca. The poetry of humanism. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Khlodovskij, R. (2000). Francesco Petrarca. In Istoriya literaturi Italii = History of Italian Literature (vol. 1. Sredniye veka, pp. 399–449). Moscow: IMLI RAN, Nasledie. (In Russ.)
6. Ferguson, C. (1959). Diglossia. Word, 15, 325–340.
7. Stepanova, L. (2000). Ital'yanskaya lingvisticheskaya misl' XIV–XVI vekov (ot Dante do pozdnego Vozrozhdeniya) = Italian linguistic thought of the Fourteenth to the Sixteenth Centuries (from Dante to the Late Renaissance). St. Petersburg: Izdatel'stvo Khristianskogo rossijskogo gumanitarnogo instituta. (In Russ.)
8. Trovato, P. (1979). Dante in Petrarca. Firenze: Olschki.
9. Pastore Stocchi, M. (2004). Petrarca e Dante. Rivista di studi danteschi, 184–204.
10. Contini, G. (1992). Preliminari sulla lingua del Petrarca: saggio introduttivo. In Petrarca F. Canzoniere (pp. xxviii–xxxviii). Torino: Einaudi.
11. Vitale, M. (1996). La lingua del Canzoniere ("Rerum vulgarium fragmenta") di F. Petrarca. Roma: Antenore.
12. Manni, P. (2003). Storia della lingua italiana. Il Trecento toscano. La lingua di Dante, Petrarca, Boccaccio. A cura di F. Bruni. Bologna: Mulino.
13. Cella, R. (2023). La lingua di Petrarca. Bologna: Mulino, 2023.
14. Devyatajkina, N. (2014). Tseli i sposobi tsitirovaniya avtorov v traktate O sredstvakh protiv prevratnostej sudbi (dialog O penii i priyatnosti musiki) = Purposes and methods of citing authors in Petrarch's treatise "On remedies against the vicissitudes of fate" (dialogue "On singing and the pleasantness of music"). Lyudi i teksti: historical almanac, 4, 119–137. (In Russ.)
15. De Nolhac, P. M. (1892). Pétrarque et Humanisme, d'après un essai de restitution de sa bibliothèque. Paris: Émile Bouillon.
16. Gardini, N. (1995). Un esempio di imitazione virgiliana nel Canzoniere petrarchesco: Il mito di Orfeo. Modern Language Notes, 110(1) (Italian Issue), 132–144.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушкина Татьяна Викторовна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Университета РЕАВИЗ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakushkina Tatiana Viktorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of History, Humanitarian and Social Disciplines

REAVIZ University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.07.2025
20.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Соответствие городской скульптуры запросам общества и культурному коду Москвы

О. С. Крюкова¹, А. П. Плескачевская²

^{1,2}Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹florin2002@yandex.ru

²plesangelina@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования искусствоведческих аспектов и проблем соответствия городской скульптуры запросам общества и культурному коду Москвы. Цель исследования – выявить константы восприятия общественной скульптуры в современной Москве экспертами и жителями столицы. Методология исследования включала в себя многоаспектный анализ теоретических подходов к изучению общественной скульптуры, масштабный социологический опрос жителей и экспертов, а также детальный семиотический анализ избранных произведений городской скульптуры Москвы. Исследование показало, что восприятие городской скульптуры в Москве неоднородно и зависит от множества факторов, включая эстетические предпочтения, культурный бэкграунд и контекст размещения объектов.

Ключевые слова: общественная скульптура, городская скульптура, восприятие искусства, культурная идентичность, Москва, урбанистика, эстетика городского пространства

Для цитирования: Крюкова О. С., Плескачевская А. П. Соответствие городской скульптуры запросам общества и культурному коду Москвы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 140–146.

Original article

Compliance of Urban Sculpture with the Demands of Society and the Cultural Code of Moscow

Olga S. Kryukova¹, Angelina P. Pleskachevskaya²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

¹florin2002@yandex.ru

²plesangelina@gmail.com

Abstract. This research explores the art historical aspects and issues of urban sculpture's correspondence to societal demands and the cultural code of Moscow. The study aimed to examine the perception of public sculpture in modern Moscow's urban spaces by residents and experts, specifically how and to what extent public sculpture in Moscow reflects and supports the city's cultural values and historical traditions, as well as to identify contemporary trends and preferences of citizens. The research methodology included analysis of theoretical approaches, a sociological survey of residents and experts, and semiotic analysis of selected works of urban sculpture in Moscow. Key concepts in the subject area are presented, results of public opinion research and expert assessments are described, and their interpretation is offered from the standpoint of art theory and history.

Keywords: public sculpture, urban sculpture, art perception, cultural identity, Moscow, urban studies, aesthetics of urban space

For citation: Kryukova, O. S., Pleskachevskaya, A. P. (2025). Compliance of urban sculpture with the demands of society and the cultural code of Moscow. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 140–146. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Городская скульптура играет важнейшую роль в формировании визуального облика и культурной атмосферы современных мегаполисов. Она не только украшает городское пространство, но и выступает мощным носителем смыслов, отражающих историю, ценности и социальную идентичность города и его жителей. Московской скульптуре новейшего времени в настоящее время посвящено всего два диссертационных исследования [Касаткина, 2004; Алфатих, 2018], причем в них анализируется преимущественно монументальная скульптура. Данное обстоятельство, по-видимому, объясняется особой идеологической значимостью именно монументальной скульптуры для Москвы начиная с реализации ленинского плана монументальной пропаганды и с расцвета монументального искусства в 1930-е годы и заканчивая монументальной скульптурой новейшего времени, призванной увековечить новых героев и новые социальные ценности. При этом обе диссертационные работы фокусируются на постсоветском периоде развития московской монументальной скульптуры, что в некоторой степени обедняет исследования в отношении недостаточного раскрытия условий возникновения и развития социального и культурного пространства существования скульптуры, генезиса эстетических требований горожан и визуального стандарта. Одну из ключевых проблем в предметной области составляет несоответствие современной московской скульптуры, включая монументальную, эстетическим запросам горожан, чье личностное становление пришлось на советский период. Налицо разрыв советского и постсоветского поколений. Так, наблюдается неизбежное противоречие между новой эстетикой постмодерна и эстетическими предпочтениями граждан, сложившимися в эпоху расцвета столичной скульптуры, в 1930–1960-е годы. Монументальное искусство тех лет по своим художественным канонам было ориентировано на классическую эстетику. Ее принципы передавались от поколений к поколениям москвичей.

Обращения исследователей к другим видам московской скульптуры, вписанной в городское общественное пространство, в настоящее время существуют только в форме небольших статей постановочного плана [Дивакова, 2011; Ломакина, 2013; Плескачевская, 2024; Рожников, Рожникова, 2024].

В условиях стремительной глобализации и быстрых социальных изменений во внешнем облике мегаполиса особую актуальность приобретает вопрос о том, как городская скульптура воспринимается жителями и гостями города, и какую роль она

играет в формировании культурной идентичности мегаполиса.

Москва как столица России и один из крупнейших мегаполисов мира представляет собой уникальное пространство, где сосуществуют памятники разных эпох и стилей. Здесь можно встретить как классические монументы, так и современные арт-объекты, вызывающие порой неоднозначную реакцию публики. В этом контексте исследование восприятия городской скульптуры жителями Москвы приобретает особую значимость и актуальность.

Цель исследования заключается в комплексном анализе восприятия городской скульптуры Москвы жителями и экспертами, а также в оценке ее соответствия культурному коду города.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести глубокий анализ существующих теоретических подходов к изучению восприятия городской скульптуры, включая междисциплинарные исследования на стыке искусствоведения, культурологии и урбанистики.
2. Уточнить и расширить понятия «восприятие искусства» и «культурная идентичность» применительно к городской скульптуре в контексте современного мегаполиса.
3. Провести масштабный социологический опрос жителей Москвы для выявления их отношения к городской скульптуре, учитывая различные демографические и социокультурные группы.
4. Осуществить детальный экспертный опрос специалистов в области искусства, урбанистики и городского планирования для получения профессиональной оценки роли скульптуры в формировании облика Москвы.
5. Провести углубленный анализ отдельных примеров городской скульптуры Москвы в аспекте их восприятия различными группами горожан, используя методы семиотического анализа и эмпирической эстетики.
6. Разработать рекомендации по совершенствованию политики в области размещения и создания городской скульптуры в Москве с учетом полученных результатов исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данного исследования был использован комплексный подход, сочетающий качественные и количественные методы:

1. Анализ теоретической литературы по теме исследования, включая работы по искусствоведению, урбанистике, социологии искусства и культурологии.
2. Масштабный социологический опрос жителей Москвы (n=1843) с использованием стратифицированной случайной выборки. Выборка была сформирована с учетом демографических характеристик населения Москвы, включая возраст, пол, уровень образования и район проживания.
3. Углубленный экспертный опрос специалистов в области искусства и урбанистики (n=20), включая искусствоведов, архитекторов, урбанистов, социологов и представителей городской администрации.
4. Семиотический анализ избранных произведений городской скульптуры Москвы, направленный на выявление их символического значения и культурных коннотаций.
5. Контент-анализ публикаций в СМИ и социальных сетях, посвященных городской скульптуре Москвы, для выявления общественного дискурса вокруг этой темы.
6. Визуальный анализ фотографий и видеоматериалов, отражающих взаимодействие горожан с городской скульптурой.

Опрос жителей Москвы проводился в два этапа:

- на первом этапе респондентам были заданы вопросы об их общем отношении к городской скульптуре, ее роли в формировании облика города и влиянии на их эмоциональное состояние. Также были включены вопросы о предпочтениях в стилях и тематике скульптур.
- на втором этапе участникам (n=108) были показаны изображения десяти наиболее обсуждаемых городских скульптур Москвы с просьбой оценить их по шкале от -5 до +5 и прокомментировать свои оценки. Этот этап позволил получить более детальное представление о восприятии конкретных произведений.

Экспертный опрос включал в себя открытые вопросы о роли городской скульптуры в формировании культурного облика Москвы, критериях ее оценки и перспективах развития. Особое внимание уделялось обсуждению баланса между сохранением исторического наследия и внедрением современных форм искусства в городское пространство.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Для реализации целей данного исследования мы используем следующие определения ключевых понятий:

1. Городская скульптура – это произведения пластического искусства, размещенные в открытых общественных пространствах города и доступные для свободного обозрения. Она включает в себя как традиционные монументы и памятники, так и современные арт-объекты, инсталляции и интерактивные скульптуры.
2. Восприятие искусства – это сложный процесс и результат взаимодействия зрителя с произведением искусства, включающий эмоциональные, когнитивные и оценочные компоненты. В контексте городской скульптуры это понятие охватывает не только эстетическое восприятие, но и осмысление социального и культурного значения объекта.
3. Культурная идентичность (города) – это совокупность характеристик, определяющих своеобразие городской культуры и формирующих у граждан чувство принадлежности к данному городскому сообществу. Она включает в себя исторические, архитектурные, социальные и художественные аспекты, которые делают город уникальным.
4. Культурный код – система знаков, символов и значений, характерных для определенной культуры или сообщества. В контексте городской среды культурный код проявляется через архитектуру, искусство, традиции и повседневные практики жителей [Kitchin, Perng, 2016; Lynch, 1960; Miles, 1997].
5. Общественное пространство – открытые городские территории, доступные для всех граждан и предназначенные для социального взаимодействия, культурного обмена и гражданской активности.
6. Эстетическое воздействие – влияние произведения искусства на эмоциональное и интеллектуальное состояние человека, его настроение, мысли и ассоциации.
7. Культурный ландшафт – это природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты опроса населения (жителей и гостей столицы) показали следующее:

1. Восприятие эстетических аспектов городской скульптуры:
 - 44,49 % респондентов оценивают разнообразие стилей городской скульптуры как «хорошее» или «очень хорошее», 35,00 % – как «удовлетворительное», и 20,51 % – как «плохое» или «очень плохое».
 - 42,70 % считают, что современная скульптура «в основном соответствует» их эстетическим ожиданиям, 29,57 % – что она «частично соответствует», 16,39 % – что она «полностью соответствует», и 11,34 % – что она «не соответствует» или «совсем не соответствует».
2. Роль скульптуры в формировании культурной идентичности города:
 - 44,87% респондентов считают роль современной городской скульптуры в формировании культурного облика столицы «важной» или «очень важной», 34,02 % – «средней», и 21,11 % – «малозначительной» или «не имеющей значения».
 - 37,93 % полагают, что новые скульптуры «в основном отражают» современные ценности города, 27,78 % – что они «частично отражают», 23,98 % – что они «полностью отражают», и 10,31 % – что они «не отражают» или «совсем не отражают» эти ценности.
3. Влияние на туристическую привлекательность:
 - 38,63 % считают, что городская скульптура «сильно способствует» или «способствует» привлечению туристов, 31,25 % – что она «в некоторой степени способствует», и 30,11 % – что она «не способствует» или «совсем не способствует».
 - 37,28 % респондентов находят московскую скульптуру «интересной и понятной» для международных туристов, 31,90 % – «средне интересной и понятной», 25,32 % – «мало интересной и непонятной», и 5,48 % – «совсем не интересной и непонятной».

Результаты анкетирования показывают, что восприятие городской скульптуры москвичами неоднородно. Большинство респондентов положительно оценивают разнообразие стилей городской

скульптуры, указывают на соответствие городской скульптуры их эстетическим ожиданиям, хотя значительная часть также отмечает, что есть место для улучшений. Приведенная статистика указывает на то, что городская скульптура воспринимается жителями и гостями мегаполиса как важный элемент городской среды, который имеет потенциал для дальнейшего развития.

Особый интерес представляет анализ восприятия конкретных произведений городской скульптуры.

На втором этапе опроса участникам были показаны изображения 10 наиболее обсуждаемых городских скульптур Москвы. Результаты этой части исследования выявили значительные различия в восприятии разных объектов:

1. Памятник Петру I на Москве-реке:
 - Средняя оценка: –1,2
 - Комментарии респондентов: «слишком громоздкий», «не вписывается в окружающую среду», «исторически не соответствует месту».
2. Скульптура «Рабочий и колхозница»:
 - Средняя оценка: +4,3
 - Комментарии: «символ эпохи», «впечатляющая композиция», «важная часть культурного наследия».
3. Памятник Юрию Долгорукому:
 - Средняя оценка: +3,7
 - Комментарии: «классический и величественный», «хорошо вписывается в архитектуру площади».
4. Скульптурная композиция «Дети – жертвы пороков взрослых»:
 - Средняя оценка: –0,8
 - Комментарии: «слишком мрачная», «не подходит для публичного пространства», «заставляет задуматься».
5. Памятник Владимиру Высоцкому:
 - Средняя оценка: +3,9
 - Комментарии: «отражает характер поэта», «органично вписывается в городскую среду».

Приведенные результаты демонстрируют, что восприятие городской скульптуры зависит не только от эстетических качеств самого произведения, но и от его исторического и культурного контекста, а также от личного отношения зрителей к теме или персонажу, которому посвящена скульптура.

Мнения жителей и гостей столицы были сопоставлены с оценками, предоставленными экспертами. Опрос экспертов охватывал различные аспекты городской скульптуры, включая эстетическое разнообразие, соответствие общественным ожиданиям, роль в культурном облике столицы и обеспечение ее туристической привлекательности.

Результаты показали следующее:

- Эстетическое разнообразие: 60 % экспертов отметили высокий уровень разнообразия стилей, 30 % сочли его ограниченным, а 10 % затруднились с оценкой.
- Соответствие ожиданиям москвичей: 50 % экспертов считают, что скульптуры соответствуют ожиданиям жителей столицы, 45 % констатируют наличие как удачных, так и неудачных примеров, и 5 % считают, что многие работы не находят отклика у горожан.
- Роль в культурном облике столицы: 75 % экспертов считают, что скульптуры играют важную роль в формировании культурного облика Москвы, 20 % считают эту роль значимой, но не ключевой, а 5 % полагают, что влияние переоценено.
- Влияние городской скульптуры на туристическую привлекательность Москвы: 65 % экспертов считают влияние значительным, 25 % – умеренным, а 10 % полагают, что оно незначительно.

Эксперты также отметили необходимость более активного вовлечения общественности в процесс создания новых скульптур и важность баланса между традиционными и инновационными подходами к городской скульптуре.

Семиотический анализ избранных произведений городской скульптуры Москвы позволил выявить несколько ключевых тенденций:

1. Историческая преемственность: многие скульптуры отражают важные исторические события и личности, подчеркивая связь современной Москвы с ее богатым прошлым.
2. Культурная идентичность: ряд скульптур служит выражением уникальной культурной идентичности Москвы, сочетая элементы русской традиции с современными художественными формами.
3. Социальная критика: некоторые современные скульптуры затрагивают актуальные социальные проблемы, провоцируя общественную дискуссию.
4. Интерактивность: наблюдается тенденция к созданию скульптур, с которыми зрители могут взаимодействовать, что способствует более глубокому вовлечению публики в диалог с городской средой.
5. Экологическая тематика: появляется все больше скульптур, отражающих экологические проблемы и призывающих граждан бережно относиться к природе.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования показывают, что городская скульптура играет значительную роль в формировании культурного ландшафта Москвы и в восприятии столицы ее жителями и гостями. Однако это восприятие неоднородно и зависит от множества факторов.

Большинство респондентов положительно оценивают разнообразие стилей городской скульптуры и ее соответствие их эстетическим ожиданиям. Данный статистический показатель свидетельствует о том, что в целом городская скульптура Москвы успешно выполняет свою эстетическую функцию. Однако наличие значительной доли респондентов, не удовлетворенных современной скульптурой, указывает на необходимость дальнейшего совершенствования подходов к размещению и созданию новых объектов.

Большинство опрошенных признают значимую роль городской скульптуры в формировании культурного облика столицы. Это подтверждает теоретические положения о том, что городская скульптура является важным элементом культурного ландшафта и участвует в формировании идентичности города.

В тематическом (и проблемном) спектре исследования особый интерес представляет вопрос о том, какие факторы определяют туристическую привлекательность Москвы. Хотя мнения респондентов разделились, значительная часть опрошенных считает, что скульптура способствует привлечению туристов. Данная статистика указывает на потенциал использования городской скульптуры как инструмента повышения туристической привлекательности города.

Сравнение мнений жителей и экспертов показывает, что в среднем оценки профессионалов более позитивны. Это различие может свидетельствовать о наличии определенного разрыва между экспертным видением и общественным восприятием. Их взаимное несовпадение указывает на необходимость более активного диалога между профессиональным сообществом и широкой публикой.

Семиотический анализ избранных произведений городской скульптуры выявил несколько ключевых тенденций. Они отражают как динамику исторического времени, так и современные социальные и культурные процессы. Преемственность между сменяющимися друг друга историческими эпохами отражается в скульптуре как на синхроническом, так и на диахроническом уровнях. Она свидетельствует о том, что городская скульптура является не только эстетическим объектом, но и важным носителем культурных смыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования являются следующие выводы:

1. Восприятие городской скульптуры в Москве неоднородно и зависит от множества факторов, включая эстетические предпочтения, культурный бэкграунд и контекст размещения объектов.
2. Большинство респондентов и экспертов признают важную роль городской скульптуры в формировании культурной идентичности Москвы, хотя оценки конкретных произведений могут существенно различаться.
3. Городская скульптура рассматривается как значимый фактор туристической привлекательности Москвы, что открывает возможности для ее более активного использования в развитии городского туризма.
4. Существует потребность в более активном вовлечении общественности в процесс создания и размещения новых скульптур. Эта социальная практика может

способствовать лучшему соответствию городской скульптуры ожиданиям горожан.

5. Современная городская скульптура Москвы отражает широкий спектр тем и идей, от исторической преемственности до социальных проблем в сфере урбанистики. Означенное проблемное (и деятельностное) поле свидетельствует о важной роли Москвы в формировании ее культурного дискурса.

Исследование показало необходимость дальнейшего изучения взаимосвязи между общественным восприятием городской скульптуры и ее ролью в формировании культурной идентичности города. Рекомендуется проведение дополнительных исследований с использованием методов эмпирической эстетики и культурной урбанистики для более глубокого понимания факторов, влияющих на восприятие городской скульптуры различными группами населения.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в понимание роли городской скульптуры в формировании культурного ландшафта современного мегаполиса и открывает перспективы для дальнейших научных разысканий в этой области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Касаткина Е. Е. Монументальная скульптура Москвы Постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004.
2. Алфаких И. Ж. Монументальная скульптура конца XX – начала XXI века в дизайне и архитектуре городской среды Москвы: истоки, традиции, ревизии, новации: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2018.
3. Дивакова Н. А. Художественно-ассоциативный культурный ландшафт как предмет исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. Вып. 7–3 (13). С. 66–69.
4. Ломакина Д. Ю. Культурный код пространственной организации территории города // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 31–1 (50). Ч. 1. Города России. Проблемы проектирования и реализации. С. 137–141.
5. Плещачевская А. П. К вопросу о понятии общественной скульптуры в городском пространстве // Культура и искусство. 2024. № 5. С. 55–65. DOI 10.7256/2454-0625.2024.5.70743.
6. Рожников А. А., Рожникова Е. А. Становление и развитие городской скульптуры // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14. № 1А. С. 257–264. DOI 10.34670/AR.2024.40.95.031.
7. Kitchin R., Perng S. Y. Code and the City. New York: Routledge, 2016.
8. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.
9. Miles M. Art, Space and the City: Public Art and Urban Futures. London: Routledge, 1997.

REFERENCES

1. Kasatkina, E. E. (2004). Monumental`naya skul`ptura Moskvyy` Postsovetetskogo perioda = Monumental sculpture of Moscow in the Post-Soviet period: abstract of PhD thesis in Art History. Moscow State Art and Industrial University (Stroganov University). (In Russ.)
2. Alfakih, I. Zh. (2018). Monumental`naya skul`ptura koncza XX – nachala XXI veka v dizajne i arhitekture gorodskoj srede Moskvyy`: istoki, tradicii, revizii, novacii = Monumental sculpture of the late 20th – early 21st century in the

- design and architecture of the urban environment of Moscow: origins, traditions, revisions, innovations: abstract of PhD thesis in Art History. Moscow State Art and Industrial Academy (Stroganov University). (In Russ.)
3. Divakova, N. A. (2011). Artistic-associative cultural landscape as research object. Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice, 7–3(13), 66–69. (In Russ.)
 4. Lomakina, D. Yu. (2013). Cultural code of city space organization. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura = Bulletin of Volgograd state university of architecture and civil engineering : научно-теоретический и производственно-практический журнал. Part 1. Russian Cities. Design and Accomplishment Problems, 31-1(50), 137–141. (In Russ.)
 5. Pleskachevskaya, A. P. (2024). On the issue of the concept of public sculpture in urban space. Culture and Art, 5, 55–65. DOI 10.7256/2454-0625.2024.5.70743 (In Russ.)
 6. Rozhnikov, A. A., Rozhnikova, E. A. (2024). Formation and development of urban sculpture. Culture and civilization, 14(1A), 257–264. DOI 10.34670/AR.2024.40.95.031 (In Russ.)
 7. Kitchin, R., Perng, S. Y. (2016). Code and the City. New York: Routledge.
 8. Lynch, K. (1960). The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press.
 9. Miles, M. (1997). Art, Space and the City: Public Art and Urban Futures. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крюкова Ольга Сергеевна

доктор филологических наук
заведующий кафедрой словесных искусств факультета искусств
МГУ имени М. В. Ломоносова.

Плескачевская Ангелина Петровна

магистр изящных искусств,
соискатель факультета искусств
МГУ имени М. В. Ломоносова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kryukova Olga Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil),
Head of the Verbal Arts Department
Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

Pleskachevskaya Angelina Petrovna

Master of Fine Arts
PhD student at the Faculty of Arts
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.07.2025
25.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Креолизированный текст в изобразительном искусстве: опыт структурного анализа

Д. А. Севостьянов

*Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявление эстетической сущности креолизированного текста, как формы, в которой представляется содержание произведения изобразительного искусства. В исследовании используется метод анализа системных инверсий – отношений в иерархии, при которых какой-либо из низших элементов становится главным. Осуществляется анализ таких элементов креолизированного текста, как знаки, символы, визуальные образы. Рассматривается и роль выразительной моторики («почерка») художника в структуре креолизированного текста. Особое внимание уделяется соотношению таких понятий, как креолизированный текст и фабула изображения. В результате исследования выявлен источник системных инверсий в креолизированном тексте картины.

Ключевые слова: изобразительное искусство, креолизированный текст, фабула изображения, знак, символ, художественный образ, «почерк» художника, иерархия, инверсия

Для цитирования: Севостьянов Д. А. Креолизированный текст в изобразительном искусстве: опыт структурного анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 147–153.

Original article

Creolized Text in Fine Art: the Experience of Structural Analysis

Dmitry A. Sevostyanov

*Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the study is to analyze the creolized text as a form in which the content of a work of fine art is presented. The study uses the method of analyzing systemic inversions – relationships in the hierarchy, in which one of the lower elements becomes the main one. The analysis of such elements of the creolized text as signs, symbols, and visual images is carried out. The role of expressive motor skills (“handwriting”) of the artist in the structure of the creolized text is also considered. Special attention is paid to the relationship between concepts such as creolized text and image fable. As a result of the research, the source of systemic inversions in the creolized text of the painting has been identified.

Keywords: fine arts, creolized text, painting fable, sign, symbol, artistic image, artist’s “handwriting”, hierarchy, inversion

For citation: Sevostyanov, D. A. (2025). Creolized text in fine art: the experience of structural analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 147–153. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы данного исследования определяется тем, что в изобразительном искусстве широко представлены поликодовые, или креолизованные тексты, составленные из разнородных знаков, как вербальных, так и невербальных (например, из речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи) [Тарасов, 2020]. В изобразительном искусстве мы встречаем множество подобных примеров; в то же время теоретическая и практическая проработанность данного вопроса пока совершенно недостаточна.

О креолизованных текстах в целом имеется немало публикаций. Упоминаются в них и произведения изобразительного искусства (поскольку здесь речь идет об изображениях). Но даже наличие работ на указанную тему не устраняет все нерешенные вопросы в рамках данной проблематики.

Так, одновременно и параллельно с этими публикациями представлен значительный (хотя и сильно разрозненный) материал о роли фабулы в художественном произведении (в разграничении ее с сюжетом или совместно с ним) [Ефименко, 2019; Назиров, 2020]; и хотя фабулу изображения также можно рассматривать как компонент креолизованного текста, этого, как правило, не делается. Кроме того, само представление о креолизации до сих пор носит достаточно произвольный характер; разные авторы по-своему трактуют природу данного явления. В произвольной же форме часто упоминаются в данном контексте такие понятия, как символ, знак и образ.

Цель данного исследования – структурный анализ креолизованного текста художественного изображения. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

1. Исходя из современных литературных данных, упорядочить представление о сущности креолизованного текста.
2. Рассмотреть свойства креолизованного текста как иерархической системы, в которой получают развитие системные инверсии.
3. Выявить роль фабулы художественного изображения в креолизованном тексте.

Метод, применяемый в данном исследовании, состоит в анализе инверсивных отношений в иерархических системах (поскольку всякий креолизованный текст фактически и представляет собой иерархию). Инверсия представляет собой форму отношений в иерархии, при которой некоторый подчиненный элемент приобретает в ней главенствующую позицию, формально оставаясь в своем прежнем подчиненном положении.

Теоретическое и практическое значение исследования состоит в том, что принятый в нем подход позволяет существенно углубить и расширить представление о креолизованных текстах, а также приобрести эффективный аналитический инструмент, применимый в искусствоведческом дискурсе.

СУЩНОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Итак, в креолизованном тексте встречаются изображения (которые трактуются как невербальные знаки) и вербальные сообщения. Невербальные знаки понимаются как знаки-копии, аналоговым способом отображающие объекты, а вербальные знаки – это условные культурные предметы, не имеющие никакого внешнего сходства с отражаемыми объектами [Тарасов, 2020, с. 13–14]. При этом прагматическая и информационная емкость невербального компонента в структуре креолизованных текстов часто бывает выше, чем вербального (к этому нам еще предстоит вернуться в дальнейшем). Следовательно, креолизованный текст требует двойного декодирования информации: происходит извлечение концепта из невербальной части и последующее его совмещение с вербальной частью, что, в свою очередь, приводит к более глубокому и целостному пониманию смысла креолизованного текста [Чернышенко, 2016].

Креолизация текста может быть полной и частичной. При частичной креолизации вербальная и невербальная часть остаются относительно независимыми друг от друга; таковы, например, иллюстрированные книжные тексты, газетные и журнальные статьи. Если же речь идет о полной креолизации, то вербальный компонент данного текста целиком подчиняется изображению и играет подчиненную роль. К полностью креолизованным текстам относятся, таким образом, карикатуры, картины, плакаты. Невербальный компонент может быть представлен в них рисунком, диаграммой, партитурой, символом – неважно чем, важно то, что вербальный компонент вторичен по отношению к этой невербальной части [Бортникова, Долженкова, 2022, с. 50].

В качестве элемента полностью креолизованного текста (в котором невербальная и вербальная составляющая слиты в единое целое) Е. Ю. Колтышева рассматривает креолизованную диктему. Обычно под диктемой подразумевается предложение или несколько предложений в тексте, представляющих собой отдельную смысловую (тематизирующую) единицу, но в креолизованной диктеме такая единица представляется двумя и более разными кодами одновременно [Колтышева, 2008].

Так, например, если на предвыборных плакатах в качестве невербального компонента мы видим

портрет кандидата, а под ним надпись: «Сделайте правильный выбор!» – то тут имеет место полная креолизация. Эта надпись не может существовать самостоятельно, поскольку тогда будет непонятно, что же здесь следует считать «правильным выбором». Изображение кандидата выступает тут в качестве главного компонента (хотя, если бы оно пребывало в отдельности, без всякого текста и внешнего контекста, то и не могло бы рассматриваться именно как предвыборный материал – это был бы просто портрет определенного лица, и не более). Если же в вербальном тексте на плакате прямо указано, за какую партию следует голосовать (и этот текст понятен и без всякого изображения, хотя оно всё-таки есть), то перед нами поликодовый текст с неполной креолизацией. Представление о возможности полной и неполной креолизации указывает на правомерность оценки креолизованного текста как иерархической системы.

Вербальный компонент креолизованного текста представляет собой самостоятельный объект для исследования. Он может рассматриваться в разных своих аспектах: морфологическом (строение слов, частей речи), синтаксическом, стилистическом. При анализе креолизованного текста необходимо также учитывать наличие прецедентных связей, которые способны придавать элементам этого текста некоторое дополнительное значение, что затрагивает и вербальную, и невербальную составляющие данного текста [Петрова, Петров, Шустрова, 2020].

В некоторых случаях взаимодействие двух и более визуальных образов может быть адекватно понято только при том условии, что наряду с восприятием визуального объекта, осуществляется и прочтение представленного в данном изображении текста. Такой метафорический образ М. Б. Ворошилова предлагает называть креолизованной метафорой: «Это понятие значительно шире понятия визуальной метафоры, данный термин позволяет подчеркнуть сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и на взаимодействии нескольких образов» [Ворошилова, 2012, с. 98].

И. В. Вашунина выделяет естественные и искусственные креолизованные тексты. Естественный креолизованный текст формируется спонтанно. Так, например, устная речь человека произносится голосом, для которого характерен определенный тембр, а помимо этого, речь обладает определенной громкостью и интонацией. При этом такие эпифеномены, как тембр голоса (или, например, почерк при письме) в значительной мере характеризуют не само сообщение, а личность коммуниканта. Искусственные же креолизованные тексты составляются специально для решения какой-либо задачи

(например, таков книжный текст, иллюстрированный изображениями, или рекламный плакат).

Как отмечает далее И. В. Вашунина, элементы, составляющие креолизованный текст, могут находиться как в сильной, так и в слабой позиции. Например, шрифт, которым набран текст, часто имеет второстепенное значение, хотя и он – элемент креолизации; однако если текст набран решительно неподходящим для этого случая шрифтом, это обстоятельство непременно обратит на себя внимание [Вашунина, 2020]. Здесь вновь являются основания говорить о том, что в креолизованном тексте между его компонентами непременно присутствуют иерархические взаимоотношения.

В искусственном креолизованном тексте различаются его содержательная и формальная стороны, которые присущи и вербальной, и невербальной части сообщения. В вербальной части сообщения к содержанию относится объект описания и сюжет (события, происходящие с объектом). В невербальной части сообщения – это изображаемый объект и опять-таки сюжет. К формальной стороне сообщения относится, в частности, стиль. Им характеризуется как текст, так и изображение [Вашунина, 2020, с. 23–24].

СВОЙСТВА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА КАК ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Итак, выше уже были показаны некоторые аспекты креолизованного текста как иерархии. Любая иерархическая система (и креолизованный текст не исключение) строится на некоторых организационных принципах, которые, собственно говоря, и определяют, на каком основании одни элементы в ней занимают главенствующее, другие же – подчиненное положение. В сложных иерархиях (к которым относится и креолизованный текст) таких принципов действует сразу несколько. Если все эти принципы проявляют себя однонаправленно и согласованно, то в данной иерархической системе сохраняются первоначальные, базовые отношения (обозначаемые как отношения ордера). Но если какой-либо организационный принцип противоречит другому (или другим), то в данной иерархии возникает системная инверсия [Севостьянов, 2015]. Тем самым в рассматриваемой системе обозначается противоречие, возникает определенное напряжение, которое непременно сказывается при восприятии данного текста.

В частности, в креолизованных текстах проявляется свое действие композитарный принцип (согласно которому высшие позиции занимает элемент большей сложности) и количественный принцип (в соответствии с которым иерархию возглавляет

наиболее информативный элемент). Пока в системе сохраняются отношения ордера, более сложный элемент будет нести в ней больше информации (оба принципа действуют в одном направлении). Но если более простой элемент системы несет больше информации или воздействует с большей силой, налицо системная инверсия.

Системные инверсии обладают одним примечательным свойством: когда они присутствуют в данной системе на постоянной основе, система адаптируется к ним, и ее дальнейшее существование без таких инверсивных отношений становится уже невозможным. Инверсия, таким образом, может расцениваться как консолидирующий, а не деструктивный фактор в данной системе (просто приобретшей благодаря данной форме отношений некоторое новое качество). В креолизованном тексте системная инверсия проявляет себя именно так; благодаря этой инверсии, эмоциональный заряд данного текста проявляет себя в наибольшей степени. В частности, инверсия прослеживается в креолизованном тексте как раз в том случае, когда по определению более сложный в структурном отношении (вербальный) компонент несет меньший объем информации, чем невербальный, т. е. при полной креолизации.

Сами эмоции в структуре поведения человека в обычных условиях носят подчиненный, служебный характер; однако весьма часто они (тоже в результате системной инверсии) выходят на первый план. Воздействие креолизованного текста направлено, как правило, на то, чтобы пробудить реципиента к эмоционально обусловленным действиям. И вышеупомянутое напряжение в той системе, которую представляет собой креолизованный текст, прямо этому способствует.

Анализ системных инверсий является универсальным методом в научном познании; он может применяться всюду, где приходится иметь дело с иерархическими системами. Но чтобы выявить инверсивные отношения в такой системе, как креолизованный текст, необходимо выявить иерархически сопряженные элементы; определить, какие организационные принципы действуют в данной системе, противоречат ли они друг другу или нет, и если такие противоречия выявляются, то сделать выводы о том, какое влияние они оказывают на восприятие данного текста.

ФАБУЛА В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

Первоначально сформулированное определение креолизованного текста подразумевает, что часть этого текста представлена в вербальной форме, а часть – в невербальной. Но если даже изображение

(как чаще всего это и бывает в живописи и графике) вообще не содержит никаких вербальных посланий, оно, тем не менее, представляет некоторую совокупность визуальных образов, каждый из которых может быть опознан и обозначен в вербальной форме. Иными словами, в изображении показан ряд объектов, во-первых, и происходящие с этими объектами процессы и события, запечатленные в каком-либо их моменте – во-вторых. Все здесь названное может быть обозначено в вербальной форме, и все это в совокупности образует фабулу данного произведения.

Фабула изображения включает в себя распознаваемые визуальные образы, символы и знаки. Образ (в его простейшей трактовке) есть воспроизведение внешности объекта, благодаря которому становится возможным его узнавание (и вербальное обозначение) со стороны реципиента. Символом становится образ объекта, наделенного собственным, самостоятельным бытием, реальным или вымышленным; но кроме того, параллельно своему собственному эстетическому бытию такой образ несет в себе и некоторый особый смысл, не тождественный ему самому (символ выполняет функции означающего по отношению к какому-либо внешнему означаемому). Здесь как раз проявляются упоминавшиеся выше прецедентные связи между элементами изображения. Данная функция означающего также доступна вербальному выражению. Например, одним из древнейших символов христианства является рыба, поскольку греческое слово «ихтис» (ΙΧΘΥΣ) считалось аббревиатурой фразы «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Рыба существует и сама по себе, как живое существо, пища или объект промысла, а кроме того, изображению рыбы придавалось и такое дополнительное значение.

Наконец, знак в произведениях изобразительного искусства представляет собой графическую фигуру, которая также обладает функцией означающего, но вне этой функции какого-либо самостоятельного значения не имеет. Действие знаков также может быть выражено в словесной форме.

Таким образом, фабула поддается и подлечит вербализации. Она может быть изложена разными словами, она может быть переведена на другой язык и изначально изложена на любом естественном языке. Представленная в вербальной форме, она представляет собой экфрасис картины. Тем самым, в изображении неявно представлен вербальный текст (исходя из возможности вербализации изображенного).

Вступая во взаимодействие с личностью реципиента, с его системой ценностей, апперцепцией, наконец, с его наличным эмоциональным состоянием, фабула способна передать ему

эмоциональный посыл художника. Но этот посыл по-разному воспринимается разными людьми, поскольку оказывает на них лишь опосредованное действие, через столкновение двух ситуаций, одна из которых представлена в изображении, в другой же пребывает сам реципиент.

Но можем ли мы, исходя из этого, рассматривать любое произведение изобразительного искусства как креолизованный текст? Очевидно, для этого требуется, чтобы, помимо фабулы, в данном произведении была представлена некоторая иная знаковая система – либо вербальный текст, либо некоторая невербальная информация, не поддающаяся и не подлежащая вербализации. И подобные компоненты в произведениях изобразительного искусства действительно встречаются.

Так, у произведений изобразительного искусства, как правило, имеются наименования (артионимы). Надо отметить, что артионимы зачастую не отличаются постоянством: произведение искусства может в разное время фигурировать под разными названиями. В связи с этим артионим обозначают как «единицу искусствоведческого дискурса, т. е. виртуальный, постоянно разворачивающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на тему искусства, реализуемых в рамках искусствоведческих наук в различных типах текста» [Погорелова, Тарасова, 2024, с. 50]. Артионимы, а также любые внешние вербальные пояснения, которыми сопровождается представление картин, можно обозначить как элементы внешней фабулы (в отличие от внутренней фабулы, которая воспринимается из контекста самого изображения). А поскольку эти элементы, как правило, так или иначе присутствуют, их наличие уже дает основание говорить применительно к данному произведению о некотором уровне креолизации.

Выше упоминались такие элементы, реализующие креолизацию естественного текста, как почерк при письме и характеристики голоса при произнесении речи. Следует проанализировать роль подобных элементов произведения искусства, в том числе и сравнительно с ролью фабулы.

Фабула присуща не одним только художественным изображениям в живописи и графике; присутствует она и в произведениях всех искусств, которые (в широком смысле этого слова) можно считать изобразительными – например, в художественной литературе (ее сжатое изложение соответствует синопсису произведения) или в сценическом искусстве (она отображается в тексте пьесы или в либретто). Таким образом, фабула может рассматриваться как неспецифический канал, передающий эмоционально окрашенную информацию от автора реципиенту. Но в каждом таком виде искусства, сверх

того, существует для этого и специфический канал, присущий именно данному виду искусства (иногда таких каналов несколько). В литературе это – лексикон писателя, в балете это – телесная пластика, подчиненная музыкальному ритму, а в живописи и графике – выразительная моторика, или «почерк» художника. Значение данного «почерка» прослеживается не только в художественной практике, но и в высказываниях художников о собственном творчестве; вопрос о роли этого «почерка» представляет, кроме всего прочего, интерес для культурологических исследований [Волкова, Шак, 2009]. Впрочем, в некоторых направлениях изобразительного искусства, прежде всего, в гиперреализме этот «почерк» проявляется крайне скупой или не проявляется вовсе. В других же направлениях живописи (например, в экспрессионизме) именно выразительная моторика формирует в произведении главное эмоциональное воздействие на зрителя.

Выразительная моторика художника обладает собственным эмоциональным воздействием на реципиента. Однако по своему воздействию на зрителя моторика радикально отличается от фабулы. Во-первых, в отличие от фабулы, моторика воздействует на зрителя непосредственно (а не опосредованно). Экспрессивные движения свойственны и художнику, и зрителю. Художник запечатлевает на полотне или бумаге следы своих активных движений; но ведь и реципиент сам постоянно совершает движения, а кроме того, на протяжении всей своей жизни он воспринимает выразительные моторные акты других людей. Этой общностью обусловлена способность зрителя видеть и чувствовать эмоциональный посыл автора произведения. Во-вторых, если фабула, исходно представленная в живописи и графике в невербальной форме, доступна вербализации, то эмоциональное воздействие выразительной моторики художника вербализации решительно не поддается. Мы не можем сформулировать словесное воздействие, которое в точности воспроизводило бы результат восприятия следов выразительной моторики; здесь не поможет никакой пересказ, изображение требуется увидеть собственными глазами.

Ранее упоминалось, что креолизованный текст (в том числе и рассматриваемое в означенном качестве произведение изобразительного искусства) может трактоваться как иерархическая система. Пока в данной системе сохраняются отношения ордера, особенности моторики художника (согласно и композитарному, и количественному организационному принципу) остаются в подчиненном состоянии; они проявляются, например, в том, что отличают рукотворное изображение от фотографического. В некоторых случаях они также дают

возможность осуществлять атрибуцию художественного изображения, позволяют определять его авторскую принадлежность (подобно тому, как мы можем идентифицировать певца по тембру голоса). Главное же эмоциональное воздействие в этом случае остается опосредованным, ибо осуществляет его фабула. Если собственная выразительная моторика художника нивелирована техническими приемами, то креолизация произведения обусловлена только сочетанием внутренней и внешней фабулы; этого порой недостаточно, чтобы говорить о полной креолизации.

Но если на первый план в выражении эстетических эмоций художника выходит именно выразительная моторика, то фабула превращается в подчиненный элемент. В предельном случае фабула становится нужна лишь для того, чтобы поставлять подходящий фактический материал, при использовании которого «почерк» художника в наибольшей мере проявляет свои экспрессивные возможности. В подчиненной роли фабулы и главенстве моторики проявляет себя системная инверсия, и в этом случае уместно констатировать уже полную креолизацию художественного текста. Впрочем, о полной креолизации можно говорить и тогда, когда фабула и выразительная моторика выступают в сбалансированном взаимодействии.

Наконец, изображение как креолизованный текст (и как результат различных видов изобразительной деятельности, от декоративного искусства до нанесения татуировок) может рассматриваться в качестве полноценной универсалии культуры

[Мердок, 2005]; последняя составляет неотъемлемую часть целостного тела культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, по итогам проведенного исследования, последовательно формируются следующие тезисы:

1. Анализ литературных данных показывает, что в креолизованном тексте выявляется несколько различных линий иерархического соподчинения; следовательно, правомочно рассматривать креолизованный текст в качестве сложной иерархической системы.
2. При анализе креолизованного текста приходится иметь дело с системными инверсиями, возникновение которых обусловлено противоречиями между действием различных организационных принципов в данной иерархической системе.
3. Взаимодействие трех ключевых элементов произведения изобразительного искусства – внешней фабулы (вербальной), внутренней фабулы (невербальной, но вербализуемой), и выразительной моторики (невербальной и не вербализуемой) позволяет говорить о том, что в изобразительном искусстве нам практически везде и всегда приходится иметь дело с креолизованными текстами, важнейшую характеристику которых составляет наличие системных инверсий. Анализ этих инверсий способствует дальнейшему исследованию эстетической природы креолизованного текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасов Е. Ф. Смысловое восприятие креолизованного текста // Креолизованный текст: смысловое восприятие: коллективная монография / отв. ред. И. В. Вашунина. М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2020. С. 9–15.
2. Ефименко А. Е. От sujet к сюжету и далее к syuzhet // Шаги / Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 10–35.
3. Назиров Р. Г. Сюжет и фабула // Назировский архив. 2020. № 1 (27). С. 91–100.
4. Чернышенко О. В. Лингводидактический потенциал креолизованного текста в рамках компетентного подхода // Казанский педагогический журнал. 2016. № 5 (118). С. 155–158.
5. Бортникова Т. Г., Долженкова М. И. Формирование коммуникативных навыков студентов в процессе работы с поликодовыми текстами // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 47–56.
6. Колтышева Е. Ю. Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста // Вестник Костромского государственного университета. 2008. Т. 14. № 1. С. 168–176.
7. Петрова А. В., Петров М. В., Шустрова Е. В. Когнитивно-дискурсивная методика анализа американского креолизованного текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 75–86.
8. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 94–99.
9. Вашунина И. В. Характеристика креолизованных текстов / глава в книге // Креолизованный текст: смысловое восприятие : коллективная монография / отв. ред. И. В. Вашунина. М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2020. С. 23–51.
10. Севостьянов Д. А. Противоречие и инверсия. Новосибирск: Золотой колос, 2015.

11. Погорелова И. В., Тарасова П. С. Артионим в семиотике живописного произведения // Культура и искусство. 2024. № 2. С. 48–54.
12. Волкова П. С., Шак Т. Ф. Живопись и музыка в контексте диалогической культуры // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5 (34). С. 15–16.
13. Мердок Дж. П. Общий знаменатель культур // Вестник культурологии. 2005. № 1 (32). С. 202–226.

REFERENCES

1. Tarasov, E. F. (2020). Smyslovoe vospriyatie kreolizovannogo teksta = Semantic perception of a creolized text. In Vashunina, I. V. (Ed.), Kreolizovannyj tekst: smyslovoe vospriyatie (pp. 9–15): collective monograph. Moscow: Institut yazykoznaniya Rossijskoj akademii nauk. (In Russ.)
2. Efimenko, A. E. (2019). From sujetto the plotand further to syuzhet. Steps / Steps, 5(2), 10–35. (In Russ.)
3. Nazirov, R. G. (2020). Syuzhet if abula = Plot and fable. Nazirovskij arkhiv, 1(27), 91–100. (In Russ.)
4. Chernyshenko, O. V. (2016). Lingvodidakticheskij potencial kreolizovannogo teksta v ramkakh kompetetnostnogo podkhoda = The linguodidactic potential of a creolized text within the framework of a competency-based approach. Kazan Pedagogical Journal, 5(118), 155–158. (In Russ.)
5. Bortnikova, T. G., Dolzhenkova, M. I. (2022). Students' communication skills in the process of working with poly-code texts, Tambov University Review. Series: Humanities, 1, 47–56. (In Russ.)
6. Koltysheva, E. Y. (2008). Kreolizovannaya diktema kak strukturno-smyslovoj element reklamnogo teksta = Creolized dicta as a structural and semantic element of the advertising text. Vestnik of Kostroma State University, 14(1), 168–176. (In Russ.)
7. Petrova, A.V., Petrov, M. V., Shustrova, E. V. (2020). Cognitive-discursive methodology of American multimodal texts analysis. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 4, 75–86. (In Russ.)
8. Voroshilova, M. B. (2012). Kreolizovanaya metafora: pervye zarisovki = Creolized metaphor: the first sketches. Political linguistics, 4, 94–99. (In Russ.)
9. Vashunina, I. V. (2020). Harakteristika kreolizovannyh tekstov = Characteristics of creolized texts. In Vashunina, I. V. (Ed.), Kreolizovannyj tekst: smyslovoe vospriyatie (pp. 23–51). Moscow: Izdatel'stvo: Institut yazykoznaniya Rossijskoj akademii nauk. (In Russ.)
10. Sevostyanov, D. A. (2015). Protivorechie i inversiya = Contradiction and inversion. Novosibirsk: Zolotoj kolos. (In Russ.)
11. Pogorelova, I. V., Tarasova, P. S. (2024). Artionim v semiotike zhivopisnogo proizvedeniya = Artionym in the semiotics of a pictorial work. Culture and Art, 2, 48–54. (In Russ.)
12. Volkova, P. S., Shak, T. F. (2009). Zhivopis' imuzyka v kontekste dialogicheskoy kul'tury = Painting and music in the context of dialogic culture. Cultural studies of Russian South, 5(34), 15–16. (In Russ.)
13. Murdock G. P. (2005). Obshchij znamenatel' kul'tur = The common denominator of cultures. Herald of Culturology, 1(32), 202–226. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич

доктор философских наук, доцент
доцент кафедры педагогики и психологии
Новосибирского государственного медицинского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sevostyanov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology
Novosibirsk State Medical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.07.2025
29.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 9 (903)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 9 (903)**

Ответственный за выпуск

Е. И. Карпенко
кандидат филологических наук, доцент

Executive editor

E. I. Karpenko
PhD in Philology, Associate Professor

Редактор В. А. Геронимус

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editor Vasilii A. Geronimus

Layout: Andrew V. Alymov

Layout design: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 30.09.2025

Усл. печ. л. 19,2

Формат 60х90/8

Заказ № 89/25

Signed for print: 30.09.2025

Conventional printed sheets: 19,2

Layout format 60x90/8

Order 89/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051

Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051

The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.

Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.

Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».